

**ЛИХУДОВСКІЕ
ЧТЕНІЯ
2022**

Памяти Бориса Львовича Фонкича

Борис Львович Фонкич на «Вторых Лихудовских чтениях».
Великий Новгород, 24 мая 2004 г.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО»

ЛИХУДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2022

Материалы научной конференции
«Пятые Лихудовские чтения»
Великий Новгород, 14–15 апреля 2022 г.

Великий Новгород
2023

УДК 37(091)

ББК 74.03

Л65

Печатается по решению РИС НовГУ

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *М. Б. Бессуднова*
(Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Великий Новгород)

доктор филологических наук, доцент *А. В. Кошелев*
(Государственный архив Новгородской области, Великий Новгород)

Редакционная коллегия:

*Я. А. Васильев, Д. И. Вебер, В. В. Грохотова, К. С. Десятков, Д. Н. Рамазанова,
Н. В. Салоники (отв. ред.), И. В. Самойлова, К. В. Суториус (отв. ред.)*

Л65 Лихудовские чтения — 2022: материалы научной конференции «Пятые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 14–15 апреля 2022 г. / Отв. ред. Н. В. Салоники, К. В. Суториус; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. — 260 с.: илл.

ISBN 978-5-89896-832-8

DOI: 10.34680/978-5-89896-832-8/2023.readings

В сборник материалов конференции «Пятые Лихудовские чтения» на тему: «Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам» включены исследования, посвященные деятельности братьев Иоанникия и Софрония Лихудов и их учеников, истории созданных ими учебных заведений в Москве и Новгороде, а также общим проблемам истории образования, книги и библиотек, европейским традициям образования.

Издание рассчитано на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся историей образования и книги в России и за рубежом.

Издание осуществлено при поддержке:

Программы развития НовГУ «Приоритет-2030» в рамках реализации стратегического проекта «Университет как генератор культурной идентичности», проект «Европейские традиции в истории высшей школы в России»

Российского фонда фундаментальных исследований конкурс «Петровская эпоха в истории России: современный научный взгляд» проект № 20-09-42029 «Роль Новгорода в развитии образования и книжности петровского времени: традиции и новации»

УДК 37(091)

ББК 74.03

ISBN 978-5-89896-832-8

© Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого, 2023
© Авторы статей, 2023

Предисловие

14–15 апреля 2022 г. в Гуманитарном институте Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Пятые Лихудовские чтения», организованная кафедрой всемирной истории и международных отношений совместно с Музеем истории НовГУ.

Программный комитет конференции возглавил А. Б. Ефременов, проректор по научной работе и инновациям НовГУ. В состав комитета вошли сотрудники университета: Ю. В. Данейкин, проректор по образовательной деятельности; С. С. Аванесов, директор «Научно-образовательного центра Гуманитарная урбанистика»; М. Б. Бессуднова, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений; Е. Ф. Жукова, заведующая кафедрой иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации; В. А. Кохановский, заместитель директора Гуманитарного института; Е. В. Торопова, заведующая кафедрой истории России и археологии. Для успешной подготовки и организации конференции был создан организационный комитет, который возглавил Д. Е. Крапчунов, и. о. директора Гуманитарного института. В состав оргкомитета вошли: В. В. Грохотова, заведующая кафедрой всемирной истории и международных отношений, сотрудники кафедры — К. С. Десятков, Н. В. Салоников и В. А. Якунина; директор Центра развития публикационной активности О. А. Фихтнер; начальник Редакционно-издательского отдела Г. В. Лебедева; начальник Отдела технического и мультимедийного сопровождения Н. А. Деревенко.

В течение двух дней на конференции прозвучало 25 докладов ученых разного профиля, представляющих академические институты, университеты, архивы и библиотеки Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Екатеринбурга, Новосибирска, Саратова, Белграда и Вены. Большая часть докладов была посвящена

традициям образования в России, Западной и Центральной Европе от Средневековья до Новейшего времени. Особое внимание на конференции было уделено творчеству и деятельности братьев Иоанникия и Софрония Лихудов и их учеников, истории созданных ими в Москве и Новгороде учебных заведений. Важное место в программе конференции заняли доклады, посвященные истории книги и библиотек¹.

Пленарное заседание конференции было посвящено памяти Бориса Львовича Фонкича, крупнейшего отечественного специалиста по византийской палеографии и истории русско-греческих культурных связей, который ушел из жизни в сентябре 2021 г. Борис Львович стоял у истоков Лихудовских чтений в Великом Новгороде, был их постоянным участником и ответственным редактором сборников материалов конференции. Среди многообразия научных тем, которыми занимался Б. Л. Фонкич, лихудовская тема стала одной из важнейших. На основании глубокого источниковедческого анализа документов он первым в отечественной исторической науке дал объективную оценку роли братьев Лихудов в истории создания первого высшего учебного заведения России — Московской славяно-греко-латинской академии. Подготовленные им ученики продолжают работу в этом направлении, о чем свидетельствуют и материалы настоящего издания.

¹ Подробнее о тематике докладов, прозвучавших на конференции, см.: Салонилов Н. В. Пятые Лихудовские чтения в Великом Новгороде // *Saurus*. 2022. Т. 1. № 2. С. 110–115.

Значение трудов Б. Л. Фонкича для изучения наследия братьев Лихудов

Д. Н. Рамазанова

*Российская государственная библиотека;
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия*

Аннотация. Борис Львович Фонкич (1938–2021), выдающийся отечественный ученый, специалист в области греческой палеографии, кодикологии и дипломатики, внес огромный вклад в изучение истории русско-греческих культурных связей. Важное место в его научных трудах занимало исследование рукописного наследия греческих дидаскалов Иоанникия и Софрония Лихудов. В статье рассмотрен вклад Б. Л. Фонкича в исследование этой темы, которую он изучал в тесной связи с историей развития греческой палеографии и с историей образования в России XVII–XVIII столетий.

Ключевые слова: Б. Л. Фонкич, братья Лихуды, греческая палеография, история образования в России

Importance of the B. L. Fonkich's Works in Studying the Heritage of the Leichoudis Brothers

Jamilia N. Ramazanova

*Russian State Library; Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Abstracts. Boris Lvovich Fonkich (1938–2021), an outstanding Russian scholar, expert in Greek paleography, codicology and diplomacy, made a huge contribution to the study of the history of Russian-Greek cultural ties. The study of the manuscript heritage of the Greek didascals Ioanikiy and Sophroniy the Leichoudis has become a significant part of his works. The article considers the contribution of B. L. Fonkich to the study of the history of the development of Greek paleography and the history of education in Russia in the XVII–XVIII centuries.

Keywords: B. L. Fonkich, Leichoudis brothers, Greek paleography, history of education in Russia

Кончина крупнейшего историка и выдающегося палеографа Бориса Львовича Фонкича, произошедшая 2 сентября 2021 г., стала огромной утратой для всех исследователей, причастных к изучению истории русско-греческих культурных связей, в том числе к исследованиям наследия братьев Лихудов и их учеников. Научные регалии Бориса Львовича — а он был доктором исторических наук, членом-корреспондентом Афинской Академии, почетным доктором Фессалоникийского университета им. Аристотеля и Фракийского университета им. Демокрита, — далеко не исчерпывали того значения и признания, которые определяют его имя и труды в российской и мировой науке¹. В своих областях знания, прежде всего в греческой палеографии, кодикологии и дипломатике, Борис Львович был непревзойденным Мастером, абсолютным научным авторитетом, однако он никогда не замыкался в поле собственных интересов. Важной частью его жизни были содействие и помощь ученикам и коллегам, занимающимся тематически близкими исследованиями, которыми он всегда живо интересовался. Пережив в 70–80-е гг. прошлого столетия длительное творческое одиночество и травлю завистливых администраторов от науки, но вопреки этому став уникальным специалистом, которому не было равных в своем деле, Б. Л. Фонкич прекрасно понимал, что достойное состояние научного знания невозможно без поддержки исследовательской среды, — а это требует регулярного общения, взаимодействия, творческого обмена идеями, обсуждений поисков и результатов труда. Именно поэтому Борис Львович как только мог заботился о публикациях коллег, и основал для этого две серии научных изданий: «Монфоко́н. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике» и «Россия и Христианский Восток», каждая из которых включала как монографии, так и сборники статей. К участию в этих публикациях

¹ Полагая, что нет необходимости подробно описывать здесь научные достижения Бориса Львовича, не связанные непосредственно с лихудоведением и историей образования, далее я не буду на этом останавливаться. За последний год было опубликовано несколько мемориальных текстов о Б. Л. Фонкиче, где отмечены его разнообразные научные, педагогические, просветительские и иные заслуги; отметим только некоторые из публикаций: [Бибиков 2021; Бондач 2021; Иванов 2021; Крюков 2021; [Полонский] 2021; Стогов 2021; Тюрина 2021].

Б. Л. Фонкич неизменно привлекал историков-источниковедов, искусствоведов и филологов, с разных сторон изучающих памятники не только греческой, но также славянской, латинской и арабской письменности.

Также Борис Львович неоднократно выступал инициатором и соорганизатором как конференций по истории русско-греческих культурных связей, так и различных научных форумов, посвященных изучению рукописных источников. Вместе с тем из многих конференций, с которыми он был связан, «Лихудовские чтения» в Великом Новгороде для Бориса Львовича всегда были особенно важным делом: фактически это была единственная российская конференция вне Москвы и Санкт-Петербурга, на которой он регулярно выступал с докладами, содействовал ее организации и деятельно привлекал к участию других исследователей жизни и трудов греческих ученых и дидаскалов братьев Лихудов. Не всегда Борис Львович мог лично присутствовать на всех «Лихудовских чтениях», однако он неизменно утверждал значение конференции для объединения усилий ученых, изучающих историю образования в России, был редактором сборников конференций, всегда интересовался докладами коллег и дискуссиями (Ил. 1).

Широта научных интересов Б. Л. Фонкича была обусловлена не только многообразием увлекавших его исторических тем, но и их многовековым хронологическими диапазоном. Сам Борис Львович называл себя прежде всего «эллинистом». Как мало кто другой из отечественных ученых, Фонкич имел на это право: он действительно не ограничивался только византиноведением или неоэллинистикой. В хронологическом отношении его исследования охватывают историю письменности греческого мира и его разнообразных культурных связей от Античности до XIX столетия [Курышева (сост.) 2018; Курышева (сост.) 2022]. При этом результаты изучения трудов греческих дидаскалов и просветителей Иоанникия и Софрония Лихудов занимают одно из наиболее важных мест в научном творчестве Б. Л. Фонкича, несмотря на то обстоятельство, что объем написанного им на эту тему, казалось бы, невелик. Различные аспекты лихудоведения, воспринимавшиеся Борисом Львовичем в тесной связи, с одной стороны, с историей развития греческой палеографии, а с другой — с историей образования и просвещения в России

XVII–XVIII вв., всегда были для него и предметом неослабевавшего интереса, и темами для размышлений и новых исследовательских поисков, в которых он неизменно поддерживал своих учеников.

Обратившись к истории Московской славяно-греко-латинской академии и деятельности братьев Лихудов в России, Б. Л. Фонкич определил совершенно новый уровень изучения этой проблематики. Замечу, что подобное не раз происходило со многими историческими сюжетами, которых касался Борис Львович. Он умел открывать и видеть источники с иной стороны по сравнению с предшественниками, и нередко даже его небольшие статьи впоследствии пролагали новые пути, оказывая влияние на целую череду последующих трудов других ученых. Так и в области лихудоведения Борис Львович увидел особый, присущий именно его исследовательскому подходу ракурс проблематики: отождествление автографов братьев Лихудов и определение характерных для них палеографических особенностей, иными словами, того динамического стереотипа письма, который свойственен почеркам Иоанникия и Софрония Лихудов. Такой подход создал основу для последующего выявления рукописей с автографами ученых дидаскалов. Этому кругу проблем посвящена основополагающая статья Б. Л. Фонкича, опубликованная в 1988 г. [Фонкич 1988²]. Небольшая по объему работа ни в коей мере не была результатом скоропалительного исследования; напротив, в ней сконцентрированы результаты длительных наблюдений над почерками Лихудов. Написанию статьи предшествовало тщательное накопление материала, потребовавшее от автора нескольких десятилетий кропотливого труда. Долгий путь работы Бориса Львовича с манускриптами Лихудов зафиксирован в читательских листах использования рукописей: так, первые записи Фонкича в таких листах, свидетельствующие о получении им на руки соответствующих кодексов, хранящихся в ОР РГБ (тогда — Всесоюзной государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина), относятся к 1964–1965 гг. В то время Б. Л. Фонкич систематически просматривал все греческие рукописи, хранившиеся в рукописных собраниях СССР. Таким образом, первые исследо-

² Впоследствии эта статья была переиздана в книге Б. Л. Фонкича [Фонкич 2003, с. 335–345].

вания рукописей Лихудов были начаты им еще в 26-летнем возрасте, и затем более двух десятилетий понадобилось для разысканий и осмысления источников, прежде чем материал был собран и статья увидела свет.

В своем обобщающем исследовании Б. Л. Фонкич не только обратил внимание на ряд незамеченных прежде проблем, связанных с лихудоведением, но, главное, представил обширный перечень выявленных им автографов Иоанникия и Софрония Лихудов. Этот перечень включал десять рукописей из фонда Московской духовной академии РГБ [ОР РГБ. Ф. 173.1 № 252, 276, 298, 300, 301, 303, 331, 332, 329, 354]; четыре рукописи из собрания Новгородской духовной семинарии РНБ [ОР РНБ. Ф. 522. № 61, 72, 73; Греч. 633]; запись Софрония Лихуда в Синодике Нежинского братства, хранящемся в БАН [НИОР БАН. Дмитр. 9. Л. 1]; многочисленные расписки Лихудов в документах из фондов РГАДА, в том числе список завещания Мелетия Грека, выполненный Иоанникием Лихудом [РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 2991. Л. 220–220 об.]; список Грамматики Лихудов из Саксонской земельной библиотеки в Дрездене [Dresden Sächsische Landesbibliothek. Mscr. Da. 44]; «Слово на Рождество Христово» из библиотеки Ивирского монастыря, представляющее собой автограф Софрония Лихуда; письмо Иоанникия Лихуда к Николаю Комнину Пападопулосу из собрания Библиотеки Марциана в Венеции [Biblioteca Marciana. Cod. Lat. XIV, 230 (coll. 4736). Л. 241–241 об.].

Кроме того, выявляя особенности почерков братьев, Б. Л. Фонкич указал на связь каллиграфии Иоанникия Лихуда с особенностями письма греческого ученого дидакала, филолога и богослова, митрополита Филадельфийского Герасима Влаха (1607–1685), отметив, что подобная преемственность у почерка Софрония Лихуда отсутствует. Это наблюдение стало одним из дополнительных доводов в пользу внесения корректив в некоторые биографические сведения о жизни и образовании Лихудов. Б. Л. Фонкич отметил существенную разницу в возрасте двух братьев (19 лет) и счел, что утвердившиеся ранее в историографии представления о синхронных этапах обучения Иоанникия и Софрония должны быть пересмотрены. Так, по его мнению, непосредственно учиться у Герасима Влаха как в силу возраста, так и палеографических особенностей почерка мог только старший из братьев — Иоанникий [Фонкич 1988, с. 62].

Другой важный вывод Б. Л. Фонкича заключался в том, что каждый из братьев Лихудов не только обладал особой каллиграфией, но и обучал ей своих учеников, которые копировали почерки учителей. Благодаря уже выявленным и собранным автографам Лихудов, а также палеографическим выводам, сделанным Борисом Львовичем, стали возможны дальнейшие исследования этой темы его учениками и находки новых рукописей. Это позволило получить более полные представления о деятельности Лихудов в Москве и Новгороде, и изучать историю образования и просвещения в России конца XVII — начала XVIII столетия на основе обширной источниковой базы [Вознесенская 2008; Рамазанова 2006; Рамазанова 2007; Рамазанова 2008; Рамазанова 2009; Рамазанова 2013; Рамазанова 2018; Яламас 2021]. Таким образом, оказалось, что ученики Б. Л. Фонкича благодаря созданному им исследовательскому направлению и его методу продолжили дело изучения деятельности учеников Лихудов.

Среди проблем, изучавшихся Б. Л. Фонкичем, находился и более широкий круг тем, связанных с деятельностью Лихудов и в целом историей образования в России в XVII столетии. В 1990–2000-е гг. Борис Львович работал над рядом сюжетов, относящихся к истории греческого образования в России, которые впоследствии стали основой книги о греческих школах в Москве [Фонкич 2009a]. При этом последняя глава монографии посвящена попыткам учреждения в России первого высшего учебного заведения в конце 1670-х — начале 1685 г., в преддверии создания Московской славяно-греко-латинской академии [Фонкич 2000; Фонкич 2009a, с. 189–267]. Некоторые из аспектов темы обсуждались в том числе на Первых (1998 г.) и Вторых Лихудовских чтениях (2004 г.), где Б. Л. Фонкич выступал с докладами. В одном из них Борис Львович опровергал представления о связи основания славяно-греко-латинской академии с проектом Академии, которую намеревались организовать Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев [Фонкич 2001], а в другом — рассматривал источниковедческие вопросы, касающиеся главного документа об устройстве этого задуманного Полоцким и Медведевым учебного заведения, появлению которого не суждено было состояться [Фонкич 2009b].

Итак, изучение деятельности и трудов Иоанникия и Софрония Лихудов, в том числе в связи с тем, каким образом они передавали

ученикам свои научные знания и практические умения, занимало большую часть творческой жизни Б. Л. Фонкича. В немалой степени этот интерес исследователя-эллиниста был обусловлен тем, что Лихуды — это первые греки, у которых получилось создать в России высшую школу, причем она была Школой в широком понимании — с целой плеядой учеников, которые тоже оставили труды и в свою очередь передали знания и навыки следующему поколению книжников. Борис Львович видел необходимость более тонкой и глубокой разработки различных исследовательских аспектов соответствующей проблематики и потому собрал вокруг себя учеников, которым сумел передать понимание важности изучения наследия Лихудов. Некоторые из связанных с этим тем стали результатами диссертационных исследований его учеников [Яламас 1992; Яламас 2001; Рамазанова 2002; Вознесенская 2004]. Однако внимание к роли братьев Лихудов для Б. Л. Фонкича не ограничивалось только сугубо научными и педагогическими аспектами. Он не только относился к деятельности и трудам греческих дидаскалов как к важной странице истории просвещения в России, но и полагал необходимой популяризацию знаний о них. Поэтому, например, Борис Львович не отказывал журналистам, обращавшимся к нему с вопросами о греческих просветителях, и всячески поддерживал идею создания памятника братьям Лихудам в Москве, открытого в 2007 г. (Ил. 2).

Научное творчество Б. Л. Фонкича было во многом неповторимым — и в умении видеть исследовательскую проблематику с разных сторон, и в отношениях обстоятельности архивных разысканий, тщательности источниковедческого анализа, виртуозного владения методами палеографии и кодикологии. Хотелось бы верить, что его ученики и последователи смогут достойно продолжить дело изучения наследия братьев Лихудов, которое было так дорого Борису Львовичу.

Литература и источники

Биби́ков М. В. *Ad memoriam* // Каптеревские чтения 19: Сб. статей. М., 2021. С. 9–12.

Бондач А. Г. Вспоминая Бориса Львовича Фонкича // Каптеревские чтения. 19: Сб. статей. М., 2021. С. 13–19.

Вознесенская И. А. Греческие школы Иоанникия и Софрония Лихудов в начале XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИВИ РАН, 2004. 24 с.

Вознесенская И. А. Рукописные учебники братьев Лихудов начала XVIII в. в петербургских хранилищах // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 59. С. 369–375.

Иванов С. А. Божественная отстраненность. Памяти Бориса Львовича Фонкича (28.02.1938–02.09.2021) // Кольта.ру [06.09.2021; электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.colta.ru/literature>, свободный [дата обращения: 10.01.2022].

Крюков А. М. Памяти Бориса Львовича Фонкича... // Византийский временник. 2021. Т. 105. С. 411–415.

Курышева М. А. (сост.) Борис Львович Фонкич. Библиография трудов к 80-летию ученого / сост. М. А. Курышева. М.: ИВИ РАН, 2018. 70 с.

Курышева М. А. (сост.) Библиография трудов Б. Л. Фонкича: 2018–2022 гг. / сост. М. А. Курышева // Монфоко. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике / Отв. ред. М. В. Бибииков. М., 2022. [Вып.] 8. С. 9–11.

НИОР БАН. Дмитр. 9. Л. 1. Запись Софрония Лихуда о даче нежинскому священнику Христоуду 52 рублей для вечного поминовения внесенных в Синодик лиц.

ОР РГБ. Ф. 173.1. № 252. Герасим Влах. Толкование на вторую книгу «Богословия» Иоанна Дамаскина.

ОР РГБ. Ф. 173.1. № 276. Герасим Влах. Толкование на первую книгу «Богословия» Иоанна Дамаскина.

ОР РГБ. Ф. 173.1. № 298. Влах Герасим. Толкования на трактат «О душе» Аристотеля.

ОР РГБ. Ф. 173.1. № 301. Влах Герасим. Толкования на «Физику» Аристотеля.

ОР РГБ. Ф. 173.1. № 303. Влах Герасим. Толкования на трактат Аристотеля «О возникновении и уничтожении».

ОР РГБ. Ф. 173.1. № 329. Лихуд Иоанникий. Риторика.

ОР РГБ. Ф. 173.1. № 300. Лихуд Софроний. Логика.

ОР РГБ. Ф. 173.1. № 332. Лихуды. Грамматика.

ОР РГБ. Ф. 173.1. № 331. Лихуды. Грамматика и поэтика.

ОР РГБ. Ф. 173.1. № 354. Сборник материалов Иоанникия Лихуда.

ОР РНБ. Греч. (Ф. 906). № 633. Влах Герасим. Толкование на первую книгу «Богословия» Иоанна Дамаскина.

ОР РНБ. Ф. 522. № 61. Лихуд Иоанникий. Риторика.

ОР РНБ. Ф. 522. № 72. Лихуды. Костромская грамматика греческого языка.

ОР РНБ. Ф. 522. № 73. Лихуды. Новгородская грамматика греческого языка.

[Полонский Д. Г.] Памяти Бориса Львовича Фонкича... // Slověne. 2021. Т. 10. № 1. С. 487–490.

Рамазанова Д. Н. Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской академии (1685–1694): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИВИ РАН, 2002. 24 с.

Рамазанова Д. Н. История просвещения XVI–XVII вв. и палеографический метод. Учитель — ученик // Хризограф. Вып. 3: Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи. Труды междунар. науч. конф. Москва, 5–7 сентября 2005 г. М., 2009. С. 179–187.

Рамазанова Д. Н. Неизвестные греческие рукописи круга учеников Лихудов (по материалам Национальной библиотеки Греции и Библиотеки Румынской Академии наук) // Палеография, кодикология, дипломатика: современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: материалы междунар. науч. конф. Москва, 27–28 февраля 2013 г. / Отв. ред. И. Г. Коновалова; сост. Д. Н. Рамазанова; Ин-т всеобщ. истории РАН. М., 2013. С. 268–278.

Рамазанова Д. Н. Новый автограф Иоанникия Лихуда: к проблеме реконструкции личной библиотеки основателей Славяно-греко-латинской Академии // Палеография, кодикология, дипломатика: современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: материалы междунар. науч. конф. в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 321–330.

Рамазанова Д. Н. Новый греческий список «Риторики» Софрония Лихуда (предварительные замечания) // Монфокон. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М.; СПб., 2007. [Вып. I]. С. 198–203.

Рамазанова Д. Н. Новый перевод Козмы Ивирита и «Греческая грамматика» Константина Ласкариса // От Средневековья к Новому времени: Сборник статей в честь Ольги Андреевны Белобровой. М., 2006. С. 523–527.

Рамазанова Д. Н. «Четырехязычный лексикон» Герасима Влаха 1659 г. Новые материалы // Книга. Исследования и материалы. Сб. 88: в 2 ч. Ч. 2. М., 2008. С. 175–185.

РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 2991. Завещание Мелетия Грека.

Стогов И. Ю. «Я только что обнаружил неизвестную рукопись самого Максима Грека». Памяти Бориса Львовича Фонкича // Горький

Медиа [03.09.2021; электронный ресурс] / Режим доступа: <https://gorky.media/context/>, свободный [дата обращения: 10.01.2022].

Тюрина Г. А. «Не вкусен, да здоров»: памяти Бориса Львовича Фонкича // Православие.ру [03.11.2021; электронный ресурс] / Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/142716.html>, свободный [дата обращения: 02.09.2022].

Фонкич Б. Л. (2009а) Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М.: Языки славянских культур. 2009. 296 с.

Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV — в начале XVIII века. М.: Индрик, 2003. 512 с.

Фонкич Б. Л. К вопросу о соотношении академии Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева и академии братьев Лихудов // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. / Отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. С. 28–30.

Фонкич Б. Л. Новые материалы для биографии Лихудов // ПКНО. Ежегодник. 1987. М., 1988. С. 61–70.

Фонкич Б. Л. (2009б) Новый список «Привилегии на Академию» // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 24–26 мая 2004 г. / Отв. ред. В. Л. Янин и Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2009. С. 12–14.

Фонкич Б. Л. «Привилегия на Академию» Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева // ОФР. М., 2000. Вып. 4. С. 237–297.

Яламас Д. А. Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 2001. 59 с.

Яламас Д. А. Произведение «О поэтическом или метрическом искусстве» братьев Лихудов и стихотворные упражнения учеников // Кафедра византийской и новогреческой филологии. 2021. № 9. С. 37–57.

Яламас Д. А. Филологическая деятельность братьев Лихудов в России: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 17 с.

Biblioteca Marciana. Cod. Lat. XIV, 230 (coll. 4736). Л. 241–241 об. Письмо Лихудов к Николаю Комнину Пападопулосу.

Dresden Sächsische Landesbibliothek — Staats- und Universitätsbibliothek, Mscr. Da. 44. Лихуды. Костромская грамматика греческого языка.

**ТРАДИЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ
И КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ
В РОССИИ**

Какие учебники (не)использовали в Киевской братской школе 1620-х гг.: некоторые наблюдения

М. А. Корзо

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Статья анализирует две компиляции Кассиана Саковича (ок. 1578–1647): «*Problemata abo Pytania polskie o przyrodzeniu człowieczym*» (1620) и «*Traktat o duszy*» (1625). Первый текст представляет собой расширенный перевод трактата псевдо-Аристотеля «*Problemata Aristotelis*»; «Трактат о душе» построен на основе комментариев Фомы Аквинского на сочинение «О душе» Аристотеля. Обе компиляции Саковича традиционно связывают с его учительством в Киевской братской школе (1620–1624), и рассматривают как учебные пособия. В статье делается попытка проверить, действительно ли данные сочинения изначально задумывались именно как школьные учебники, выдвигаются некоторые аргументы «за» и «против» этой гипотезы. Делается предположение, что из-за слабости развития школьной системы у православных Кассиан Сакович подготовил обе компиляции вместе с переизданием сочинения «*Desiderosus, abo Scieszka do miłości Bożej*» (1625) в первую очередь для целей индивидуального чтения священников и мирян, для их интеллектуальной и духовной формации, но не для использования в школьной практике в качестве учебного пособия.

Ключевые слова: Кассиан Сакович, Киевская братская школа, учебники, псевдо-Аристотель

What Textbooks Were (not) Used at the Kiev Brotherhood School in the 1620s: Some Remarks

Margarita A. Korzo

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstracts. The article is dealing with two works by Kassian Sakowicz (ca. 1578–1647): *Problemata abo Pytania polskie o przyrodzeniu człowieczym*, [1620] and *Traktat o duszy*, 1625. The first one is an extended translation of the pseudo-Aristotle's treatise *Problemata Aristotelis*; the *Treatise* is based on the Thomas Aquinas' comments on the essay *On the Soul* by Aristotle. Both works are traditionally associated with Sakovycz's teaching activities at the Kiev Brotherhood college (from 1620 to 1624), and regarded as textbooks created for educational purposes. The article attempts to verify whether *Problems* and *Treatise* were originally intended and compiled

as schoolbooks, putting forward arguments pro and contra. The hypothesis is made that due to the insufficient development of the Orthodox school system, both *Problems* and *Treatise* together with the prepared by Sakowycz in 1625 reprint of a moral-edifying essay *Desiderosus, abo Scieszka do miłości Bożej* were originally conceived by Kassian rather for individual reading for Orthodox clergy and laity, their intellectual and spiritual formation than for educational purposes.

Keywords: Kassian Sakowicz, Kiev Brotherhood school, textbooks, pseudo-Aristotle's

Исследование посвящено двум опубликованным Кассианом Саковичем (ок. 1578–1647) книгам: «*Problemata abo Pytania polskie o przyrodzeniu człowieka*» (далее — «Проблемы») и «*Traktat o duszy*» (далее — «Трактат»). На основе анализа структуры и отдельных особенностей данных текстов будет предпринята попытка понять, могли ли они изначально задумываться и составляться Кассианом в качестве учебных пособий для Киевской братской школы.

«Проблемы» вышли из печати, судя по всему, в 1620 г.: так датировано предисловие, адресованное Лаврентию Древинскому († после 1639 г.) — видному православному политику из рядов волынской шляхты, благодаря протекции которого Кассиан мог получить место ректора Киевской братской школы (1620–1624) [Пидгайко, Флоря 2021]. «Трактат» опубликован в 1625 г.; к этому моменту Кассиан уже сложил с себя полномочия ректора Киевской братской школы и перебрался в Люблин. В. М. Ничик считает «Проблемы» и «Трактат» двумя частями единого учебного пособия — первого учебника по философии в восточнославянском мире, в котором заметен переход от доминировавшего раньше в этом ареале неоплатонизма к аристотелизму [Пам'ятки братських шкіл 1988, с. 435, 505–506].

Исследование В. М. Ничик подтвердило, что «Проблемы» представляют собой переложение одного из популярных в Европе сочинений псевдо-Аристотеля антрополого-медицинского содержания. В Европе на рубеже раннего Нового времени было в ходу несколько компиляций псевдо-Стагирита разного состава; сборник же, за которым закрепилось название «*Problemata*», циркулировал в двух версиях: пространной (хронологически более ранней) и краткой (датируется XIII или XIV в.). Названные версии отличаются

друг от друга не только объемом, но и тематически; также характерной особенностью краткой версии является наличие лаконичного предисловия с началом «*Omnes homines naturaliter scire desiderant*» (все люди по природе стремятся к знанию) [Blair 1999].

Версия «*Omnes homines*» состоит из краткого вступления о ценности познания, затем в 35 главах в вопросно-ответной форме рассматриваются последовательно части и органы человеческого тела, свойства крови и желчи, др.; в изданиях XVI в. после последней главы встречается небольшое приложение под названием «*Problemata varia*», в котором без какой-либо системы и логики приводятся разные интересные факты о человеческой физиологии и из жизни животных [Problemata Aristotelis 1569, p. 80v.ff.].

Первый польский перевод «*Problemata*» предпринял в 1535 г. связанный с Краковской академией Анджей Глабер из Кобылина (1500–1555). Его версия состоит из трех частей: первая представляет собой более или менее дословное переложение «*Omnes homines*»; но ряд фрагментов из «*Omnes homines*» попал и во вторую часть, в которой Анджей рассуждает о питании и диете, о пользе и вреде отдельных продуктов и напитков.

Кассиан Сакович также использовал «*Omnes homines*» и работал с двумя языковыми версиями трактата псевдо-Аристотеля — латинской и польской. Переложение Саковича состоит из 26 разделов, сохранена присущая латинскому оригиналу вопросно-ответная форма изложения. В композиционном смысле Кассиан обращался с латинским оригиналом довольно свободно, меняя местами различные фрагменты.

С непосредственными источниками компиляции Кассиана о душе ситуация не столь однозначна, как с источниками «Проблем». Хотя трактат Аристотеля «О душе» и является одним из наиболее часто цитируемых Кассианом Саковичем, Н. В. Пуминова считает, что «Трактат» основан не столько на тексте Аристотеля, сколько на комментариях Фомы Аквинского к текстам Стагирита [Пуминова 2018]. Томистские комментарии Кассиан обильно расширяет за счет церковных авторов, сочинений польских философов и медиков, профессоров Краковской академии, в которой он в свое время обучался. Не исключено, что «Трактат» включает в том числе и какой-то материал прослушанных Кассианом университетских курсов.

Оба издания Саковича тематически связаны между собой и дополняют друг друга: если в «Проблемах» последовательно описывается устройство человеческого тела и его физиологические функции, то «Трактат» анализирует силы и способности человеческой души. Более того, в третьем разделе «Проблем» Сакович сам как бы анонсирует «Трактат», называя его второй частью своего изложения [Пам'ятки братських шкіл 1988, с. 343].

Данное замечание Кассиана можно понимать таким образом, что оба сочинения составлялись или одновременно, или с небольшим временным зазором. Но, судя по всему, они изначально создавались в разных языковых версиях: в посвящении к «Трактату» Сакович говорит, что ему пришлось заново написать «Трактат» на польском языке [Traktat o duszy 1625, k. A4]. Это высказывание наводит на мысль, что изначально сочинение о душе задумывалось Кассианом в кириллической версии. И если это действительно так, то данный факт весьма примечателен: если Сакович рассматривал оба сочинения как некое тематическое целое, как первую и вторую части своего изложения, то почему он создает их на разных языках?

Говоря об аргументах «за» и «против» того, что перед нами учебные пособия, я буду рассматривать «Проблемы» и «Трактат» не столько как части единого целого (то есть вопреки явно декларируемому замыслу самого Саковича), сколько как два самостоятельных сочинения.

Что касается «Проблем», то к числу самых очевидных аргументов «за» может быть отнесен, во-первых, жанр этого сочинения и вопросно-ответная форма организации материала: они наводят на мысль, что эту книгу вполне можно было использовать в учебном процессе. К аргументам «за» принято относить и приложение Кассианом к «Проблемам» образцов светских речей на польском языке: четырех речей по случаю свадебных торжеств и четырех — на траурные мероприятия. В. М. Ничик разделяла мнение о том, что это оригинальное сочинение Саковича и считала, что эти речи вполне подходили на роль учебного материала или образцов ораторского искусства для курса риторики в братской школе [Пам'ятки братських шкіл 1988, с. 434]. На первый взгляд данная версия представляется вполне убедительной — перед нами учебное пособие по философии, которое совмещено с практическим материалом для курса красноречия.

На самом деле образцы не являются оригинальным сочинением Саковича: речь идет о творческой компиляции из различных ораций светского характера, которые представляли собой письменную фиксацию действительно произнесенных устно речей и которые циркулировали до 1620 г. в рукописной форме, главным образом в составе антологий образцов светского красноречия [Barłowska 2010, pp. 223–234]. Подобного рода сборники никогда не замыслились как учебные пособия для школ и в таком качестве не использовались: они были частью домашних библиотек, подручным практическим пособием, переписывались в составе шляхетских *silva rerum*. Кто знает, может именно в таком качестве и замыслились Саковичем «материи» в составе «Проблем», а не как практический материал для школьного курса риторики, то есть учебное пособие.

К аргументам «против» того, что «Проблемы» задумывались как учебное пособие, можно отнести единичные вставки полемического характера, которые разительно контрастируют с общим ходом повествования, выглядят не очень подходящими для школьного учебника.

Одним из косвенных аргументов, что «Проблемы» Саковича — это по замыслу скорее не учебник, служит и статус латинских «*Problemata*» в культуре Западной Европы раннего Нового времени: все исследователи называют данный тип сборника способом популяризации взглядов Аристотеля и псевдо-Аристотеля, упрощенной формой изложения анатомических и медицинских знаний, подручными справочниками энциклопедического характера, которые использовались даже для проповеднических целей [Ventura 2006, pp. 113–144]. И польский перевод 1535 г. задумывался как подручная энциклопедия для лиц женского пола [Wojtkowska-Maksymik 2020, pp. 349–350]. Если Кассиан Сакович действительно следует этой латинской традиции и создает свои «Проблемы» именно как домашнюю энциклопедию, что-то вроде пособия для развивающего чтения, то тогда становится понятным, зачем он в приложении помещает избранные «материи» для светских ораций.

Что касается второго сочинения Кассиана, то даже поверхностное знакомство с «Трактатом» позволяет понять, насколько разительно оно отличается от «Проблем» и по стилю подачи материала, и по способу работы автора с источниками, а также по характеру

цитирования тех или иных авторитетов. В «Проблемах» используется простая вопросно-ответная форма изложения, а «Трактат» — это разбитое на главки сплошное повествование. Отдельные главки открываются неким констатирующим тезисом, за которым следуют аргументы «за» и «против» с разбивкой на пункты «ответ на первое...», «ответ на второе...». Кассианом также используется прием перечисления целого ряда дополняющих друг друга или противоречащих друг другу тезисов, за которым следует раздел «ответы на эти аргументы». Подобный характер подачи материала очень напоминает стиль авторов богословских сумм или пособий по позитивно-полемическому богословию рубежа XVI–XVII вв. Перечисленные выше и еще целый ряд особенностей структурирования текста «Трактата», необычайно высокая насыщенность текста цитатами философских и богословских авторитетов наводят на мысль о том, что перед нами скорее не пособие для школьной практики.

Если в «Проблемах» встречались лишь отдельные вкрапления полемики сюжетов, то «Трактат» насквозь полемичен; и эта полемичность выходит порой за рамки чисто академического рассуждения, опускаясь на уровень персональных нападок (что было впоследствии так характерно для стиля Саковича-полемиста).

Если придерживаться версии, что «Проблемы» и «Трактат» создавались одновременно или с минимальным временным зазором, то есть около 1620 г., когда Сакович только собирается принять монашеский постриг, то представляется маловероятным, что подобного рода полемические (а местами и оскорбительные по отношению к православному духовенству) выпады были уже в первоначальном — кириллическом — варианте сочинения о душе, который исследователями пока не найден. Допустимо предположить, что некоторые (многие? или даже все?) полемические вставки появляются лишь около 1625 г., когда Кассиан готовит к печати польскоязычную версию трактата, также подумывает о переходе в унию (или уже принял это решение?).

Еще одна особенность трактата о душе была отмечена Н. В. Пуминовой, и эта особенность также порождает сомнения, что речь идет об учебном пособии. Исследовательница обратила внимание на то, что Сакович вписывает учение о душе в сотериологию. Такой подход не был типичным для учебных курсов коллегий иезуитов

той эпохи, а также для более поздних курсов Киево-Могилянского коллегиума, в которых учение о душе рассматривалось в рамках физики [Пуминова 2018, с. 138–139]. Таким образом или предложенный Кассианом новаторский подход просто не прижился в учебной практике, или «Трактат» для этой учебной практики не предназначался.

Изложенные выше аргументы «за» и «против» позволяют сделать следующие предварительные заключения. Не исключено, что не только «Проблемы», но и «Трактат» задумывался и создавался (по крайней мере, основная часть трактата, без полемических вставок) еще до того, как Сакович стал учительствовать в Киевской братской школе. Может быть, он и предполагал, что эти компилятивные тексты когда-то станут учебными пособиями, но скорее всего это не было его основной интенцией. А чтобы приблизиться к прояснению изначальных намерений Кассиана, стоит, как мне представляется, внимательнее взглянуть еще на одно его издательское предприятие.

Я склонна объединять «Проблемы» и «Трактат» с изданным в 1625 г. в Кракове сочинением «Desiderosus, abo Scieszka do miłości Bożej» (далее — «Десидеросус») в единый издательский проект Кассиана Саковича. Известно, что «Десидеросус» был переведен с испанского языка на польский еще в 1589 г., а Сакович осуществил лишь переиздание трактата, снабдив его двумя авторскими предисловиями. Кассиан был знаком с «Десидеросус» еще до того, как опубликовал свою переработку «Проблем», поскольку в адресованном Древинскому посвящении 1620 г. Сакович ссылается на эту книгу [Problemata 1620, к. А4v.]. Более того, Кассиан утверждает, что в свое время сделал перевод «Десидеросус» на «простой наш русский язык» (не уточняя, правда, перелагал ли он с польского, с латыни или какого-то иного языка), но необходимость сменить место жительства (отъезд из Киева?) помешала ему опубликовать перевод собственного авторства [Desiderosus 1625, к. 9v.].

Не исключено, что к 1620 г. Сакович уже подготовил все три сочинения: «Проблемы», «Трактат» и «Десидеросус». В приложенных ко всем трем сочинениям предисловиях-посвящениях прослеживается общая идея — невежество православных и недостаточное количество школ, необходимость переводить книги развивающего

и духовного характера, которые стали бы первостепенным источником просвещения. Сакович призывает переводить на свой «простой русский язык», но признает, что для этих целей вполне подходит и польский, поскольку по крайней мере представители духовенства владеют им достаточно хорошо, да и издавать книги на польском намного дешевле. Во втором предисловии к «Десидеросус», которое Кассиан адресует «Благочестивому читателю, особенно Греческой Религии», он предлагает свою масштабную программу перевода книг назидательно-духовного содержания, называя сочинения как греческого происхождения, так и творения известных в Речи Посполитой католических авторов [Desiderosus 1625, k. 8–12v.]. А потому позволю себе предположить, что все три изданные карманным форматом книги — «Проблемы» (8°), «Трактат» (12°) и «Десидеросус» (8°) — изначально замышлялись Кассианом Саковичем для индивидуального чтения православного духовенства и мирян, для их внешкольной интеллектуальной и духовной формации.

Литература и источники

Пам'ятки братських шкіл на Україні: кінець XVI — початок XVII ст.: тексти і дослідження / Ред. В. І. Шинкарук, В. М. Нічик, та ін. Київ: Наукова думка, 1988. 568 с.

Пидгайко В. Г., Флоря Б. Н. Сакович Кассиан. Биография // ПЭ. М., 2021. Т. 61. С. 160–161.

Пуминова Н. В. «Трактат о душе» Кассиана Саковича: на пересечении философских традиций // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2018. Т. 2. С. 135–145.

Blair A. The «Problemata» as a Natural Philosophical Genre, Natural Particulars // Nature and the Disciplines in Renaissance Europe / Eds. A. Grafton, N. Siraisi. Cambridge (Mass.); London, 1999. P. 171–204.

Barłowska M. Swada i milczenie: Zbiory oratorskie XVII–XVIII wieku — prolegomena filologiczne. Katowice: Wyd-wu Uniwersytetu Śląskiego, 2010. 350 s.

Desiderosus, abo Scieszka do miłości Bożej. Kraków: A. Piotrkowczyk, 1625.

Problemata abo Pytania polskie o przyrodzeniu człowieczym. [Kraków]: b. dr., [1620].

Problemata Aristotelis, ac philosophorum, medicorumque complurium. Venetiis: I. Vsriscus et Socii, 1569.

Traktat o duszy napisany przez Kassyana Sakowicza wielebnego oycy zakonnika religiey greckiey. Kraków: b. dr., 1625.

Ventura I. Aristoteles fuit causa efficiens huius libri: On the Reception of Pseudo-Aristotle's «Problemata» in Late Medieval Encyclopaedic Culture // Aristotle's «Problemata» in Different Times and Tongues / Eds. P. De Leemans, M. Goyens. Leuven, 2006. P. 113–144.

Wojtkowska-Maksymik M. Aristotle for Women. On the Polish Translation of the «Problemata Aristotelis» (Omnes homines) (1535) // Philosophical Readings. 2020. Vol. XII. N 2. P. 349–350.

Формирование православного содержания образования в последней четверти XVII в.: специальная учебная литература

О. Е. Кошелева

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

Аннотация. Целью статьи является анализ интеллектуальных усилий московских книжников по созданию школьного православного образования. Школьная система образования отсутствовала в допетровской России, вместо нее существовало ученичество частного характера. Идея организации отличных от западноевропейских латинских православных школ захватила умы москвичей в последней четверти XVII в., что и привело к составлению нескольких рукописных учительских сборников, составители которых стремились представить в них содержание такого школьного православного образования. В статье сравниваются два из подобных сборников — «Алфавитарь» Евфимия Чудовского и «Школьные азбуковники» Прохора Коломнятина. Автор приходит к заключению о том, что два разных составителя, работавших независимо друг от друга и использовавших для своих сборников разные тексты, предложили одинаковые тематические блоки по формированию содержания школьного образования. Это: 1) Грамматика как основная тема; 2) Разъяснения пользы учения и раскрытие понятия «Мудрость»; 3) Нормы светского поведения учеников; 4) Нормы благочестия и расплата за их нарушение; 5) Краткий катехизис и молитвы; 6) Наставления для учителей. Авторы-составители практически исчерпали возможности древнерусской книжности по составлению содержания образования. Им пришлось обращаться к некоторым новым переводным произведениям и собственным сочинениям.

Ключевые слова: школьное обучение, рукописные учительские сборники, православное содержание образования, Московия, образование.

Formation of the Orthodox Content of Education in the Last Quarter of the XVII Century: Special Educational Literature

Olga E. Kosheleva

Institute of General History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstracts. The aim of the article is to grasp the mental division of mind of Russian intellectuals in solving the problem of organizing Orthodox school education. The organized schooling was largely absent in Muscovy and the practice of studying with a private teacher substituted for schools. The idea to create Orthodox schools, different from Latin ones of Western Europe, was set forth in the last quarter of the XVII century and led to the compilation of several handwritten teachers' collections, the compilers of which sought to present in them the content of school Orthodox education. That gives the ground for comparison between two of them: *ABC for kids* by Evfimiy from Chudov monastery and *School ABC* by Prokhor Kolomniatin. Conclusions: two different compilers, who used different texts, show similar thematic composition in constructing a school curriculum. It includes: 1. Grammar as a main section; 2. Explanation the necessity of study and the meaning of "Wisdom"; 3. Norms of the pupils' conduct; 4. Instructions on piety as well as threats for ignoring them; 5. Catechisms and the texts of prayers; 6. Instructions for teachers. The two author-compilers nearly exhausted the possibilities of the Muscovite repertoire of texts, which could be used for children's education. However, they added some new translations as well as their own compositions.

Keywords: schooling, manuscript educational miscellanies, Orthodox school curriculum, Muscovy, education

Вопрос о поисках новых форм обучения остро встал в последней четверти XVII столетия и начал воплощаться в конкретных действиях по созданию школ и учебной литературы. Братья Лихуды заняли в этом процессе особо значимое место. Однако эта значимость может быть раскрыта наглядно и содержательно только в русле сравнительного исследования, в контексте других попыток создать новое содержание образования.

Вопрос школьного образования в указанное время заинтересовал не только рядовых книжников в рясах и без, но и церковных иерархов, и царский двор, поскольку с помощью «правильного» православного обучения были надежды предотвратить разномыслие в обществе и раскол в церкви. Горячие дискуссии [Фонкич 2009, с. 235–237] шли внутри монастырских стен и на их московских

подворьях. Сама идея создания школы была в Московии новой и непривычной, здесь преобладала система частного образования [Кошелева 2012a; Kosheleva 2019]. Поэтому вопрос о содержании образования оставался спорным, и московские интеллектуалы предлагали разные решения этой задачи. Их размышления воплотились в том числе и в создании учебных книг, как печатных Азбук и Букварей, так рукописных сборников учебного характера.

До нашего времени дошло несколько таких рукописных сборников, относящихся к последней четверти XVII — началу XVIII в. Это: 1) сборник «Школьных азбуковников»¹ Прохора Коломнятина [РГАДА. Ф. 357. № 60]; 2) «Алфавитарь ради учения малых детей» Афанасия архиепископа Холмогорского и Евфимия Чудовского [НИОР БАН. Арханг. 211; Bragone 2008]; 3) учительские «практические» сборники [Кошелева 2013, 2015a, 2015b].

«Школьные азбуковники» и «Алфавитарь» были предназначены в первую очередь для учителей, их разнообразное содержание скомпоновано в более-менее стройном порядке в виде учебной книги, они сохранились в нескольких списках, поскольку по желанию составителей их вручную тиражировали. Эти два сборника не похожи друг на друга ни по организации материала, ни по стилю и содержанию, что естественно, поскольку они составлялись в разных обстоятельствах людьми, несхожими между собой во многих отношениях. Однако оба отражают увлеченность идеей развития православного обучения и стремление сформировать его содержание в варианте, отличающемся от «латинской школы» с тривиумом и квадривиумом. Для этого авторами-составителями подбирался и обрабатывался имевшийся в российской книжности материал, он объединялся в сборник, которому еще не было названия, но который мы сегодня назвали бы с некоторой долей натяжки учебной книгой.

Для нас, таким образом, открывается редкая и увлекательная возможность проследить, как авторы-составители «Алфавитаря» и «Школьных азбуковников» вне зависимости друг от друга решали одинаковую задачу по созданию учебного сборника и отвечали на

¹ Сборник не имеет самоназвания и никак не обозначен в литературе, поэтому условное название сборник «Школьных азбуковников» дано мной.

вопрос «чему учить?». Однако в таком сравнении есть определенная трудность: работа над сборниками началась в одно время — с начала 80-х гг., и являлась процессом, длившимся вплоть до конца 90-х гг. XVII в., который отразился в их разных списках. Имея это в виду, следует ориентироваться на наиболее полные и хорошо сохранившиеся списки. В объеме данной статьи невозможно детально отразить проделанное сравнение текстов, здесь будут рассмотрены только основные его результаты. Цель сравнения — выявить учебные возможности русской книжности, которыми воспользовались лица, желавшие обновить православное обучение и ввести его в институцию школ.

Сначала рассмотрим внешние различия рукописей, они весьма значительны. «Алфавитарь»² в списке Афанасия Холмогорского открывается цветными иллюстрациями, весь их текст написан одним писцом каллиграфическим почерком. Сборник носит явные следы педантизма архиепископа: материал расположен четко и продуманно, разделен на главы и параграфы, обозначенные заголовками. Все стихи написаны, как и положено, «столбиком». На больших полях сделаны ссылки на все цитируемые библейские источники. Красным цветом аккуратно внесены редакторские пометы. Тексты, вошедшие в сборник, «редактор» неоднократно проверил по разным спискам оригинала. Так, например, к слову «его» на полях помечено «зде местоимение “его” нет, ниже в греч: ниже в латинс: ниже в полс: ниже в словенс: рукопись Алексея Чюдотворца» [НИОР БАН. Арханг. 211. Л. 67].

Списки «Школьных азбуковников» (три ныне утраченных, известных по описаниям, и пять сохранившихся) [ОР РНБ. Q.III.6; ОР РНБ. Собр. Михайловского. № 521; ОР РНБ. F.XIV.73; НИОР БАН. 3315.137; РГАДА. Ф. 357. № 60] внешне выглядят иначе (Ил. 3). Это рукописи в четверть листа, практически все они похожи друг на друга. Их листы заполнены убористым почерком, без малейших претензий на изящность, строки идут сплошной линией, и увидеть в них стихотворный текст на фоне прозаического не так-то просто: строфы разделяются двоеточием или жирной точкой. Это свидетельствует об экономии бумаги. Каллиграфическое мастерство

² О списках «Алфавитаря» см. [Bragone 2008, p. 23].

писцов невысокого уровня. Киноварные буквы алфавита, являющиеся особо значимым элементом именно для азбуковников, отличаются простотой исполнения. Вероятно, «Школьные азбуковники» в отличие от «Алфавитаря» переписывались в небогатой монастырской среде.

«Алфавитарь» так четко выстроен по главам и параграфам, что в нем далеко не сразу распознается сборник — он внешне похож на парадную унитарную книгу, «Школьные азбуковники», хотя имеют явную претензию выглядеть подобным же образом, все же производят впечатление сборника.

Сравним рассматриваемые труды по их содержанию. Основное сходство в том, что они оба являются именно тематическими сборниками. Их составители, люди начитанные и ученые, из всей доступной им литературы постарались отобрать тексты, подходящие по тематике для учебных целей. Взятые из общего резервуара древнерусской книжности, тексты в сборниках оказались различными. Тем не менее тематически они образовали схожие блоки. Во-первых, общим и главным разделом в обоих сборниках является грамматика, представленная во всех своих частях. Грамматический материал в «Школьных азбуковниках» не идентифицируется ни с одной из известных в XVII в. грамматик [Демин 1976]. Во-вторых, раздел, где разъясняется необходимость обучения и в связи с этим раскрывается понятие «Мудрости». В-третьих, много места уделено нормам и правилам поведения учащихся. В-четвертых, тексты изобилуют как наставлениями в благочестии, так и угрозами за их игнорирование. В-пятых, помещены молитвы и катехистические тексты. В-шестых, оба сборника содержат наставления учителям, в «Школьных азбуковниках» добавлен еще и панегирик учительскому ремеслу. В-седьмых, познания о человеке (о душе и теле, его различных частях).

В эти тематические блоки вошли как традиционные тексты, восходящие к древнерусской книжности, так и новые, переводные, появившиеся в литературе XVII столетия. Помимо них составители в обоих случаях включили в сборники и тексты собственного сочинения.

Из репертуара древнерусской книжности легко было заимствовать грамматический материал, и оба автора-составителя им воспользовались вполне, но каждый по-своему. О своем сборнике

Прохор прямо написал, что он собран «от многих книг, множае же от грамматики» [цит. по: Мордовцев 1862, с. 38]. Подача грамматического материала опиралась и на печатные образцы книг «для обучения малых детей». Неслучайно М. Брагоне подчеркивает, что «Алфавитарь» «свидетельствует об устойчивости состава традиционного букваря, выработанного в Азбуке, изданной во Львове в 1574 г. Иваном Федоровым» [Bragone 2008, p. 286]. В «Школьных азбуковниках» грамматический материал сопровождают имевшиеся также в букварях традиционные статьи о начале славянской письменности, о Кирилле и Мефодии и др. В «Алфавитаре» к Грамматике прилагается басня Эзопа «О матери и сыне» и ее грамматический разбор.

Поучения о нравственном христианском поведении, об избавлении от грехов и благочестивой жизни, о соблюдении заповедей Божьих, об истинной вере, иначе говоря, весь колоссальный компендиум «увещаний» в благонравии легко было почерпнуть из книг Ветхого и Нового завета. В свое время автор Домостроя поп Сильвестр с теми же целями обращался к ветхозаветным Книгам Иисуса Сирахова сына и к Притчам Соломона. Изречения из сочинений отцов церкви, особенно из любимейшего на Руси Иоанна Златоуста, также можно было легко использовать для наставления детей. Однако эти тексты в «Школьных азбуковниках» и «Алфавитаре» представлены по-разному. Афанасий и Евфимий точно цитировали тексты и на полях помещали ссылки на источник. Прохор ссылки делал крайне редко, а библейские тексты перекладывал в стихотворную форму. Это не являлось его личным изобретением: переложение в вирши поучительных текстов Священного Писания было популярным в барочной культуре. Еще в 40-х гг. XVII столетия в «Наставлениях ученику», написанных справщиком Печатного двора монахом Савватием, автор прямо разъяснял построение своего произведения:

«Аще и двоестрочием слогається,
Но обаче от того же Божественного писания избирається»
[Савватий 1994, с. 18].

Иначе говоря, несмотря на то, что текст учитель предлагает в иной форме, в виде рифмованных двоестрочий, содержание их повторяет избранные места из Священного Писания.

На этом возможности древнерусской книжности были нашими авторами-составителями исчерпаны, если не считать каких-то небольших дополнительных фрагментов. Они оба обратились к новым переводным произведениям, однако опять же — к разным. В «Алфавитарь» вошло сочинение Эразма Роттердамского «*De civilitate morum puerilium*». Для Евфимия — ученика его переводчика на русский язык Епифания Славинецкого — было естественным воспользоваться этим текстом. Кажется парадоксальным, что именно из монастырских стен трудами приверженцев греческой культуры вышел перевод этого сочинения, написанного западным автором в необычном для древнерусской литературы жанре светских правил поведения для юношества. Чудов монастырь, однако, был не рядовым монастырем, он находился за кремлевскими стенами. Один из иностранцев, посетивших Москву в 1675 г., так записал свои впечатления о Чудове монастыре: его «скорее можно назвать дворянским учебным заведением, чем монастырем; там редко увидишь кого другого, как детей бояр и важных вельмож. Их помещают туда, чтобы отдалить от дурного общества и научить благонравному поведению» [Посольство Кунрада фан-Кленка 1900, с. 521]. Видимо, для этих учеников предназначались и «Гражданство обычаев детских», и поучительные Слова Епифания Славинецкого о «ясных лучах» греческого учения, разрушающих «мрачную тьму неведения» [НИОР БАН. Арханг. 211. Л. 10]. Безусловно, новым стало введение в «Алфавитарь» наряду с грамматикой арифметики (хотя и в очень сокращенном виде).

Прохор также обратился к теме светского поведения и, особенно, поведения в школе. Он, по-видимому, пользовался школьными уставами украинских и белорусских братских школ и вольным образом перекладывал их в вирши. Много места в «Азбуковнике» занимает текст о «Семи свободных мудростях» [Соболевский 1903, с. 166–168]. К «речи» каждой из «мудростей» Прохор составил свое предисловие. Такие же предисловия к «Семи свободным мудростям» сочинил Николай Спафарий в 70-х гг. XVII в., его труд О. А. Белоброва относит к жанру учебных пособий [Белоброва 1978, с. 15]. Похоже, что Прохор не знал его сочинения и работал самостоятельно. Его стиль мышления проявляется в них совершенно иначе. Спафарий давал определение той или иной «мудрости» (например,

геометрии или риторике) и далее выстраивал четко построенный по пунктам текст, ссылаясь на античные авторитеты. Для Прохора отправная точка рассуждения о каждой мудрости — божественность мироздания: Бог поощряет познание человеком созданного им мира, но при этом тот должен не забывать о его пределах.

«Стих о розге» имеется в обоих сборниках, в «Школьных азбуковниках» он использован дважды в разных вариантах [Кошелева 2012б, с. 199–216], а в «Алфавитаре» — в третьем под названием «Подарок учащимся детям» [НИОР БАН. Арханг. 211. Л. 68]. Этот стих также имеет западное происхождение: похожие стихи встречаются в немецких учебниках XVI в. [Strauss 1978, pp. 180, 355], он же есть и в украинских «колядках» [Bragone 2008, pp. 218–219].

Обращает на себя внимание отсутствие и в «Алфавитаре», и в «Школьных азбуковниках» использования их составителями обширного педагогического наследия Симеона Полоцкого, которое они не могли не знать. О том, что к нему критически относился Евфимий Чудовский, известно из разных источников, в том числе из его эпитафии на труд Полоцкого «Обед душевный» (изд. 1681 г.):

«Новосоставленная книга сия Обед

Подвлагает снедь, полну душетлительных бед»

[Цит. по: Сазонова 2006, с. 98].

Какие же собственно авторские произведения вошли в рассматриваемые сборники? В «Алфавитарь» помещено обширное авторское предисловие «к любезному читателю», объясняющее назначение учебника и его актуальность. В него также вошли и вирши Евфимия Чудовского: стихи о смерти («Подобает никогда смерти забывати...»), об аскетических правилах ночного сна («Юноша, не почивай на постланном ложе...») и некоторые другие, в том числе и на новогреческом языке с переводом. Очевидно, что первоначально Евфимий писал стихи не для детского учебника, они были позднее лишь приспособлены для него. Так, слово «монах» заменялось им на «юноша» [Bragone 2008, pp. 178–179].

Сборник «Школьных азбуковников» открывается произведением «Школьное благочиние», о котором уже говорилось выше. Оно полностью сочинено самим Прохором. В большинство других тек-

стов он вносил что-то свое. Например, в «Азбуковнике полном» к каждой букве он писал восьмистрочные предисловия в виршах.

В «Школьных азбуковниках» очень много внимания уделено орациям и эпистолиям, как в виршах, так и в прозе. Определить точно, что сочинил сам Прохор, а что — заимствовал у других авторов, не представляется возможным, но кое-какие небольшие детали (например, повторение некоторых посланий и в другом его сборнике, написанном для келаря Феодосия) говорят в пользу Прохора как автора. Он составил цитатник, с помощью которого можно было самостоятельно написать послание в виршах [РГАДА. Ф. 357. № 60. Л. 53–82]. Такой материал представлял собой важный раздел обучения, с помощью которого молодые люди могли научиться выстраивать коммуникативные связи. Умение сочинять эпистолии входило в учебные программы Киево-Могилянской академии, их тексты совмещали в себе знания риторики и поэтики. Обязательной частью в них была неконкретная просьба о покровительстве. Послания должны были помочь юношам в обращении к влиятельным людям, дабы снискать их благосклонность. Они предоставляли оригинальные, отличные от бытовых, «высокие» виршевые формы, в которых юноша мог обратить на себя особое внимание.

Итак, два рассмотренных учебных сборника и очень похожи, и весьма различны. Работа над ними впитала дух своего времени и интеллектуальные склонности своих авторов. Составители «Алфавитаря» претворяли через учебник в жизнь свою прогредешскую культурную программу. Составитель «Школьных азбуковников» пристрастия ни к грекофильству, ни к латинству не обнаружил. Ему, видимо, была ближе киевская ученость. Содержание «Школьных азбуковников» в целом намного шире и разнообразнее содержания «Алфавитаря». Кажется, что игра со словами: сочинение вирш, акростихи, тайнопись и прочее — увлекала Прохора сильнее, чем педагогика. Ему хотелось в русле образования в первую очередь привить любовь к сочинительству и ученикам, и учителям.

Какой же ответ на вопрос «чему учить?» получается в результате анализа содержания двух учебных сборников? Ответ таков: учить всему тому, чему учили и прежде — умению читать душеспасительные книги и понимать Священное Писание, через это становиться на путь истинный для спасения души. Однако учить всему этому

Прохор (как и другие авторы учительских сборников) предлагал еще и по-новому — через стихотворные тексты. В целом доля стихов в обоих сборниках значительно превышает ту, что и ранее помещалась в Азбуки и Буквари.

Радикально новым в содержании обучения, согласно рассматриваемым сборникам, является только одно — светские правила поведения для детей дома и в разных общественных местах, обучение нормам коммуникации с людьми разного состояния. Здесь заложено начало обучения цивилизованным манерам, не только морально-нравственному поведению, но и этикету. Впервые учительский труд направлялся не только на спасение души ученика, но и на социализацию его в обществе. Именно эта тематика была вскоре продолжена в учебнике «Юности честное зерцало» (1717) и завоевала особую популярность в петровское время. Однако ее вектор был направлен в стону западноевропейского этикета [подробнее: Кошелева 2019]. «Алфавитарь», предлагая читателям текст Эразма Роттердамского, также невольно оказывался у истоков обучения этому этикету. Но текст Эразма уравнивался строгими церковными правилами. «Школьные азбуковники» были обращены к отеческим допетровским традициям этикета, о которых очень мало известно [Кошелева 2019, с. 275–283]. «Послания» и орации Прохора отражают именно такой тип этикетных отношений. В целом обучение коммуникации с Богом через благочестивое поведение, молитвы и богоугодное чтение, принятое в монашеской практике, дополняется обучением этикету коммуникации в обществе.

По сравнению с литературой латинской традиции православная литература была бедна текстами, связанными с обучением, что естественно при отсутствии школьных практик. Последняя четверть XVII столетия стала временем стремлений к созданию учебной книги, ориентированной на православных детей, поиска ее оптимальных форм и содержания. Однако в реально возникших школах братьев Лихудов в содержание обучения помимо греческого языка входил тривиум: грамматика, риторика, пиитика. Иначе говоря, создания особенного православного содержания образования на деле не получилось. Тем не менее не все так однозначно: рукопись «Алфавитаря» соседствует в Архангельском собрании БАН с идентичной по оформлению рукописью «О силе риторической» Софро-

ния Лихуда (1698) [НИОР БАН. Арханг. 212], что говорит о работе над обеими рукописями в одной скриптории, по одному и тому же заказу. Это свидетельствует о том, что не существовало четкого раздела в содержании образования — предметы тривиума и отечественные штудии не исключали, а взаимодополняли друг друга.

Литература и источники

Демин А. С. Диалог «Школьное благочиние» Прохора Коломнятина // ПКНО. Ежегодник. 1975. Л., 1976. С. 48–51.

Кошелева О. Е. (2015б) «Алфавиты дидаскала» и формирование учебной книги в рукописной традиции второй половины XVII века // «В России надо жить по книге». Становление учебной книги XVI–XVII вв. / Сб. науч. статей под ред. М. В. Тендряковой и В. Г. Безрогова. М., 2015 б. С. 30–41.

Кошелева О. Е. Воспитание вежливости: столкновение западно-европейских и отечественных речевых практик в России раннего Нового времени // Укрощение повседневности. Нормы и практики Нового времени / НЛО. Научное приложение. Вып. ССХІІІ. М., 2020. С. 274–293.

Кошелева О. Е. (2012а) Обучение в русской средневековой православной традиции // Одиссей. Человек в истории. 2010/2011. М., 2012. С. 47–72.

Кошелева О. Е. (2015а) Рукописный сборник князей Черкасских — памятник педагогической мысли XVII в. (источниковедческий аспект) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: материалы к междунар. науч. конф., Москва, 26 октября — 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 238–242.

Кошелева О. Е. Рукописный сборник учебного состава и А. А. Виниус // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: материалы к междунар. науч. конф., Москва, 21–23 ноября 2013 г. М., 2013. С. 491–498.

Кошелева О. Е. (2012б) Устрашение детей розгами в русских текстах XVII века: литературная традиция или реальность // От текста к реальности: (не)возможности исторических реконструкций / Сб. статей под ред. О. И. Тогоевой и И. Н. Данилевского. М., 2012. С. 199–216.

Мордовцев Д. Л. О русских школьных книгах 17 века. М.: Университетская тип., 1862. 102 с.

НИОР БАН. Арханг. 211. Алфавитарь.

НИОР БАН. Арханг. 212. Софроний Лихуд. О силе риторической.

НИОР БАН. 33.15.137. Школьные азбуковники.

Формирование православного содержания образования

- ОР РНБ. Собр. Михайловского. № 521. Школьные азбуковники.
ОР РНБ. F.XIV.73. Школьные азбуковники.
ОР РНБ. Q.III.6. Школьные азбуковники.
Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб.: Изд. Археогр. комис., 1900. 842 с.
РГАДА. Ф. 357. № 60. Школьные азбуковники.
Савватий, справщик. Наставления ученику (кн. М. Н. Одоевскому) // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. 3. М., 1994. С. 18–23.
Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 894 с.
Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1903. 472 с.
Спафарий Н. Эстетические трактаты / Подгот. текстов и вступ. ст. О. А. Белобровой. Л.: Наука, 1978. 157 с.
Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М.: Языки славянских культур. 2009. 296 с.
Bragone M. Ch. Alfavitar radi uchenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento. Biblioteca di Studi Slavistici. Firenze: Firenze University Press, 2008. 288 p.
Kosheleva O. Education as a Problem in Seventeenth-Century Russia // The State in Early Modern Russia: New Directions / Ed. P. Bushkovitch. Bloomington, 2019. P. 191–217.
Strauss G. Luther's House of Learning. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. 370 p.

Новгородская греческая грамматика Лихудов и ее возможные источники*

К. В. Суториус

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

С. И. Ярулина

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Новгородская редакция греческой грамматики Лихудов, или просто Новгородская грамматика, рассматривается в связи с двумя другими их греческими грамматиками — Московской и Костромской. В дополнение к двум уже упоминавшимся в литературе спискам этого текста авторы установили, что еще одна уже известная рукопись содержит список, хотя и неполный, Новгородской грамматики. Рассматривая Новгородскую грамматику в связи с грамматикой Московской, авторы обращают внимание не только на точки соприкосновения двух текстов, но и на то, что списки самой Московской грамматики имеют текстуальные отличия и грамматика Новгородская может быть связана с вполне определенной группой этих списков. В связи с этим авторы обращают внимание на то, что часть списков Московской грамматики была переписана учениками Новгородской архиерейской школы. Это может говорить об использовании Московской грамматики в практике этой школы. В ходе исследования обнаружилась тесная связь между Костромской грамматикой и грамматическими сборниками, которые содержат текст грамматики Новгородской, что может свидетельствовать об использовании Костромской грамматики в Новгородской школе. В свою очередь у самой Костромской грамматики авторы находят немало параллелей с греческой грамматикой иезуита Якова Гретцера и показывают, что связь с дидактикой иезуитов не была у Лихудов случайной. Наконец, сопоставление с ведомостями об учениках Новгородской школы позволяет предположить, что преподавание/изучение грамматики в целом следовало структуре пособия (учебника).

Ключевые слова: братья Лихуды, грамматика, греческий язык, Новгородская архиерейская школа, иезуиты

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42029.

The Novgorod Greek Grammar of Leichoudis and Its Possible Sources

Konstantin V. Sutorius

*National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia*

Saida I. Yarulina

*National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia*

Abstracts. The Novgorod edition of the Leichoudis Greek grammar or the Novgorod grammar is viewed in conjunction with their Greek grammars edited in Moscow and Kostroma. The authors found that in addition to the mentioned in the literature variants of the text, there is a well-known manuscript containing an incomplete copy of the Novgorod grammar. Considering the Novgorod grammar in connection with the Moscow grammar, the authors pay attention not only to the points of contact between the two copies, but also to the fact that the Moscow grammar itself have textual differences and the Novgorod grammar can be associated with a very specific group of these copies. In this regard, the authors draw attention to the fact that part of the copies of the Moscow grammar was rewritten by students of the Novgorod Archbishops' School. This may indicate the use of Moscow grammar in the practice of this school. The study revealed a close relationship between the Kostroma grammar and grammar collections that contain the text of the Novgorod grammar, which may indicate the use of the Kostroma grammar in the Novgorod school. In addition, the authors find many parallels with the Greek grammar of the Jesuit Jacob Gretzer in the Kostroma grammar itself, and show that the connection with the didactics of the Jesuits was not accidental for the Leichoudis. Finally, a comparison with the records of the students of the Novgorod school suggests that the teaching/learning of grammar as a whole followed the structure of the manual (textbook).

Keywords: Leichoudis brothers, grammar, Greek, Novgorod Archbishops School, Jesuits

audio et intueor cum te, dubito, videamne
forte Minervam ipsam. te timeo, sed amo.
[Caligarius 1522, p. 5]

Когда мы говорим о Новгородской греческой грамматике Лихудов, то речь идет о некоем тексте, в котором излагается грамматика греческого языка, и происхождение которого связывают со временем, когда Лихуды учительствовали в Новгородской архиерейской школе.

Новгородскую редакцию греческой грамматики братьев Лихудов среди прочих филологических сочинений, которые связываются с их именами, впервые выделил как особый тип текста Д. А. Яламас [Яламас 2001а, с. 182; Яламас 2001б, с. 43], и данная статья оказывается продолжением начатых им исследований. Яламас различает три редакции греческой грамматики Лихудов, которые по месту их предполагаемого создания называются Московской, Костромской и Новгородской [Яламас 2001б, с. 40]. Из них Московская редакция уже несколько раз становилась предметом внимания исследователей [Копыленко 1960; Трохачев 1988; Брейяр, Горбунова 2005], возможно по причине того, что известна в большем количестве списков, чем две другие. В то же время Костромская и Новгородская редакции менее исследованы, хотя не менее интересны. В данной статье мы сосредоточим внимание на них и, в особенности, на редакции Новгородской.

Московская редакция — из трех самая краткая — относится к первому периоду преподавания Лихудов в Московской академии (1685–1694 гг.). Она известна в большом количестве списков¹. Самая ранняя дата, встречающаяся в них, — 1687 г. Грамматика в этой редакции излагается в виде вопросов и ответов. Весь текст разделен на три книги, однако внутри книг более мелкие подразделения не обозначаются словесными маркерами «глава» или «раздел», а выделяются только визуально. В большинстве списков имеется параллельный церковнославянский перевод.

Костромская редакция — самая пространная — известна по трем рукописям:

1) ОР РГБ. Ф. 173.1 (Собрание Московской духовной академии). № 332. Формат «в четверть». Автограф Софрония Лихуда. Обозначается далее — К-332 (*Ил. 4*);

2) ОР РНБ. Ф. 522 (Новгородская духовная семинария). № 72 (старый шифр 6765). Формат «в лист». Обозначается далее — К-72 (*Ил. 5*);

3) Dresden Sächsische Landesbibliothek - Staats- und Universitätsbibliothek, Mscr. Da. 44 [Фонкич 1988, с. 68–69; Яламас 2001а, с. 109–115]. Формат «в лист». Обозначается далее — К-44 (*Ил. 6*).

В отличие от Московской в Костромской редакции материал представлен в виде последовательного изложения и делится на две книги,

¹ Яламас указывает 15 списков [Яламас 2001а, с. 86–103].

каждая из которых внутри структурирована по главам. В рукописи К-332 имеется пагинация, сделанная рукой Софрония, независимая в каждой из двух книг². В конце рукописи на с. 192 по второму счету указано: *Ἐν τῷ μοναστηρίῳ τοῦ ἁγίου Ὑπατίου τῷ ἐν τῷ Κοστραμῆ ἄσκει παρὰ τὸν ποταμὸν Βολυα ἔτει ἀπὸ θεογονίας, αψε^ω φευρουαρίου κα^η*. Этот же текст воспроизводится в конце двух других списков.

Рукопись К-72 по отдельным тетрадям переписана учениками Новгородской архиерейской школы [Вознесенская 2005, с. 211] и представляет собой копию рукописи К-332. Она повторяет пагинацию этой рукописи и на каждой странице воспроизводит текст соответствующей страницы из рукописи К-332.

Дрезденская рукопись также имеет самостоятельную пагинацию в каждой книге, сделанную рукой переписчика, но эта рукопись не копирует, как список К-72, каждую страницу рукописи К-332. Изготовление дрезденского списка закончилось в декабре 1712 г. также в Новгороде, на что указывает запись на последнем листе (с. 253 по второму счету): *,αψιβ^ω {в рукописи ,αψιβ^η} δεκεμβρίου α^η ἐγράφηκε ἐν τῇ Μεγάλῃ Νοβογραδίᾳ*. Переписывалась рукопись как минимум с 9 сентября, на что указывает помета в левом нижнем углу с. 1 по первому счету (это первый лист тетради № 5). Б. Л. Фонкич предположил, что этот список сделан рукой Софрония Лихуда [Фонкич 1988, с. 69]. Однако, сопоставив почерк, которым сделан этот список, с почерками учеников Новгородской школы, которыми сделан список К-72, а также другими документами по истории архиерейской школы, мы полагаем, что дрезденский список сделан рукой ученика Дмитрия Федорова. Перевода на церковнославянский ни в одном из списков Костромской редакции нет.

Новгородская редакция известна нам в настоящее время по трем спискам:

1) ОР РНБ. Ф. 522. № 73 (старый шифр 6766) [Фонкич 1988, с. 69; Яламас 2001а, с. 104–106]. Обозначается далее — N (Ил. 7). Рукопись формата «в четверть». Помимо греческого текста рукопись содержит перевод на церковнославянский язык. На л. 1–74 греческий текст и перевод расположены на двух сторонах листа: на оборотной стороне — перевод, на лицевой — текст. На л. 74 об.–202 текст и пере-

² Далее в списках Костромской редакции нумерация страниц по первому счету дается без оговорок.

вод расположены в две колонки на одном листе (л. 101–106 об. без перевода). На л. 203 об.–313 находится только греческий текст без перевода, для которого даже не выделено место. По мнению Д. А. Яламаса, большая часть греческого текста — автограф Софрония Лихуда [Яламас 2001а, с. 104]. Однако мы с этим не можем согласиться. Греческий текст написан разными почерками, часть из которых мы можем отождествить с почерками учеников Новгородской школы Федора Максимова и Дмитрия Федорова. Рукой Федора Максимова греческий текст написан на л. 150–190 об., 203 об.–277 об., 279–313 об. Также рукой Федора Максимова написан перевод на церковнославянский на л. 123–130, 140–150; греческий текст здесь написан другим почерком. Между л. 28 об.–29 подклеен л. 28 а, на оборотной стороне которого содержится тот же греческий текст, что и напротив него на л. 29. Этот фрагмент текста на л. 28 а написан рукой Софрония Лихуда, на основании чего можно предположить, что рукопись № 73, или часть ее, была переписана еще в то время, когда он был учителем школы (до декабря 1707 г.). Впрочем, этот лист мог быть подклеен и после того, как Софроний покинул Новгород. Другими данными для датировки Новгородской редакции грамматики мы пока не располагаем.

2) НИОР БАН. Собр. Александро-Свирского мон. (Ф. 3). № 104 [Яламас 2001а, с. 106–109]. Обозначается далее — S (Ил. 8). Рукопись формата «в восьмую». На обороте верхней крышки имеются пометы: 1) *mense Novb. die 7*, 2) *Anno Domini 17023³ dedit librum nomine Biblia d. praeceptor Graeco Ruthenus reverendo patri Antonio Pamoranski ad reddendas pecu[...] post Nativitatem Chri[sti] ad stipendium recipiendum. Subscripsit reverend[us] Petrus [...]ski [...] testis rublone [...]*. Помимо греческого текста рукопись также содержит перевод на церковнославянский. Перевод находится на оборотной стороне листов, греческий текст — на лицевой. Греческий текст написан рукой Дмитрия Федорова. На л. 473 в правом нижнем углу имеется запись: *ἐγὰφθῃ ἐν Νοβογῡραδίᾳ ἐν ἔτει 1716 μαρτίου γ' ἡμέρας*.

Дмитрий Федоров был одним из первых учеников школы и с 1712 г. должен был уже изучать риторику, так что в марте 1716 г. он, видимо, грамматику уже не изучал. Трудно сказать, относится

³ То есть 1723 г.

ли эта запись ко всей рукописи или только к какой-то части ее. Если судить по тому, что почерк в рукописи не меняется, а также не заметно изменение цвета чернил, можно предположить, что к 1716 г. относится переписывание всей рукописи. Однако тогда возникает вопрос, для чего понадобилось ученику переписывать учебное пособие по тому предмету, который он уже несколько лет назад изучил. Возможно, у пособия появились дополнения, что побудило ученика вновь переписать его. По-видимому, список S был сделан после списка N. Этим же почерком помимо дрезденской рукописи сделан находящийся в Твери список курса риторики Иоанникия Лихуда [ТГОМ. Шифр КП 1891], а также написаны с. 87–147 в рукописи К-72 с Костромской редакцией грамматики и л. 56об.-267 из рукописи П.1.В.14 в НИОР БАН с переводом сочинения Агапия Критянина «Грешных спасение».

3) НИОР БАН. Шифр 16.15.5. Рукопись формата «в восьмую». Эту рукопись ввел в научный оборот С. Ю. Трохачев [Трохачев 1988, с. 209]. Обозначается далее — Т (*Ил.* 9)⁴. Исследователь, однако, рассматривал только палеографические особенности рукописи и не касался вопроса, что именно за текст в ней представлен. На л. 54 и л. 166 об. здесь имеется запись, сделанная более поздним почерком: «Яков Боголепов». Также как и в списках N и S, в списке Т имеется перевод на церковнославянский: на оборотной стороне листов — греческий текст, на лицевой — перевод (на л. 71 об.–84 текст написан в две колонки на листе: в левой — по-гречески, в правой — по-церковнославянски). Однако в отличие от списков N и S, список Т содержит текст Новгородской редакции не в чистом виде. На л. 1–20 об. находится текст Московской редакции: фонетика, артикль, имя существительное до подраздела о слитном склонении. Новгородская редакция начинается с середины л. 20 об., с подраз-

⁴ Далее в тексте статьи используются следующие сокращения в обозначении рукописей: К-332 (литера К обозначает Костромскую редакцию) — ОР РГБ. Ф. 173.1. № 332; К-72 — ОР РНБ. Ф. 522. № 72; К-44 — Dresden Sächsische Landesbibliothek - Staats- und Universitätsbibliothek, Mscr. Da. 44; М-331 (литера М обозначает Московскую редакцию) — ОР РГБ. Ф. 173.1. № 331; М-333 — ОР РГБ. Ф. 173.1. № 333; М-75 — ОР РНБ. Ф. 522. № 75; список N — ОР РНБ. Ф. 522. № 73; список S — НИОР БАН. Собр. Александрo-Свирского мон. № 104; список Т — НИОР БАН. Шифр 16.15.5.

дела о слитном склонении существительных, и продолжается до конца списка (до л. 163). При этом сам раздел о слитном склонении (л. 20 об.–25 об.) сокращен по сравнению со списками N и S: в списке T опущены парадигмы склонения. Данных для датировки этого списка обнаружить пока не удалось.

Список T содержит только первую книгу грамматики. Списки же N и S содержат кроме этого также и некоторые другие материалы, относящиеся к изучению грамматики. Однако по своему содержанию они совпадают не полностью. Их состав можно представить в следующей таблице:

Список N

Граматики 1-я книга (л. 3–149 об.)
Парадигмы спряжения глаголов
(л. 150–179 об.)
О временах глагола
(л. 180 об.–188 об.)
Список неправильных глаголов
(л. 189–202)

Примеры спряжения глагола
(л. 203 об.–277)
Неправильные глаголы (л. 279–305)
О временах глагола и о производных именах (л. 305 об.–313 об.)

Список S

Граматики 1-я книга (л. 2–223)
Парадигмы спряжения глаголов
(л. 224–293)
О временах глагола (л. 318–348)
Список неправильных глаголов
(л. 294–317)
О придыханиях (л. 349–361)
Граматики 2-я книга.
О глаголах (л. 362–454)
Граматики 3-я книга.
О просодии (л. 455–473)
Об управлении глаголов
(л. 474–480), списки существительных и глаголов (л. 481–511),
о первом склонении (л. 511–513 об.)

К числу списков Московской редакции Д. А. Яламас [Яламас 2001а, с. 101–102] относит фрагменты греческой грамматики из коллекции рукописей Синода [РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 3376]. Это 5 листов формата «в четверть», которые содержат часть раздела о временах глагола, представленного в списках Новгородской редакции N

(л. 180 об.–188 об.) и S (л. 318–348). Данный раздел, однако, не встречается в списках Московской редакции, поэтому можно предположить, что текст из рукописи 3376 если и не относится к Новгородской редакции, то по крайней мере каким-то образом мог быть с нею связан. По палеографическим данным рукопись 3376, видимо, нельзя поставить в один ряд с рукописями начала XVIII в., написанными непосредственными учениками Лихудов. Она написана позже, и в ней находятся следы того, что автор текста или переписчик используют латинский язык, не на уровне перевода примеров, как в Костромской или Новгородской редакции, а на уровне изложения, например, самое начало рукописи: *1^{то}. Τρεῖς ἀρκτικοὶ χρόνοι ἐνεστώς, παρακειμένος καὶ μέλλων. 2^{до}. Τρεῖς ἀφ' ὧν γινόμενοι παρатаτικὸς, ὑπερσυντελικὸς καὶ ἀόριστος. 3^тιο τρεῖς συγγενίαι τῶν ἑξ φαίνονται χρόνων δηλονότι ἐνεστώτος καὶ παρатаτικῷ, παρακειμένου καὶ ὑπερσυντελικῷ, μέλλοντος καὶ ἀορίστου*. Это может говорить уже о достаточно хорошем знании латинского языка, свидетельств чему мы не находим в Новгородской школе до второй половины 1720-х гг.

В отличие от Московской редакции, где внутри книги разные уровни текста с помощью словесных маркеров (глава, раздел) не выделяются, в редакции Новгородской на первый взгляд кажется, что такое выделение имеется — в первой книге выделяются три главы: первая без названия (в списке N слова *κεφάλαιον α'* отсутствуют), вторая о частях слова и третья об имени (в списке N слова *κεφάλαιον γ'* дописаны другим почерком), однако то обстоятельство, что, во-первых, дальнейшее деление на главы в списках отсутствует и, во-вторых, что само слово «глава» в двух случаях из трех было дописано позднее, может говорить, кажется, в пользу того, что в Новгородской редакции первоначально деление на главы не предполагалось.

Поскольку другие списки Новгородской редакции пока неизвестны, а рукопись S была переписана уже после того, как Иоанникий покинул Новгород и, возможно, даже после того, как он перестал преподавать грамматику, трудно решить вопрос, относятся ли те части рукописей N и S, которые между собой не совпадают, к Новгородской редакции, или нет. Впрочем, можно предположить, что сама Новгородская редакция не была статична и список S отражает ее более поздний вариант, а список N — более

ранний, относящийся ко времени, когда в Новгороде были еще оба Лихуда (до декабря 1707 г.). К тому же Дмитрий Федоров, который переписывал рукопись S, входил в число тех учеников Новгородской школы, которые с 1712 г. приступили к изучению риторики, и в 1716 г., когда переписывал грамматику, он, возможно, был мотивирован не изучением этого предмета, а другой целью и мог составить свою рукопись из разных источников. Поэтому если говорить о Новгородской редакции, то в первую очередь надо рассмотреть те части рукописей N и S, в которых они совпадают. Вместе с тем разделы рукописи N, где она не совпадает с рукописью S, как можно предположить, были как-то связаны с преподаванием грамматики и имеют отношение к самим Лихудам, поскольку на ранних этапах обучения ученики вряд ли могли творчески подходить к составлению своих записей. Это разделы с примерами спряжения глагола (л. 203 об.–277), список неправильных глаголов (л. 279–305) и заметки о временах глагола и о производных именах (л. 305 об.–313 об.).

Если говорить о первой книге грамматики, которая содержится во всех трех списках Новгородской редакции, то Д. А. Яламас отмечает, что «большинство ее частей связано с соответствующими частями Московской и Костромской редакций» [Яламас 2001а, с. 182; Яламас 2001б, с. 43]. Сходно даже общее заглавие в разных редакциях:

Московская ⁵ (списки: М-331, л. 3; М-333, л. 1; М-75, л. 1 об.–2; Т, л. 1 об.)	Костромская (списки: К-332, с. 1; К-72, с. 1 ⁶ ; К-44, с. 1 ⁷)	Новгородская (списки: N, л. 3; S, л. 2)
Χάριν παρασχοῦ Τριᾶς τοῖς ἑμοῖς πόνοις. Περί γρᾱμματικῆς ⁸ μεθόδου	Ἰωαννικίου καὶ Σωφρονίου ἱερομονάχων τε καὶ διδασκάλων αὐθαδέλφων τῶν Λειχουδῶν τῶν	Ἰωαννικίου καὶ Σωφρονίου ἱερομονάχων τε

⁵ Приводится только греческий текст, поскольку церковнославянский перевод в некоторых списках Московской редакции отсутствует.

⁶ Нумерация страниц полностью воспроизводит нумерацию из рукописи К-332.

⁷ По первому счету.

⁸ В списках М-75 и Т: τῆς γρᾱμματικῆς.

συντεθείσης τε καὶ διαίρεθείσης εἰς τρεῖς βίβλους κατ' ἐρώτησιν καὶ ἀπόκρισιν. ⁹	ἀπὸ τῆς περιφήμου νήσου Κεφαλληνίας περὶ γραμματικῆς μεθόδου ἔκδοσις τὸ δεύτερον πρὸς τὴν τῆς ῥητορικῆς σχολὴν ἀποβλέπουσα.	καὶ διδασκάλων αὐταδέλφων τῶν Λειχουδῶν περὶ γραμματικῆς μεθόδου.
--	---	---

В Новгородской редакции с Московской сходство имеет также сам способ изложения грамматики — вопросо-ответный¹⁰. Но хотя и можно наблюдать местами дословное совпадение текста, однако текст первой книги в Новгородской редакции ни с Московской, ни с Костромской редакциями не совпадает полностью, на основании чего Яламас и считает Новгородскую редакцию «полным грамматическим сочинением, самостоятельным, как и две другие известные ранее грамматики» [Яламас 2001а, с. 183; Яламас 2001б, с. 43]. В то же время сходство Новгородской редакции с Московской и Костромской местами настолько велико, что традиционный метод атрибуции текстов по *incipit* и *explicit* оказывается ненадежным помощником. Вот самое начало грамматики:

Московская редакция
(списки: М-331, л. 3 об.;
М-333, л. 1 об.; М-75, л. 2 об.)

Τί ἐστι γραμματικῆ; Γραμματικὴ
ἐστὶ μέθοδος καταγινομένη περὶ
τὸν προφορικὸν λόγον, τέλος
ἔχουσα τὸ ὀρθῶς λέγειν καὶ
γράφειν.

Новгородская редакция
(списки: N, л. 3; S, л. 2–3)¹¹

Τί ἐστι γραμματικῆ; Γραμματικὴ ἐστὶ
μέθοδος καταγινομένη περὶ τὸν
προφορικὸν λόγον, τέλος ἔχουσα τὸ
ὀρθῶς λέγειν καὶ γράφειν.
Πόθεν λέγεται γραμματικῆ; Παρὰ τὸ
γράμμα.

⁹ В рукописи М-331 далее написано: ἔτει ἀπὸ τῆς βροτείου γένους ἐλευθερώσεως, αχλς. В рукописях М-333, М-75, Т далее написано: παρὰ τῶν λογιστῶν καὶ σοφιστῶν διδασκάλων καὶ θεολόγων τῆς ἀνατολικῆς τοῦ Χριστοῦ ἁγίας μεγάλης ἐκκλησίας {в рукописи Т: τῆς ἁγίας τοῦ Χριστοῦ ἀνατολικῆς καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας} κυρίου Ἰωαννικίου καὶ Σοφρωνίου αὐταδέλφων τῶν Λυχουδῶν ἀπὸ τῆς περιφήμου νήσου Κεφαλληνίας.

¹⁰ В Костромской редакции грамматика представлена в виде последовательного изложения.

¹¹ В списке Т текст Новгородской редакции начинается на л. 20 об.

Ποῖον ἐστὶ τὸ ὑποκείμενον τῆς
γρᾶμματικῆς; Ὁ προφορικὸς
λόγος, ἤγουν τὰ ὀκτὼ μέρη τοῦ
λόγου.

Ποῖον ἐστὶ τὸ τέλος τῆς
γρᾶμματικῆς; Τὸ ὀρθῶς λέγειν
καὶ γράφειν.

Πόσα τὰ μέρη τῆς γρᾶμματικῆς;
Τέσσαρα, γράμμα, συλλαβή, λέξις
καὶ λόγος.

Τί ἐστὶ γράμμα;
<...>

Τί ἐστὶ τὸ ὑποκείμενον τῆς γρᾶμματικῆς;
Ὁ προφορικὸς λόγος, ἤγουν τὰ ὀκτὼ μέρη
τοῦ λόγου.

Τί ἐστὶ τὸ τέλος τῆς γρᾶμματικῆς; Τὸ
ὀρθῶς λέγειν καὶ γράφειν.

Πόσα εἰσὶ τὰ μέρη τῆς γρᾶμματικῆς; Ὀκτὼ
καὶ τὰ μὲν λέγονται ἰδιαίτερα τὰ δὲ ἴδια.

Πόσα εἰσὶ τὰ ἰδιαίτερα; Τέσσαρα γράμμα,
συλλαβή, λέξις καὶ λόγος.

Πόσα εἰσὶ τὰ ἴδια; Τέσσαρα ὀρθογραφία,
προσωδία, ἐτυμολογία καὶ σύνταξις.

<...>

Τί ἐστὶ γράμμα;
<...>

Дословно совпадает текст и в конце первой книги:

Московская редакция

(списки: М-331, л. 31; М-333,
л. 49; М-75, л. 87)

Πόσα παρέπονται τῷ συνδέσμῳ;
Ἐν. Τὸ σχῆμα.

Πόσα σχήματα; Δύο, ἀπλοῦν οἶον
ἐπεὶ καὶ σύνθετον¹² οἶον ἐπειδὴ.

Καὶ οὕτως ἄλλος περὶ τῶν ὀκτὼ
τοῦ λόγου μερῶν¹³.

Новгородская редакция

(списки: N, л. 149 об.; S, л. 222–223;
T, л. 162 об.)

Πόσα παρέπονται τῷ συνδέσμῳ;
Ἐν. Τὸ σχῆμα.

Πόσα σχήματα. Δύο¹⁴ ἀπλοῦν οἶον ἐπεὶ
καὶ σύνθετον¹⁵ οἶον ἐπειδὴ.

Καὶ οὕτως ἄλλος περὶ τῶν ὀκτὼ τοῦ
λόγου μερῶν.

Однако внутри текста отличия оказываются более значительными, причем настолько, что скорее надо говорить не о трех редакциях, а о трех грамматиках, поэтому в дальнейшем мы будем пользоваться этим термином вместо термина «редакция». По замечанию Д. А. Яламаса, в Новгородской грамматике «ближе к московской изложены несклоняемые части речи, т. е. наречие и союз; ближе к Костромской — артикль, имя и местоимение» [Яламас 2001а, с. 182; Яламас

¹² В списке М-333 παρασύνθετον.

¹³ В списке М-75 вместо Καὶ οὕτως ἄλλος περὶ τῶν ὀκτὼ τοῦ λόγου μερῶν — Τέλος τῆς γρᾶμματικῆς καὶ τῷ θεῷ δόξα.

¹⁴ В списке S τρία.

¹⁵ В списке S παρασύνθετον.

20016, с. 43]. Учение о предлогах, по словам Яламаса, излагается дважды: «один раз — по Московской, а второй — по Костромской редакции». Мы, однако, отметим, что дважды этот раздел представлен только в списке N, причем первый раз (л. 123–130) — с переводом на церковнославянский, как и другие разделы грамматики, а второй (л. 130 об.–131 об.) — без перевода. В списках S и T второго варианта нет, и отсутствие перевода в списке N может быть знаком того, что второй вариант к Новгородской грамматике не относится.

Разделы о предлоге, наречии и союзе действительно почти дословно совпадают в Московской и в Новгородской грамматиках, однако при сравнении Новгородской грамматики со списками Московской грамматики М-331 и М-333 можно заметить, что новгородский текст ближе тексту рукописи М-333. Возможно, текст московской редакции в свою очередь сам был неоднороден и разные списки его — в списке М-331 в заглавии грамматики (л. 3) указана дата 1687 г., в списке М-333 внутри текста указаны 1691 г. (л. 52 об.) и 1692 г. (л. 107) — представляют разные этапы в его истории¹⁶.

Так, например, в Московской грамматике в разделе о предлогах, в подразделе о предлоге *прѣ* в рукописи М-331 (л. 17 об.) есть два примечания, в рукописи же М-333 (л. 26 об.) из двух имеется только первое. Также и во всех списках Новгородской редакции имеется только первое из этих двух примечаний (N, л. 124 об.; S, л. 175; T, л. 117 об.). Нет второго примечания также в списках Московской грамматики, которые, если судить по почерку переписчиков, были, возможно, переписаны учениками Новгородской школы: М-75, л. 47 об. (*Ил. 10*), НИОР БАН, шифр 16.6.11, л. 60 (*Ил. 11*), а также рукопись, хранящаяся в Нижегородской областной научной библиотеке и введенная в научный оборот Д. Н. Рамазановой [ОРКР НГОУНБ. Ф. 1. Оп. 1. № 72] (*Ил. 12*).

¹⁶ Д. А. Яламас отметил, что списки Московской грамматики «делятся на две главных группы: а) рукописи, датируемые концом XVII в., б) рукописи, датируемые началом XVIII в.». Однако он обсуждает только палеографические особенности списков и не касается вопросов, относящихся к самому тексту [Яламас 2001а, с. 41. Яламас 20016, с. 179–180]. При публикации же первой книги Московской грамматики он выбирает принцип издания по одному списку — выбор им делается в пользу рукописи М-331, — поэтому на проблеме отличия текста в разных списках он не останавливается.

Там же подраздел о предлоге ὑπό в рукописи М-331 (л. 20) заканчивается словами κοινῶς μὲν μετὰ αἰτιατικῆς, μετὰ δοτικῆς δὲ Ἀττικῶς, в рукописи же М-333 (л. 31 об.), а так же во всех списках Новгородской грамматики (N, л. 130; S, л. 185; T, л. 126 об.) последние слова читаются Ἀττικῶς δὲ μετὰ δοτικῆς. Так же они читаются и в списках Московской грамматики, переписанных учениками Новгородской школы (М-75, л. 57 об.; БАН 16.6.11. Л. 72).

В разделе о наречиях, в подразделе Τὰ δὲ θέσεως (*Сия же положения*), также можно отметить отличия между рукописью М-331, с одной стороны, и рукописями М-333, М-75, БАН 16.6.11, а также списками Новгородской грамматики, с другой:

Список М-331, л. 26

ἀναγνώστέον — πρέπει νὰ
ἀναγνώθωμεν
πλουστέον — τυχένει ἢ πρέπει νὰ
ταξιδεύγω ἢ νὰ ταξιδεύγωμεν ἢ νὰ
ταξιδεύγετε καὶ ὅλα τὰ ἄλλα
πρόσωπα ὁμοίως
γραπτέον — πρέπει νὰ γράφω ἢ νὰ
γράφωμεν καὶ ὅλα τὰ ἄλλα
πρόσωπα ὁμοίως
ιστέον — τυχένει νὰ ἡξεύρωμεν

Списки: М-333, л. 41;

М-75, л. 73 об.–74;

№ 16.6.11, л. 92 об.

**Новгородская (Списки: N, л. 140 об.;
S, л. 205; T, л. 145 об.)**

ἀναγνώστέον — πρέπει νὰ
ἀναγνώθωμεν¹⁷

γραπτέον — τυχαίνει¹⁸ ἢ πρέπει¹⁹ νὰ
γράφω ἢ νὰ γράφωμεν καὶ ὅλα τὰ
ἄλλα²⁰ πρόσωπα ὁμοίως

Однако в том же разделе о наречиях подраздел Τὰ δὲ ἀποστάσεως (*Сия же отстояния*), куда входит только один союз ὥστε, заканчивается в списке S (л. 195) словами καὶ συντάσσεται γενικῆς. Этих слов нет ни в других списках Новгородской грамматики (N, л. 136; T, л. 136 об.), ни в списках Московской грамматики М-331 (л. 23),

¹⁷ νὰ ἀναγνώθωμεν опущено в списке S.

¹⁸ τυγχάνει в списке S.

¹⁹ πρέπει ἢ τυχαίνει в списке М-333.

²⁰ В списках T и БАН 16.6.11 опущено.

М-333 (л. 36 об.) и М-75 (л. 66)²¹. В том же разделе подпункт *Tā dē katafásews* (Сия же надглаголаня) в списке S (л. 200) звучит следующим образом: *Naí — Naí, vaísoai*. Слово *vaísoai* отсутствует как в других списках Новгородской грамматики (N, л. 138 об.; T, л. 140 об.), так и в списках Московской грамматики М-331 (л. 24 об.), М-333 (л. 39), М-75 (л. 70.) и БАН 16.6.11 (л. 87 об.). При отсутствии дополнительных данных это может говорить или о том, что Дмитрий Федоров, ученик Новгородской школы, который переписывал рукопись S, дополнял грамматику своего учителя, или о том, что Иоанникий Лихуд сам вносил со временем изменения в текст.

Что касается Костромской грамматики, то, с одной стороны, текст ее гораздо пространнее, чем тексты грамматик Московской и Новгородской, а с другой — материал в ней представлен не в виде вопросов и ответов, а в виде последовательного изложения. По причине этих обстоятельств сходство Новгородской грамматики с ее текстом оказывается не столь заметным: фрагментарность Новгородской по сравнению с Костромской грамматикой всегда заставляет сомневаться в том, что обнаруженное сходство слов, фраз и примеров было сходством именно с Костромской грамматикой, а не с какой-либо другой, в которой эти же слова, фразы и примеры встречаются.

В некоторых случаях, однако, сходство оказывается столь значительным, что трудно его объяснить чем-либо иным кроме как тем, что для своей Новгородской грамматики Лихуды использовали грамматику Костромскую, или, по крайней мере, те же источники. Такого рода сходство с Костромской грамматикой можно обнаружить в грамматике Новгородской не только, как обращает внимание Д. А. Яламас, в разделах об артикле, имени и местоимении, но также и в разделе, который предшествует учению о частях речи. В частности, в Новгородской грамматике после предварительных замечаний о том, что такое сама грамматика и из каких частей она состоит, в подразделе *Περὶ ὀρθογραφίας*, перед изложением учения о буквах и звуках находится следующее замечание о том, как лучше всего озвучивать греческие тексты: *Σημείωσις. Ἀνωφελὲς ἂν εἴη τίνα τῶν πάλαι καὶ νῦν γνῆσιον εἶναι τὴν προφορὰν ἀνιχνεύειν τῶν Ἑλλήνων*

²¹ В рукописи БАН 16.6.11 здесь отсутствует лист.

μη φανηράν οὔσαν. Προφέρωμεν οὖν τὰ γράμματα καὶ φωνὰς κατὰ τὴν τῶν δοκίμων γνώμην καὶ μάλιστα τῶν Ἑλλήνων ἀλληλοδιαδόχως ταύτης τὴν γνησιότητα κληροσαμένων (списки: N, л. 4; S, л. 4²²). Это же интересное замечание есть и в Костромской грамматике (списки: K-332, с. 1; K-72, с. 1; K-44, с. 1–2), однако в Московской редакции его нет.

Более того, по мнению Д. А. Яламаса, в Новгородской редакции «глагол и причастие излагаются более оригинально» по сравнению с другими ее частями [Яламас 2001а, с. 182; Яламас 2001б, с. 43], однако и здесь нельзя не заметить сходства с Костромской редакцией. Например, вот как во всех трех грамматиках объясняется, что такое наклонение глагола:

Московская (списки: М-331, л. 9 об.–10; М-333, л. 12 об.–13; М-75, л. 18 об.–19; БАН 16.6.11, л. 24: НГОУНБ, № 72, л. 18–18 об.)	Костромская (списки: К-332, с. 143; К-72, с. 143; К-44, с. 195–196)	Новгородская (списки: N, л. 115 об.; S, л. 159; Т, л. 99 об.–100 об.)
Τί ἐστιν ἔγκλισις; Ἐγκλισις ἐστὶ βούλημα ψυχῆς διὰ φωνῆς σημαίνόμενον. Ποσαχῶς εἰσὶν αἱ ἐγκλίσεις; Διχῶς, κυρίως²³ καὶ καταχρηστικῶς. Πόσαι ἐγκλίσεις κυρίως; Τέσσαρες²⁴ ὀριστικῇ, προστακτικῇ, εὐκτικῇ καὶ ὑποτακτικῇ. Πόσαι ἐγκλίσεις²⁵ καταχρηστικῶς; Μία, ἡ ἀπαρέμφατος. Διὰ τί λέγεται ἔγκλισις καταχρηστικῶς²⁶;	Ἐγκλισις μὲν ἐστὶ ψυχῆς βούλημα διὰ φωνῆς σημαίνόμενον. Αἱ δὲ ἐγκλίσεις εἰσὶν πέντε, ὀριστικῇ οἶον τύπτω, προστακτικῇ οἶον τύπτε, εὐκτικῇ οἶον εἴθε τύπτοιμι, ὑποτακτικῇ οἶον ἐὰν τύπτω, ἀπαρέμφατος οἶον τύπτειν.	Τί ἐστιν ἔγκλισις; Ἐγκλισις ἐστὶ ψυχῆς βούλημα διὰ φωνῆς σημαίνόμενον. Πόσαι εἰσὶν αἱ ἐγκλίσεις; Πέντε ὀριστικῇ οἶον τύπτω, προστακτικῇ οἶον τύπτε, εὐκτικῇ οἶον εἴθε τύπτοιμι, ὑποτακτικῇ οἶον ἐὰν τύπτω, καὶ ἀπαρέμφατος οἶον τύπτειν.

²² В списке Т до л. 20 об. идет текст Московской грамматики.

²³ εἰς κυρίως в списках М-331 и М-75.

²⁴ τέσσαρα в списке М-75.

²⁵ Опущено в списках М-331 и М-75.

²⁶ καταχρηστικῶς ἔγκλισις в списке М-331.

Διότι πρόσωπα οὐ κέκτηται.

Περὶ γενῶν²⁷.

Πόσα γένη τῶν ῥημάτων;

Πέντε. <...>

Γένη μὲν εἰσι πέντε

<...>

Πόσα γένη τῶν

ῥημάτων εἴτε

διαθέσεις; Πέντε <...>

Таким образом, можно подтвердить предположение Д. А. Яламаса о том, что Лихуды пользовались Костромской грамматикой для преподавания грамматики в Новгородской школе [Яламас 2001а, с. 181; Яламас 2001б, с. 42–43].

Интересно, что в нижегородском списке Московской грамматики почерком, отличающимся от почерка переписчика, вписаны примеры наклонений глагола: изъявительное — οἶον τύπτω, повелительное — οἶον τύπτε, желательное — οἶον εἴθε τύπτοιμι, сослагательное — οἶον ἔὰν τύπτω, инфинитив — οἶον τύπτειν. Эти же примеры есть в тексте Костромской и Новгородской грамматик, что может косвенно свидетельствовать о связи нижегородского списка с Новгородской школой.

Вторая и третья книга грамматики, которые содержатся в списке S, почти дословно совпадают с Московской грамматикой. Видимо, это дало основание Д. А. Яламасу отождествить их со второй и третьей книгами грамматики Московской [Яламас 2001а, с. 108]. Однако здесь можно принять во внимание методы работы Лихудов, в частности то, как Иоанникий преподавал в Новгородской школе риторику, для которой он использовал уже готовый московский курс риторики, но внес в него некоторые изменения. Эти изменения затронули первую книгу курса и очень незначительно остальные. С грамматикой Лихуды могли поступить так же: они значительно переработали первую книгу, а вторую и третью оставили без изменения, или потому, что не успели этого сделать, или потому, что не стремились.

Кроме внутренних связей, которые можно наблюдать между Московской, Костромской и Новгородской грамматиками Лихудов, можно говорить также об их связи с предшествующей грамматической традицией. Здесь, однако, возникает большая сложность, связанная с тем, что к тому времени, когда Лихуды составляли свои грамматики, уже существовало немало как печатных, так и, надо

²⁷ περὶ γενῶν τῶν ῥημάτων в списке М-331.

полагать, рукописных грамматик греческого языка. Определения различных грамматических категорий (частей речи, падежей, наклонений, залогов и т. п.) в них почти дословно повторялись, повторялись с незначительными отличиями формулировки грамматических правил, повторялись почти без изменения также и примеры, которые эти правила демонстрировали. С большей или меньшей степенью вероятности строить предположения о связи Лихудовых грамматик с сочинениями других ученых можно по заметкам, которые делались к изложению грамматического материала, по тому, как этот материал располагается (структура), а также по элементам оформления текста.

Д. А. Яламас, который рассматривает грамматики Лихудов в контексте греческой грамматической традиции, отметил немало связей Новгородской грамматики с грамматикой Константина Ласкариса (первое издание 1476 г.) [Яламас 2001а, с. 105–108]. Если вернуться к приведенному выше сопоставлению списков Новгородской грамматики, то, по наблюдению Яламаса, следующие части этих списков были «переписаны» у Ласкариса: о временах глагола (списки: N, л. 180 об.–188 об.; S, л. 318–348), перечень неправильных глаголов (списки: N, л. 189–202; S, л. 294–317) и раздел о придыханиях (список S, л. 349–361). В дополнение к этому мы можем отметить, что очень близок грамматике Ласкариса раздел с парадигмами спряжения глаголов, имеющийся в обоих списках Новгородской грамматики (N, л. 150–179 об.; S, л. 224–293).

В списке N (л. 203 об.–277) имеется и еще один раздел с примерами спряжения глаголов. Он представляет собой сокращенное, без вводных замечаний, изложение глав 13–15 и 18–19 Костромской грамматики, что еще раз может свидетельствовать о ее особом значении для грамматики Новгородской. Таблица ниже показывает соответствия в этой части списка N и Костромской грамматики:

Костромская грамматика

Глава 13 (К-332, с. 145–222; К-72, с. 145–212²⁸; К-44, с. 198–307)

Список N

Л. 203 об.–216 об. Γράμμαта
характеристικὰ τῆς αἰῆς συζυγίας

²⁸ В списке К-72 далее лакуна в тексте: с. 213–244 пустые.

Глава 14, начиная с парадигмы (К-332, с. 233–274; К-72, с. 245 ²⁹ –274; К-44, с. 334–403)	Л. 217–236 об. <i>Περὶ τῶν περισπωμένων ῥημάτων</i>
Глава 15, начиная с парадигмы (К-332, с. 279–320; К-72, с. 279–320; К-44, с. 411–475)	Л. 237–256 об. <i>Παράδειγμα τῆς πρώτης συγυγίας τῶν εἰς μι</i>
Глава 18 (К-332, с. 335–362; К-72, с. 335–362; К-44, с. 497–537)	Л. 257–274 об. <i>Κεφάλαιον η. Περὶ τῆς κλίσεως τῶν ἀνωμάτων ῥημάτων</i>
Глава 19 (К-332, с. 362–366; К-72, с. 362–366; К-44, с. 537–540)	Л. 275–277. <i>Περὶ τῶν ἀπροσώπων ῥημάτων κατὰ στοιχεῖον</i>

Надо, однако, думать, что круг источников, которыми пользовались Лихуды при составлении своих греческих грамматик, был шире. Д. А. Яламас предполагал, что к таким источникам необходимо также отнести источники латинские, «игравшие для Лихудов важную роль в самом изложении материала» [Яламас 2001а, с. 178; Яламас 2001б, с. 41]. Это предположение сейчас приобретает особое значение, поскольку исследования последних лет показывают, что в ходе преподавания в Москве Лихуды как носители европейской интеллектуальной культуры активно использовали не только греческую литературу но и пособия, написанные на латинском языке [Зайцев 2010, с. 21; Крылов 2014, с. 87; Лемешев 2015; Суто-риус 2017, с. 368–372, 380–383].

Двигаясь далее в этом направлении, мы в нашем анализе Лихудовых грамматик привлекли к сравнению около 20 различных пособий по греческому языку, опубликованных до 1687 г., которым датируется Московская грамматика в списке М-331³⁰. Особую близость у Новгородской и особенно у лежащей, по-видимому, в основе многих ее разделов Костромской грамматики мы обнаружили с греческой грамматикой иезуита Якоба Гретсера (первое издание 1593 г.) на латинском языке. Так, например, интересное замечание о том, как следует читать греческие тексты, реконструировать ли древнегреческое чтение или ориентироваться на современное произношение греков, которое мы встретили в начале Костромской

²⁹ Предшествует лакуна в тексте.

³⁰ Перечень грамматик, которые привлекались нами к сравнению, указан в списке литературы.

грамматики и в грамматике Новгородской, полностью почти совпадает с замечанием, которое у Гретсера идет после греческого алфавита: *Porro sicut nativa et genuina Latini sermonis pronuntiatio intercidit, ita et Graeci, ac proinde inutile fuerit curiose nimis veterem pronuntiationem sequi, quam nunquam sis assecuturus, cum non plane constet, qualis fuerit. Efferantur ergo litterae et voces sono et modo, qui doctis plerisque probatur et quem in superiori elementorum Graecanicorum delineatione, Latinis ex altera parte respondentibus, efformatum cernis, cum etiam hujus aetatis Graeci ab illa pronuntiatione nihil vel perparum discrepent* [Gretserus 1593, p. 2–3].

У Гретсера отсутствуют определения грамматических категорий, имеющиеся в Новгородской редакции. Связано это было, по-видимому, с тем, что его грамматика предназначалась для тех, кто уже два года изучал грамматику латинскую и эти определения им были уже знакомы. Возможно, как раз то обстоятельство, что первая книга грамматики Гретсера была предназначена для учеников класса «синтаксиса», третьего грамматического класса у иезуитов — вторая была предназначена для класса *humanitatis* (по другому «поэтики»), третья предназначена для класса риторики — сказалось на выборе Лихудов в пользу этого источника для своей Костромской грамматики, предназначенной, как указано в заглавии, как раз для учеников класса риторики: *ἔκδοσις τὸ δεῦτερον πρὸς τὴν τῆς ῥητορικῆς σχολὴν ἀποβλέπουσα*.

В связи с этим кажется не лишним основания предположение Д. А. Яламаса о том, что Лихуды рассчитывали вернуться к преподаванию в Московской Славяно-греко-латинской академии [Яламас 2001а, с. 181]. В 1701 г. академия была реформирована по иезуитско-киевскому образцу, и у иезуитов в *Ratio studiorum* (1599 г.) предполагалось изучение греческого языка пять лет: в низшем, среднем и высшем грамматических классах, в классе *humanitatis* и классе риторики³¹. В Московской академии мы располагаем свидетельствами о том, как изучался греческий язык, только для более позднего времени. Согласно представленной в Синод в ноябре 1727 г. справке о деятельности академии за 1725–1727 гг., после третьего латинского класса, синтаксического, ученики на год переходили к изучению греческого языка, а затем возвращались в латинскую «школу» к изу-

³¹ *Regulae communes professoribus classium inferiorum* 13.

чению поэтики [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 41 об.–44]. Соответственно, после трех лет изучения латыни ученики уже не нуждались в разъяснении грамматических категорий.

То обстоятельство, что Костромская грамматика была предназначена для учеников, уже изучавших риторику, возможно, объясняет указание в конце дрезденской рукописи на то, что она была переписана в декабре 1712 г. в Новгороде. В 1712 г. в Новгородской архиерейской школе началось преподавание риторики, и не исключено, что как раз в связи с этим был сделан список Костромской грамматики. Можно предположить, что и рукопись К-72, переписанная учениками Новгородской школы, была изготовлена в то же время.

Сходство с грамматикой Гретсера видно также и в структуре Костромской грамматики. Главы ее первой книги почти полностью соответствуют главам грамматики, написанной иезуитом:

Главы грамматики Гретсера

1. De Graecorum litteris earumque divisionibus et affectionibus.
2. De partibus orationis apud Graecos et primum de articulo.
3. De dialectis in genere.
4. De nomine et declinationibus simplicibus.
5. De declinationibus contractis.
6. De nominibus simplicium declinationum contrahi solitis.
7. De heteroclitis.
8. De formationibus adjectivorum.
9. De formatione substantivorum.
10. De gradibus comparationis.

Главы Костромской грамматики

- α.³²
- β. Περί τῶν τοῦ λόγου μερῶν.
- γ. Περί τῶν διαλέκτων γενικῶς.
- δ. Περί ὀνόματος καὶ κλίσεων ἀπλῶν εἴτε ἀπαθῶν.
- ε. Περί τῶν συνηρημένων κλίσεων.
- ς. Περί ὀνομάτων τῶν ἀπλῶν κλίσεων συναρεῖσθαι ἤτοι κινᾶσθαι ἔθος ἐχόντων.
- ζ. Περί ἑτεροκλίτων.
- η. Περί σχηματισμοῦ τῶν ἐπιθέτων ὀνομάτων.
- θ. Περί σχηματισμοῦ τῶν οὐσιαστικῶν ὀνομάτων.
- ι. Περί σχηματισμοῦ τῶν πατρωνυμικῶν, κτητικῶν, ἔθνικῶν, παρωνύμων, ὑποκοριστικῶν, ῥηματικῶν καὶ συγκριτικῶν βαθμῶν.

³² Заголовок в списках К-332, К-72 и К-44 отсутствует.

11. De numeralibus.	ια. Περὶ τῶν ἀριθμητικῶν ὀνομάτων.
12. De pronomine.	ιβ. Περὶ ἀντωνυμιῶν.
13. De conjugationibus verborum barytonorum.	ιγ. Περὶ ῥήματος.
14. De verbis circumflexis.	ιδ. Περὶ τῶν περισπωμένων ῥημάτων.
15. De verbis in mi.	ιε. Περὶ τῶν εἰς μι.
16. De modo potentiali et concessivo seu permissivo.	ισ. Περὶ τῆς δυνητικῆς καὶ συγχωρητικῆς ἐγκλίσεως.
17. De verbalibus.	ιζ. Περὶ τῶν ἀνωμάτων καὶ ἐλλιπῶν ῥημάτων ἔτι δὲ καὶ περὶ τῶν ἐπιθυμητικῶν εἴτε ἐφέτικῶν εἴτε ὀρεητικῶν, θαμινῶν, μιμητικῶν καὶ διαθετικῶν πρὸς δὲ καὶ ποιητικῶν ἐπικρατητικῶν ῥημάτων.
18. De verbis anomalis et defectivis in ω.	ιη. Περὶ τῆς κλίσεως τῶν ἀνωμάτων ῥημάτων.
19. De verbis anomalis in mi.	ιθ. Περὶ τῶν ἀπροσώπων ῥημάτων κατὰ στοισεῖον.
20. De adverbio.	κ. Περὶ ἐπιρρήματος.
21. De conjunctione et praepositione.	κα. Περὶ συνδεσμοῦ καὶ προθέσεως.
22. De accentibus.	κβ. Περὶ τόνων. κγ. Περὶ σχημάτων εἴτε παθῶν τῶν λέξεων.
23. De ratione investigandi themata.	κδ. Περὶ τοῦ πῶς ἀνιχνεύειν ἦτοι τεχνολογεῖν τὰ θέματα.

Хотя в самом тексте этих глав Костромской грамматики не везде обнаруживаются следы сходства с грамматикой Гретсера, однако некоторые главы совпадают почти дословно, например, последняя глава, которая представляет собой словарь неправильных глаголов (списки: К-332, с. 395–431; К-72, с. 421³³–431; К-44, с. 569–619). Этот же словарь входит и в состав списка N Новгородской грамматики (л. 279–305)³⁴. Вот самое начало этой главы:

³³ В списке К-72 между с. 388 и 421 находится лакуна (чистые листы) поэтому начало последней главы в этом списке отсутствует.

³⁴ Д. А. Яламас, описывая список N, называет этот словарь «оригинальным» [Яламас 2001а, с. 106].

Γραμματικά Γρετσερα [Gretserus 1593, p. 314]

Diximus cap. 18 generatim de verbis defectivis et anomalis. Nunc ordine alphabetico contexendus est in gratiam juventutis catalogus anomalorum, qui sit instar lexicī, rationemque thematis vel investigandi vel in sua tempora diducendi ostendat, quod ut legitime fiat, primo necesse est, ut paradigmata omnium conjugationum probe perfecta animoque comprehensa habeantur. <...>

Список N

Περὶ τῶν ἑλλিপῶν καὶ ἀνωμάλων ῥημάτων γενικῶς ἔφημεν κεφαλῶν ἰζ³⁵ καίτοι ιη³⁶. Νῦν δ' αὖθις δι' ὠφέλειαν τῶν νέων φήθημεν διὰ βραχέων ἐπισημειώσασθαι κατὰ στοιχεῖον τινὰ τῶν ἀνωμάλων ῥημάτων, ἵνα ἀπόνως διὰ τούτων ἀνιχνεύειν ἔχοιεν καὶ τεχνολογεῖν τὰ θέματα. Τοῦτ' δὲ ἵνα κανονικῶς γένοιτο δέον καλῶς τὰ παραδείγματα πασῶν τῶν συζυγιῶν καθεωρακέναι καὶ εἰς τὴν μνήμην πεμφθῆναι. <...>

Совпадение с Гретсеровой грамматикой можно найти и во второй книге грамматики Костромской. Например, в главе о прилагательных, управляющих генитивом (в конце, перед исключениями):

Γραμματικά Γρετσερα [Gretserus 1593, p. 382–383]

Caput 8. De constructione transitiva nominum adjectivorum.

<...>

(Denominativa in κος) Ἀγαθὸς θεὸς καὶ ἀγαθῶν παρεκτικὸς d. Basil. *deus bonus est et dator bonorum*. Aristot. Καθὰπερ ἐστὶ φυλακτικὸν σώματος ὑγίεια οὕτω τῆς ψυχῆς φυλακτικὸν κατέστηκε παιδεία, ut *sanitas corpus, sic doctrina conservat animum*.

<...>

Γραμματικά Κостромская (списки: К-332, с. 27–28; К-72, с. 27–28; К-44, с. 35³⁶)

Κεφάλαιον ς'. Περὶ μεταβατικῆς συντάξεως διαφορῶν ἐπιθέτων ὀνομάτων.

<...>

Τὰ εἰς κος λήγοντα ῥηματικά, ὡς παρὰ τῷ μεγάλῳ Βασιλείῳ Ἀγαθὸς θεὸς καὶ ἀγαθῶν παρεκτικὸς, καὶ παρ' Ἀριστοτέλει Καθὰπερ ἐστὶ φυλακτικὸν σώματος ὑγίεια οὕτω τῆς ψυχῆς φυλακτικὸν κατέστηκε παιδεία. Τρόπος ποριστικὸς τοῦ βίου.

³⁵ δ' αὖθις опущено в списке К-72.

³⁶ Ссылки на все три списка даются по нумерации второго счета.

Illa denominativa in κος Latine vix commode ad verbum exprimi possunt uno verbo, nisi quis barbaro vocabulo velit uti, neque enim τρόπος ποριστικός τοῦ βίου recte interpretaberis *rationem necessarium suppeditativam* sed vel *suppeditatricem* vel *suppeditantem*, vel periphrasi *quae necessaria suppeditat*, quamvis haec vim vocis illius Graecae non expriment.

Таῦτα τὰ εἰς κος οἱ Λατῖνοι μηδεποσῶς δύνανται μεταφράσαι εἰς τὴν ἰδίαν αὐτολεξι εἰ μὴ διὰ περιφράσεως ὡς τὸ *τρόπος ποριστικός τοῦ βίου* modus sive ratio, quae necessariam suppeditandi vim habet.
<...>

Или в главе о синтаксисе наречий:

Caput 17. De constuctione adverbiorum. Adverbia cum nomine
[Gretserus 1593, p. 456]

I. Adverbia demonstrandi nominativum vel accusativum habent ἴδε, ἰδοῦ, ἡνίδε *en, ecce, ἰδοῦ Ῥόδος, ἰδοῦ πῆδημα* Aesopus, *ecce Rhodus, ecce saltus*. <...>

Κεφάλαιον κθ. Περὶ τῆς τῶν ῥημάτων συντάξεως (списки: К-332, с. 84–85 (по второму счету); К-72, с. 84–85 (по второму счету))

α´. Τὰ δεικτικά τῶν ἐπὶ ῥημάτων οἷον ἴδε, ἰδοῦ, ἡνίδε, *en ἢ ecce* ὀνομαστικὴν ἢ αἰτιατικὴν ἀπαιτεῖ οἷον ἰδοῦ ἢ Ῥόδος ἰδοῦ καὶ τὸ πῆδημα, *ecce Rhodus ecce saltus* παρ' Αἰσώπῳ, καὶ τὸ ἴδε ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ, *ecce agnus dei* Ἰωάννου α´ κθ. <...>

Также и в оформлении Костромской грамматики можно обратить внимание на элементы сходства с грамматикой Гретсера. Так, в 1-й книге в разделе о глаголе визуально одинаково представлено в обеих грамматиках объяснение того, как глаголы группируются по спряжениям. Например, первое спряжение (списки: К-332, с. 145; N, л. 203 об.) [Gretserus 1593, p. 112]:

β	$\left\{ \begin{array}{l} \text{Λεῖβω} \\ \text{τέρπω} \\ \text{γράφω} \\ \text{τύπτω} \end{array} \right\}$	ψω	$\left\{ \begin{array}{l} \text{λείψω} \\ \text{τέρψω} \\ \text{γράψω} \\ \text{τύψω} \end{array} \right\}$	φα	$\left\{ \begin{array}{l} \text{λέλειφα} \\ \text{τέτερφα} \\ \text{γέγραφα} \\ \text{τέτυφα} \end{array} \right\}$	libo
π						delecto
φ						scribo
πτ						verbero

Впрочем, здесь могло сказаться и иное влияние. В словаре *Lexicon Graecum et institutiones linguae Graecae ad sacri apparatus instructionem* (1572), опубликованном без указания на составителя, словарной части предшествует небольшой грамматический справочник, в котором распределение глаголов по спряжениям представлено в виде таких же таблиц [*Lexicon Graecum* 1572, р. 6 а].

Стоит отметить, что связь с иезуитской дидактикой не была у Лихудов, по-видимому, случайной. Об этом может свидетельствовать также и так называемая «Пространная латинская грамматика» Лихудов, представленная рукописью РГБ [ОР РГБ. Ф. 173.1. № 330]. Текст написан на двух языках — латинском и греческом — рукой Софрония Лихуды. Начинается он (с. 1–7) с небольшого вводного раздела *Totius divisio grammaticae pro tribus discipulorum classibus sive scholis* (Ἀπόσις τῆς γραμματικῆς διαίρεσις ὑπὲρ τῶν τριῶν τῶν μαθητῶν ταγμάτων εἴτε σχολῶν). Д. А. Яламас полагал, что текст этот важен как для полного представления о взглядах Лихудов на преподавание классических языков, так и потому, что в нем «вырисовывается целая система преподавания этих предметов» в Московской академии [Яламас 2001а, с. 185]. Однако при просмотре изданий знаменитой грамматики иезуита Эммануила Альвара обнаружилось, что с этого же раздела начинается ее генуэзское издание 1648 г. [Alvarus 1648, р. 3–5]. Затем в рукописи № 330 (с. 8–11) идет собственно предисловие к грамматике, которое начинается словами: *Ioannikii et Sophronii sacromonachorum et doctorum Lichudum de institutione grammaticae liber primus. Praefatio. Jure optimo labor hic qualiscunque est frustra susceptus in tanta librorum multitudine videri posset <...>*. Это же предисловие находится в грамматике Альвара [Alvarus 1575, с. 3], только в начале его вместо имен Лихудов стоит имя Альвара: *Emmanuelis Alvari e Societate Jesu de institutione grammatica liber primus. Praefatio. Jure optimo labor hic qualiscunque est frustra susceptus in tanta librorum multitudine videri posset <...>*.

Мы далеки от мысли о том, что учебники иезуитов были основными источниками Лихудов при составлении ими своих грамматик. По всей видимости, Лихуды пользовались разными источниками и умело компилировали их, при этом не особенно обращая внимание на язык своего источника и его конфессиональную принадлежность.

Однако к некоторым особенностям Новгородской — также и Московской — грамматики нам не удалось найти параллелей в пособиях по греческому языку, которые привлекались к сравнению. Одной из таких особенностей оказалось то, что в разделах о наречиях и о союзах к лексемам книжного греческого языка дается перевод на «простой» греческий язык. Так, после пространных перечней из наречий времени и места идет компактный список наречий качества, который в Московской и Новгородской грамматиках выглядит следующим образом:

Московская (список М-331, л. 22–22 об.)

εὖ	εὖμορφα, καλά, δυνατά
καλῶς	καλά, εὖμορφα
ἡδέως	γλυκά
σοφῶς	σοφά, εὐτακτα
βοτρυδόν	πυκνά, ὡσὰν αἱ ρῶγαι τοῦ σταφυλίου
ἀγεληδόν	σκυλίτικα ³⁸
куνηδόν	μαζωκτά, ὡσὰν ἡ ἀγέλη ἀντάμα
ἰλαδόν	μαζωκτά κατὰ τάξιν ἢ εὐτάκτως ἀντάμα πολλοί

Новгородская (списки: N, л. 134 об.–135; S, л. 191–192; T, л. 132 об.–133 об.)

Московская (списки: М-333, л. 35–35 об.; М-75, л. 63 об.–64; БАН 16.6.11, л. 78 об.–79 об.)

εὖ	εὖμορφα, καλά, δυνατά ³⁷
καλῶς	καλά, εὖμορφα
ἡδέως	γλυκά
σοφῶς	σοφά, εὐτακτα
куνηδόν	σκυλίτικα
βοτρυδόν	πυκνά, ὡσὰν αἱ ρῶγαι τοῦ σταφυλίου
ἀγεληδόν	μαζωκτά ὡσὰν ἡ ἀγέλη ἀντάμα
ἰλαδόν	μαζωκτά κατὰ τὰξιν ἢ εὐτάκτως ἀντάμα πολλοί

³⁷ В списке М-333 κατὰ πολλὰ δυνατά. В списке S καλά δυνατά опущено.

³⁸ Переводы наречий ἀγεληδόν и куνηдόν в рукописи М-331 очевидно перепутаны, однако Д. А. Яламас, следуя выбранной им технике издания текста по одному списку, воспроизводит неправильную последовательность [Яламас 2001а, с. 339].

φαλαγγιδόν	μαζωκτὰ κατὰ τάξιν ἢ ἀντάμα πολλοὶ εὐτάκτως	φαλαγγιδόν	μαζωκτὰ κατὰ τάξιν ἢ ἀντάμα πολλοὶ εὐτάκτως ³⁹
κρουινιδόν	ὥσάν χύμα βρύσεως	ρύδον, ρύδην, χύδην ⁴⁰	κατὰ πολλὰ πλούσια
ρύδον, ρύδην, χύδην, δαψιλῶς, ἀφθόνως	κατὰ πολλὰ πλούσια ἢ ρευστικά	δαψιλῶς ⁴¹ , ἀφθόνως ⁴²	ἢ ρευστικά ⁴³

Интересно, что в Костромской грамматике в главах о наречии и о союзе не приводятся соответствия из «простого» греческого языка, вместо этого указаны соответствия латинские. Однако в главах о глаголе (главы 13–18) в парадигмах спряжения наряду с латинским переводом даются еще и параллельные формы на «простом» греческом.

Д. А. Яламас отмечает также, что к источникам Лихудов «следует добавить и грамматическое сочинение Герасима Влаха, учителя Иоанникия» [Яламас 20016, с. 40]. Нам, к сожалению, этот текст остался недоступен, однако здесь, кажется, надо учитывать, что сходство грамматики Лихудов с текстом Влаха могло быть вызвано тем, что они пользовались одними источниками, а не тем, что Лихуды пользовались самим пособием Влаха.

Возникает, конечно, вопрос, почему Лихуды использовали пособия собственного сочинения, а не существующие печатные издания, каковых к последней четверти XVII в. было уже немало. Возможно, причина этого была в том, что у них не было достаточного количества печатных экземпляров для того, чтобы снабдить ими своих учеников.

Мы имеем очень неясные представления о том, как преподавали Лихуды и как изучали их ученики грамматику. Вопрос, в частности, состоит в том, как соотносились текст, который назывался

³⁹ В списке Т далее идет строка κρουινιδόν ὥσάν χύμα βρύσεως.

⁴⁰ Опущено в списке S.

⁴¹ διαψυχῶς в списке М-75.

⁴² В списке М-333 ρύδον ἢ ρύδην ἢ χύδην ἢ δαψιλῶς ἢ ἀφθόνως.

⁴³ В списке М-333 далее идет ὥσάν τὸ χύμα τῆς βρύσης.

грамматикой, и учебный предмет с тем же названием, изучали ли ученики язык, следуя тексту пособия, или последовательность уроков не была обусловлена последовательностью изложения в книге. Решить этот вопрос нам могут помочь ведомости об учениках греческого «класса» Новгородской архиерейской школы [Салоников, Суториус 2020].

Самая ранняя известная ведомость датируется декабрем 1718 г. Согласно этой ведомости, из тех, кто изучал греческий язык, 6 человек значились «*во учении осми частей слова греческия грамматики, а имянно в наречии*», 6 человек значились «*во учении осми частей слова греческия же грамматики, а имянно во имени*» [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Л. 21]. Имена учеников в этой ведомости были расположены в порядке от тех, кто прошел в обучении дальше, к тем, кто был еще на более ранних стадиях обучения. Соответственно, если спроецировать эти данные на структуру Новгородской грамматики, где наречие идет после имени, то напрашивается предположение, что ученики двигались по своему пособию последовательно.

Следующая по времени ведомость, которая нам известна, датируется январем 1724 г. Согласно этой ведомости, 13 учеников, «*окончавающие 3 согласие, твердили 1 действительных вид и пишут темы*» [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 107. Л. 1]. Само по себе это сообщение не говорит о том, в каком порядке ученики проходили грамматику, — можно только заметить, что с раздела «*О согласиях*» (*Περὶ συμφωνιῶν*) начинается вторая книга Московской грамматики (списки: М-331, л. 31 об.; М-333, л. 49 об.) и вторая книга в списке S (л. 362) с грамматикой Новгородской — однако если сопоставить эти данные с данными следующей известной ведомости, то получаются небезынтересные результаты.

Эта третья ведомость греческой «школы» составлена, как можно предположить, в конце 1725 г. Здесь значатся 14 человек, из которых первые 11 занимались уже два года и на момент составления ведомости предметом их изучения были: «*вематография, вемата павитика, от греческаго на еллинской язык*» [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 47]. Все эти 11 человек значатся в вышеуказанной ведомости за январь 1724 г. в числе 13 учеников, которые «*окончавающие 3 согласие, твердили 1 действительных вид и пишут темы*». Таким образом, здесь, можно предположить, засвидетельство-

ван следующий этап изучения греческой грамматики⁴⁴. Непонятно, однако, каким разделам Московской или известным спискам Новгородской грамматики соответствуют указанные в ведомости темы⁴⁵.

Наконец, в составленной во второй половине 1727 г. сводной ведомости об учениках Новгородской школы за 1706–1727 гг. в разделе, где перечислены ученики Лихудов, после группы учеников, изучивших грамматику полностью, идут ученики, которые *«значатся... грамматики во осмочастии 4-я части, глагола»*, а затем те, которые *«значатся... во осмочастии 2-я части, имене»* [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 127–128 об.]. Здесь мы, так же как и в ведомости 1718 г., видим соответствие обратному порядку Новгородской грамматики.

В той же ведомости 1727 г. в списке учеников, учившихся в 1718–1726 гг. у Федора Максимова, помимо тех, кто изучил греческую грамматику полностью, значатся такие, которые изучали *«греческия грамматики осмочаствие и малое сочинение»*, которые изучали просто *«осмочаствие»*, которые изучали *«часть 1-ю грам-*

⁴⁴ По данным этой же ведомости, еще трое учеников занимались греческим «погоды» и в тот момент изучали *«грамматику, 3 часть, глагол»* [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 47 об.].

⁴⁵ Возможно, ответ на этот вопрос дадут две рукописи: ОР ГИМ. Сокол. 129 и Владимиро-Суздальский музей-заповедник, КР-713 (введена в научный оборот Д.Н. Рамазановой). В этих рукописях содержится вторая книга Московской грамматики: Сокол. 129, л. 2об.-80 (на л. 80 об.-97 об. находится третья книга), КР-713, л. 1–53. Вторую же половину обеих рукописей занимают небольшие отрывки греческого текста и перевод их на славянский язык: Сокол. 129, л. 102 об.-264, КР-713, л. 1–82 по второму счету. Начинаются эти отрывки с заголовка *Θέματα πάντων τῶν εἰδῶν καὶ πρῶτον μὲν τοῦ πρῶτου τῶν ἐνεργητικῶν μεθ' αὐτὸ δὲ τῶν λοιπῶν κατὰ τάξιν*. Мы, пока, не можем сказать, с каким учебным заведением связаны эти «темы» и к какому времени они относятся, однако кажется, что это могла быть та «тематогрaфия», о которой идет речь в новгородской ведомости конца 1725 г. Косвенным образом в пользу этого может говорить то, что в Московской грамматике учение о просодии излагалось в третьей книге, в Новгородской же — в начале первой. Соответственно, для изучения синтаксиса в Новгородской школе можно было использовать вторую книгу Московской грамматики, а «темы» из рукописей Сокол. 129 и КР-713, даже если происхождение их было связано с другой школой, могли относиться к следующему этапу изучения грамматики в Новгородской школе.

матики» [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 138 об.]. Здесь, конечно, не вполне понятно, что имеется в виду под 1-й частью грамматики, однако мы видим, что разделы, которые изучались выделенными учениками, также соответствуют порядку изложения в Московской и Новгородской грамматиках: сперва «осмочастие» (этимология), потом «сочинение» (синтаксис). Также и в разделе ведомости с учениками, которые продолжали учиться в 1727 г., про одного из них сказано, что он *«изучив осмочастие греческия грамматики, был в сочинении»* [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 143].

Продолжительность изучения всего курса греческого языка и его разделов, видимо, не была строго определена и зависела от успехов учеников, так что одни осваивали «программу» за меньшее время, а у других на это уходило времени больше [Салонилов, Суториус 2020, с. 8].

Другой вопрос, как Лихуды занимались с учениками в классе, на каком, например, языке преподавали они греческую грамматику: на русском или церковнославянском, или они сперва учили своих учеников «простому» (разговорному) греческому языку, а затем уже на нем преподавали грамматику? Как именно это происходило в Новгородской школе, нам пока неизвестно. Можно предположить только, что ко времени приезда в Новгород Лихуды уже могли в достаточной мере овладеть русским и церковнославянским языками, чтобы преподавать на них.

Важной частью Новгородской, как и Московской грамматики оказывается ее параллельный текст на церковнославянском языке. Здесь возникает масса интересных и сложных вопросов: как этот текст соотносится с существовавшими ко времени Лихудов грамматиками «Адельфотис», Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого на уровне грамматической терминологии, связаны ли между собой церковнославянские тексты в Московской и Новгородской грамматиках, имело ли значение для истории текста, как располагались в списках греческий и церковнославянский тексты (на одном листе рядом или на соседних листах, слева греческий или славянский), кто мог быть автором церковнославянского текста в Новгородской грамматике, как связаны между собой грамматика Федора Максимова (1723), «первого» ученика Лихудов Новгороде, и грамматики самих Лихудов. Отчасти эти вопросы обсуждались в статье М. М. Копы-

ленко [Копыленко 1960], который делает интересные наблюдения, но не дает ответов на поставленные вопросы. Тема эта столь обширна, что требует отдельного самостоятельного исследования.

Выводы:

1. Нам удалось в дополнение к уже известным идентифицировать еще один список Новгородской грамматики в БАН [НИОР БАН. Шифр 16.15.5]. Хотя эта рукопись содержит только первую книгу Новгородской грамматики, да и то без начала, однако она примечательна тем, во-первых, что, само начало ее (л. 1–20 об.) взято из грамматики Московской, а во-вторых, что она содержит только первую книгу грамматики. В результате, из трех известных списков Новгородской грамматики только один содержит вторую и третью книги, которые при этом мало отличаются от грамматики Московской. Это наводит на мысль о том, что Московская грамматика имела какое-то отношение к преподаванию в Новгородской архиерейской школе, причем не только вторая и третья книги, но также и первая. В пользу этого может говорить то, что часть списков Московской грамматики была переписана учениками Новгородской школы.

2. В ходе исследования выяснилось, что списки Московской грамматики неоднородны как по палеографическим особенностям, будучи переписанными в разное время в разных местах, так и в текстологическом аспекте, представляя разные этапы в истории текста, исследовать которые еще предстоит.

3. Оказалось, что при преподавании греческой грамматики в Новгородской архиерейской школе Лихуды использовали свою Костромскую грамматику, и, видимо, с этим преподаванием связано появление известных сегодня двух ее списков — санкт-петербургского и дрезденского.

4. В свою очередь обнаружилось сходство Костромской грамматики с греческой грамматикой иезуита Якоба Гретсера: на уровне самого текста, его структуры и его оформления.

5. Сопоставление списков Новгородской грамматики с известными на сегодня делопроизводственными документами, относящимися к Новгородской архиерейской школе, позволяет, кажется, сделать предположение, что преподавание греческой грамматики в этой школе в общих чертах следовало порядку изложения в самом учебном пособии Лихудов.

Структура Новгородской грамматики Лихудов

N — Рукопись ОР РНБ. Ф. 522. № 73.

S — Рукопись НИОР БАН. Собр. Александро-Свирского мон.
№ 104.

T — Рукопись НИОР БАН. Шифр 16.15.5.

		N	S	T
Ἰωαννικίου καὶ Σωφρονίου ἱερομονάχων τε καὶ διδασκάλων αὐταδέλφων τῶν Λειχουδῶν Περὶ γραμματικῆς μεθόδου.	Иоанникиа и Софрониа иеромонахов же и учителей самобратий Лихудиевых О грамматическом художестве.	3	2	
Βιβλίον α ^v .		3	2	
Κεφάλαιον α ^v . ⁴⁵		3	2	
Περὶ ὀρθογραφίας.	О орфографии.	4	4	
Περὶ διαίρεσεως τῶν γραμμάτων.	О разделении писмен.	4	4	
Περὶ διφθόγγων.	О двугласных.	8	9	
Περὶ συμφώνων.	О согласных.	10	11	
Περὶ προσφιδίας.	О просодии.	15	17	
Περὶ τόνων.	О ляцаниих.	15	18	
Περὶ χρόνων τῶν προσφιδῶν.	О временех просодии.	19	22	
Περὶ πνευμάτων.	О духах.	20	24	
Περὶ παθῶν τῶν προσφιδῶν.	О страстех просодии.	22	25	
Περὶ τῆς ἀποστρόφου.	О апострофи.	22	25	
Περὶ τῆς ὑφέν.	О поедино.	22	27	
Περὶ ὑποδιαστολῆς.	О подстоятелней.	23	28	

⁴⁶ Κεφάλαιον α^v *опущено в списке N.*

		N	S	T
Περὶ στιγμῶν ⁴⁶ .	О точках ⁴⁷ .	23	28	
Περὶ ἐτυμολογίας.	О этимологии.	30	38	
Περὶ συντάξεως.	О сочинении.	30	39	
Περὶ τῶν τοῦ λόγου μερῶν. Κεφάλαιον β ^v .	О частях слова. Глава 2.	30	39	
Περὶ ἄρθρου.	О члене.	31	41	
Περὶ ὀνόματος. Κεφάλαιον γ ⁴⁸ .	О имени. Глава 3.	36	48	
Περὶ τῆς α ^{ης} κλίσεως τῶν ἰσοσυλλάβων ⁴⁹ .	О первом склонении равносложных.	45	57	
Περὶ τῆς β ^{ας} κλίσεως τῶν ἰσοσυλλάβων ὀνομάτων.	О втором склонении равносложных имен.	46	59	
Περὶ τῆς τρίτης κλίσεως τῶν ἰσοσυλλάβων ὀνομάτων.	О третьем склонении равносложных имен.	48	61	
Περὶ τῆς τετάρτης κλίσεως τῶν ἰσοσυλλάβων ὀνομάτων.	О четвертом склонении равносложных имен.	50	63	
Περὶ τῶν περιττοσυλ- λάβων ὀνομάτων.	О излищнослож- ных именах.	52	66	
Περὶ τῶν συνηρημένων κλίσεων.	О стисненных склонениях.	55	69	20 об.

⁴⁶ στιγμῶν в списке S.

⁴⁷ точке в списке S.

⁴⁸ Κεφάλαιον γ^v дописано в списке N.

⁴⁹ Περὶ τῆς α^{ης} κλίσεως τῶν ἰσοσυλλάβων опущено в списке N.

		N	S	T
Περὶ ὀνομάτων τῶν ἀπλῶν κλίσεων συναιρεῖσθαι ἤτοι κινᾶσθαι ἔθος ἐχόντων.	О именах простых склонений стисняться сиречь растворяться обычай имущих.	61	79	25 об.
Περὶ ἑτεροκλίτων.	О иносклонных.	66	87	33 об.
Περὶ τῶν παραγωγῶν ὀνομάτων.	О производных именах.	70	92	38 об.
Περὶ σχηματισμοῦ τῶν πατρωνυμικῶν.	О начертании оцеименных.	70	92	
Περὶ κτητικῶν.	О стяжательных.	74 об.	101	46 об.
Περὶ ἐθνικῶν.	О языческих.	77 об.	103	49 об.
Περὶ παρωνύμων.	О отыменных.	78 об.	105	50 об.
Περὶ ὑποκοριστικῶν.	О умалительных.	75	107	51 об.
Περὶ ῥηματικῶν.	О глагольных.	79	110	54 об.
Περὶ συγκριτικῶν βαθμῶν.	О сравнительных степенях.	81 об.	115	58 об.
Περὶ τῶν ὑποπιπτόντων τοῖς ὀνόμασιν.	О подпадающих именем.	84	119	63 об.
Περὶ τῆς ποικιλίας τῶν ἐπιθέτων.	О различестве прилагательных.	89 об.	127	70 об.
Περὶ τῆς κλίσεως τῶν ἀριθμητικῶν ὀνομάτων.	О склонении числительных имен.	99 ⁵⁰	144	84
Περὶ ἀντωνυμιῶν.	О местоимении.	107 об.	147	86 об.
Περὶ κτητικῶν.	О стяжательных.	108 об.	149	88 об.
Περὶ δεικτικῶν.	О указательных.	109 об.	150	90 об.
Περὶ ἀναφορικῆς.	О возносительном.	111 об.	153	93 об.
Περὶ συνθέτων.	О сложных.	112	154	95 об.

⁵⁰ В списке N на л. 101–106 об. находится текст другого параграфа о числительных, без славянского перевода.

		N	S	T
Περὶ ἐθνικῶν ἀντωνυμιῶν.	О языческих местоимении.	114	158	98 об.
Περὶ ῥήματος.	О глаголе.	115 об.	159	99 об.
Περὶ τῶν περισπωμέ- νων ῥημάτων.	Об обличенных глаголех.	118	165	107 об.
Περὶ τῶν εἰς μι ῥημάτων.	О на ми глаголех.	119	167	109 об.
Περὶ μετοχῆς.	О причастии.	120 об.	169	110 об.
Περὶ προθέσεως.	О предлозе.	123 ⁵¹	172	113 об.
Περὶ ἐπιρρήματος.	О наречии.	132	186	127 об.
Περὶ συνδέσμων.	О союзе.	142–149 об.	207–223	147 об. – 162 об.
Ῥῆμα ὀριστικὸν ἐνεργητικὸν συζυγίας πρώτης τῶν βαρυτόνων.	Глагол изъявитель- ный, действитель- ный супружества первого тяжко- ляцательных ⁵² .	150	224	
Περὶ τῶν περισπωμένων ῥημάτων.		156 об.	240	
Περὶ τῶν εἰς μι ῥημάτων.	О на ми глаголех.	169 об.	267	
Ὑπαρκτικὸν ῥῆμα.	Существител- ный ⁵³ глагол.	179	292–293	

⁵¹ В списке N на л. 130 об.–131 об. находится текст другого параграфа Περὶ προθέσεως, без славянского перевода.

⁵² Глагол изъявительный, действительный супружества первого тяжколяцательных опущено в N.

⁵³ Бытственный S.

		N	S	T
Περὶ τῆς συγγενείας τῶν χρόνων.	О родстве времен ⁵⁴ .	180 об.	318	
Περὶ παντὸς ῥήματος.		181	319	
Περὶ τοῦ σχηματισμοῦ τῶν χρόνων ⁵⁵ .		188 об.	328	
Περὶ σχηματισμοῦ τῶν παθητικῶν.		–	339	
Περὶ τῶν ῥημάτων τῶν μέχρι παρατατικοῦ κλινομένων.		–	346–348	
Περὶ ἀνομάλων ῥημάτων κατὰ στοιχείον.	О стропотных глаголах по стихию ⁵⁶ .	189–202	294–317	
Ἐξηγησις τῶν τοῦ ἐνεργητικοῦ ῥήματος χρόνων εἰς τὴν ἀπλὴν τῶν γραικῶν φράσιν.		305 об.		
Περὶ τῶν εἰδῶν τῶν παραγῶγων		311 об.– 313 об.		
Περὶ πνευμάτων.			349–361	
[Βιβλίον β ^{ον}]			362	
Περὶ συμφωνιῶν.				
Περὶ τῶν ῥημάτων γενῶν.			369	
Περὶ τῶν παθητικῶν ῥημάτων.			384	
Περὶ οὐδετέρων ῥημάτων.			392	
Περὶ τῶν κοινῶν εἴτε μέσων ῥημάτων.			412	
Περὶ τῶν ἀποθετικῶν ῥημάτων.			414	
Περὶ ἀπροσώπων ῥημάτων.			433	
Περὶ ἀπαρεμφάτων.			438	

⁵⁴ О родстве времен *опущено* в S.

⁵⁵ В списке N текст обрывается на параграфе Περὶ παρακειμένου (л. 188 об.).

⁵⁶ О стропотных глаголах по стихию *опущено* в S.

	N	S	T
Περὶ μετοχῆς.		445	
Περὶ αὐθυποτάκτων καὶ ἀνυποτάκτων ῥημάτων.		451	
Κανὼν περὶ τοῦ χρόνου ἐν ποίᾳ δεῖ τίθεσθαι πτώσει.		453	
Περὶ τῆς γραμματικῆς μεθόδου βιβλίον γ'.		455	
Περὶ προσωδίας εἴτε περὶ τόνων.		455	
Περὶ τῶν ἐγκλιτικῶν.		465	
Περὶ τῶν σχημάτων ἥτοι περὶ παθῶν.		470–473	
Περὶ συντάξεως τῶν ῥημάτων κατὰ γένη.		474	
Ὅνόματα πασῶν τῶν κλίσεων.		481	
Περὶ ῥημάτων πασῶν τῶν συζυγιῶν.		493	
Ῥήματα κατὰ ἀλφάβητον πασῶν τῶν συζυγιῶν.		499–510	
Περὶ κλίσεως τῶν ὀνομάτων.		511– 513 об.	

Литература и источники

Брейар Ж., Горбунова Р. С. «Краткая греческая грамматика» братьев И. и С. Лихудов: неизвестный список // Личность. Язык. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 132–138.

Владими́ро-Сузда́льский истори́ко-архитекту́рный музе́й-запове́дник, КР-713. Лихуды. Греческая грамматика. Книга вторая.

Вознесенская И. А. Новгородская школа братьев Лихудов // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 205–235.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Дело о снятии с работы и отправке в Александро-Невский монастырь учителя Иова.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 107. Ведомости успеваемости учащихся архиерейских школ.

Зайцев Д. А. Киево-Могилянская школа в ее влиянии на русскую религиозно-философскую мысль второй половины XVII в.: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2010. 24 с.

Копыленко М. М. Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов // Византийский временник. 1960. Т. 17. С. 85–92.

Крылов А. О. Московские знакомые митрополита Димитрия Ростовского и «киевская учёность»: восприятие западной образованности великорусской церковной элитой на рубеже XVII–XVIII вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8. С. 86–88.

Лемешев К. Н. Латинский источник риторики Софрония Лихуда // Русская литература. 2015. № 3. С. 45–60.

НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Рапорты о школьниках и подкидышах. 1726 г.

НИОР БАН. Собр. Александро-Свирского мон. № 104. Лихуды. Новгородская грамматика греческого языка.

НИОР БАН. Шифр 16.6.11. Лихуды. Московская грамматика греческого языка. Книга первая.

НИОР БАН. Шифр 16.15.5. Лихуды. Новгородская грамматика греческого языка.

ОР ГИМ. Сокол. 129. Лихуды. Греческая грамматика. Книги вторая и третья.

ОР РГБ. Ф. 173.1. № 332. Лихуды. Костромская грамматика греческого языка.

ОР РГБ. Ф. 173.1. № 331. Лихуды. Московская грамматика греческого языка.

ОР РГБ. Ф. 173.1. № 333. Лихуды. Московская грамматика греческого языка.

ОР РГБ. Ф. 173.1. № 330. Лихуды. Пространная латинская грамматика.

ОР РНБ. Ф. 522. № 72. Лихуды. Костромская грамматика греческого языка.

ОР РНБ. Ф. 522. № 75. Лихуды. Московская грамматика греческого языка. Книга первая.

ОР РНБ. Ф. 522. № 73. Лихуды. Новгородская грамматика греческого языка.

ОРКР НГОУНБ. Ф. 1. Оп. 1. №. 72. Лихуды. Московская грамматика греческого языка. Книга первая.

РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Дело о составлении ведомостей о числе школ и учеников в епархиях со времени существования Св. Синода и об источниках их содержания.

РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 3376. Лихуды. Фрагменты греческой грамматики.

Салонииков Н. В., Суториус К. В. Преподавание грамматики в Новгородских архиерейских школах в 20–30-е гг. XVIII в. (на материале ведомостей учащихся) // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 5 (30). 2020. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.5\(30\).13](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.5(30).13)

Суториус К. В. Преподавание братьями Лихудами философии в Московской Славяно-греко-латинской академии в 1692–1694 гг. по материалам рукописных источников // ОФР. М., СПб., 2017. Вып. 20. С. 356–384.

ТГОМ. Шифр КП 1891. Лихуд Иоанникий. Риторика.

Трохачев С. Ю. Греческо-русские рукописные грамматики XVII–XVIII веков в России // Литература Древней Руси: источниковедение: сб. науч. тр. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. С. 207–212.

Фонкич Б. Л. Новые материалы для биографии Лихудов // ПКНО. Ежегодник. 1987. М., 1988. С. 61–70.

Яламас Д. А. (2001а) Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний: дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2001. 387 с.

Яламас Д. А. (2001б) Средневековая греческая грамматическая традиция и труды братьев Лихудов // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. / Отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. С. 37–52.

Alvarus Emmanuel. De institutione grammatica libri tres. Venetiis apud Jacobum Vitalem, 1575.

Alvarus Emmanuel. De institutione grammatica libri tres. Genuae sub directione Jo. Dominici Peri, 1648.

Caligarius Constantinus. De grammaticae gracilitate et cum auctoris discipula amata similitudine liber nondum scriptus. Monasretii apud Alexandram Gregorii, 1522.

Ceropinus Jacobus. Grammatica Graeca. Coloniae, ex officina Eucharitii Cervicorni, 1533.

Chalcondylus Demetrius. Erotemata sive Institutiones grammaticae. Basileae, 1546.

Clenardus Nicolaus. Institutiones linguae Graecae cum scholiis et praxi P. Antisegnani. Veneriis, in aedibus Manutianis, 1570.

Crusius Martinus. Puerilis in lingua Graeca institutio. Witenbergae, typis Jacobi Wilhelmi Fincelii, 1624.

Dresden Sächsische Landesbibliothek - Staats- und Universitätsbibliothek, Mscr. Da. 44. Лихуды. Костромская грамматика греческого языка.

Frischlinus Nicodemus. Grammatica Graeca cum Latina vere congruens. Helmstadii excudebat Jacobus Lucius impensis Ludolphi Brandes, 1580.

Gaza Theodorus. Grammaticae introductionis libri quatuor. Venetiis in aedibus Joan. Ant. et Petrum fratres de Nicolinis de Sabio sumptu vero d. Melchioris Sellae, 1545.

Girardus Carolus. Graecarum institutionum libelli undecim. Apud Simonem Colinaeum et Joannem Engellier librarium Bituricensem, 1541.

Golius Theophilus. Grammatica Graeca. Amstelodami, apud Joannem Janssonium, 1635

Greterus Jacobus. Institutionum de octo partibus orationis, syntaxi et prosodia Graecarum libri tres. Ingolstadii, excudebat David Sartorius, 1593.

Gualtperius Otho. Grammatica Graeca. Marpurgi apud Paulum Egenolphum, 1606.

Lapinus Euphrosynus. Institutiones Graecae. Florentiae, apud Laurentium Torrentinum, 1560.

Lascaris Constantinus. Grammaticae compendium. Venetiis, apud Paulum Manutium, 1557.

Lexicon Graecum et institutiones linguae Graecae ad sacri apparatus instructionem. Antverpiae, excudebat Christophorus Plantinus, 1572.

Manutius Aldus. Grammaticae institutiones Graecae. Venetiis in aedibus Aldi et Andreae soceri, 1515.

Melanchton Philippus. Grammatica Graeca. Norimbergae apud Jo. Petreum, 1533.

Nunnesius Petrus. Institutiones grammaticae linguae Graecae. Valentiae ex Joannis Mey Flandri typographia, 1556.

Pasor Georgius. Grammatica Graeca sacra Novi testamenti. Groningae typis Joannis Coelleni et sumptibus Joannis Janssoni, 1655.

Paradis Joannes. Manuductio ad Graeciam sive Grammatica nova. Parisiis, apud viduam Nicolai Buon. 1637.

Portius Simon. Grammatica linguae Graecae vulgaris. Reproduction de l'édition de 1638. Paris, F. Vieweg, 1889.

Rustius Johannes. Grammatica Graeca. Bernae excudebat Johannes le Preux, 1612.

Urbanus. Grammaticae institutiones Graecae. Basileae apud Valentinum Curionem, 1530.

Vergara Franciscus. De omnibus Graecae linguae grammaticae partibus libri quinque. Parisiis, apud Joannem Roigny, 1550.

Wellerus Jacobus. Grammatica Graeca nova. Lipsiae, excudit Timotheus Ritzsch, 1650.

О литературной деятельности чудовского дьякона Иова, ученика братьев Лихудов, во время его ссылки на Соловки в 1701–1703 гг.

О. В. Панченко

*Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом),
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Статья посвящена малоизвестному эпизоду из биографии чудовского дьякона Иова, ученика братьев Лихудов, который был сослан на Соловки в 1701 г. Оказавшись свидетелем посещения Соловецкого монастыря Петром I в 1702 г., он составил текст об этом и предшествующем приходе царя на Соловки (в 1694 и 1702 гг.), помещенный в Петровской часовне. Впоследствии этот рассказ был включен в Соловецкий летописец 1-й Пространной редакции. Другим плодом литературной деятельности Иова стала книга «Сад спасения» (1703), представляющая собой свод житий, служб и похвальных слов основателям Соловецкого монастыря. В Предисловии к ней Иов поместил сочиненную им похвалу собору соловецких святых и краткий хронологический обзор жизнеописаний 12-ти наиболее почитаемых подвижников. Впоследствии его труд послужил основным источником для всех сочинений по соловецкой агиологии XIX в.

Ключевые слова: братья Лихуды, славяно-греко-латинская академия, Чудов монастырь, Соловецкий монастырь, жития святых, книга «Сад спасения»

On the Literary Work of Chudovsky Deacon Job, a Student of the Leichoudis Brothers, during His Exile to the Solovki in 1701–1703

Oleg V. Panchenko

*Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia*

Abstracts. The article recounts a little-known episode in the biography of the Chudov deacon Job, a disciple of the Leichoudis brothers, who was exiled to Solovki in 1701. Having witnessed Peter the Great's visit to the Solovetsky monastery in 1702, he compiled a text about this and the previous visit of the Tsar to Solovki (in 1694 and 1702), placed in the Peter's Chapel. Afterwards this story was included in the Solovetsky Chronicle of the 1st Extended redaction. Another product of Job's literary

work was the book *The Salvation Garden* (1703) which is a collection of lives, services and panegyrics for the founders of the Solovetsky monastery. In the preface to this work Job included an eulogy to the synaxis of the Solovetsky saints composed by him and a brief chronological account of the biographies of the 12 most venerated ascetics. His work subsequently became the primary source for all XIX century writings on Solovetsky hagiology.

Keywords: Leichoudis brothers, Slavic Greek Latin Academy, Chudov Monastery, Solovetsky Monastery, lives of saints, *The Salvation Garden*

Личность чудовского иеродьякона Иова уже с давних пор обращает на себя внимание историков литературы петровского времени. Многие из писавших о деятельности братьев Лихудов в России, как правило, упоминали о нем как об одном из первых учеников греческих дидаскалов¹, ставшем впоследствии преподавателем в созданной ими академии и, подобно им, подвергшимся царской опале — ссылке в Соловецкий монастырь [Смирнов 1855; Сменцовский 1899; Сменцовский 1906; Yalamas, 1991–1992; Каган 1993; Фонкич 1999; Фонкич 2009; Рамазанова 2003; Рамазанова 2008; Панченко 2020]. Особый интерес у исследователей вызвал один из эпизодов биографии Иова, связанный с преподаванием его в Новгородской архиерейской школе после отъезда Иоанникия Лихуда в Москву [Прилежаев 1877; Сменцовский 1899; Страхова 1988; Вознесенская 2005; Салоникив 2009; Новгородский архиерейский дом 2016; Панченко 2020]².

В то же время собственно литературное творчество иеродьякона Иова все еще остается вне поля зрения исследователей. В истории

¹ По воспоминаниям Федора Поликарпова, инок Иов поступил в обучение к Лихудам еще в годы преподавания их в Боявленском монастыре (1685–1687) [Историческое известие 1791, с. 298]. Однако свидетельство Федора Поликарпова было впоследствии оспорено Б. Л. Фонкичем, который предположил, что Иов поступил в школу Лихудов несколько позже — уже после перевода ее в ноябре 1687 г. в Заиконоспасский монастырь [Фонкич 1999, с. 204; Фонкич 2009, с. 145]. Ошибочность этой гипотезы Б. Л. Фонкича была продемонстрирована в работах Д. Н. Рамазановой и автора этих строк [Рамазанова 2003, с. 231; Рамазанова 2008, с. 361; Панченко 2020, с. 382–384].

² Этой же теме посвящена статья Н. В. Салоникива и К. В. Суториуса в настоящем сборнике.

литературы лишь вкратце упоминается о нем как о поэте силлабической школы, авторе двух дидактических стихотворений, дошедших в составе предисловия к его «Букварю» [Панченко 1965; Панченко 1984; Каган 1993; Савельева 2008]. Но другие, более значимые, сочинения инок Иова остаются исследователям неизвестными. В их числе — мемориальный текст о двух приездах Петра I на Соловки, составленный им для Петровской часовни в 1703 г. и Предисловие к книге «Сад спасения» — своду житий основателей Соловецкого монастыря. В состав последнего входит небольшое историко-агиологическое сочинение, которому автор дал название «Краткого извѣстия о святых с лѣтним описанием» [Панченко 2020, с. 420]. С содержательной стороны оно представляет собой краткое изложение житий 12-ти наиболее почитаемых подвижников Соловецкого монастыря, хронологически соотнесенное с текстом Соловецкого летописца (составленного в начале XVIII в.).

Несколько лет, проведенных в соловецкой ссылке, оказались одним из наиболее плодотворных периодов в творческой биографии чудовского инок. Но вначале расскажем, какими судьбами он оказался на Соловках.

О том, как ученик Лихудов оказался на Соловках

Будучи одним из первых учеников Лихудов, а впоследствии и преподавателем в созданной ими академии, иеродьякон Иов был назначен на этот пост в 1700 г., через пять с половиной лет после отставки Лихудов [Историческое известие 1791, с. 301–302]³. Правда, пробыл он в этом статусе совсем недолго, пока его не сменил на этом посту Палладий Роговский, бывший соученик Иова. Повидимому, это назначение и послужило причиной отставки Иова. Не поладив с новым учителем (ярким представителем латинской образованности и тайным приверженцем церковной унии)⁴, он был

³ До назначения дьякона Иова преподаванием в академии занимались два его бывших соученика — Федор Поликарпов (1694–1698) и Николай Семенов (1694–1700) [Браиловский 1894, с. 14, 20]. См. об этом в челобитной Николая Семенова к патриарху Адриану, датированной январем 1699 г. [ОР ГИМ. Син. грам. № 1544].

⁴ О Палладии Роговском см. работы проф. Е. Ф. Шмурло и протоиерея А. Ястребова [Шмурло 1931; Ястребов 2014; Ястребов 2018; Ястребов 2019].

сослан 15 октября 1700 г. в Холмогоры с предписанием дальнейшей его отправки на Соловки. В патриаршем указе к Холмогорскому архиепископу Афанасию в качестве основных прегрешений «бывшего учителя Школьной палаты» Иова были названы «его непослушание, и упрямство, и крамолы», а также и «иные вины», требовавшие исправления его в Соловецком монастыре [Верюжский 1908, с. 591–592; Панченко 2020, с. 400–401].

Но архиепископ Афанасий не сразу отправил ссыльного инок в монастырь, решив использовать его при себе в качестве переводчика. Ценил ученость чудовских иноков, он поручил ему исправить один из переводов греческого Хронографа на славянский язык. Но в этом случае его ожидало полное разочарование. Ссылный инок не проявил ни малейшего усердия в порученном ему деле. Вместо этого он взялся за составление собственного учебника славянского и греческого языков. Учительское поприще, очевидно, было для него более привычным, и именно с ним он связывал свои надежды на скорейшее возвращение в Москву.

Придумав для своей книги изысканное название — «Букварь, ркше Сократ учения христианскаго»⁵, — Иов посвятил его лично царю Петру, на чью милость он и рассчитывал. Своей книге он предпослал витиеватое посвящение (датированное 1701 г.), в котором, не жалея многосоставных эпитетов, именует самодержца «мудрѣйшим людюуправителем», «богоразумнѣйшим храброборцем», «многоочитым подвигоположником» и «отцом щедролюбезливѣйшим ко всему люду христоименному». К сожалению, в полном виде этот Букварь до нас не дошел. В одной из рукописей Пушкинского Дома сохранилась лишь выписка из него, состоящая из упомянутого Посвящения, Предисловия и двух виршей в жанре «поучения к отроку» [Панченко 2020, с. 415–419]. Судя по этим текстам, Иов был весьма высокого мнения о своем статусе учителя государевой школы, преподавателя «греко-еллинно-славено-

⁵ В этом заглавии, как отмечал А. М. Панченко, «очевидно влияние барочно-католической концепции, согласно которой Аристотель, Сократ, Сенека были как бы стихийными христианами, *animae naturaliter christianae*; Сократа даже уподобляли Христу: оба умерли мученической смертью за провозглашенную ими “правду о Боге”». [Панченко 1984, с. 8–9].

латинского диалекта». Не случайно в одном из сохранившихся виршей он поместил «мудрых учителей» в один ряд с архиереями, считая и тех, и других «проповедниками слова» Божия. Приведем этот фрагмент:

И вся царевы вѣрны служители:
власти, началства, *мудры учителя* —
с архиереи имъ честь отдавайте,
проповѣдники слова лишше знайте.

Высокое самомнение Иова и нерадение к поручениям Холмогорского архиерея сослужили Иову дурную службу. В августе 1701 г. он был выслан на Соловки с крайне нелестным отзывом о нем архиепископа Афанасия, адресованным соловецкому архимандриту и братии. Последний охарактеризовал его как человека «жестоко-сердного» и «злонравного», который «въ житии своем непослушанием, презорствомъ, лѣнностью и прекословием весьма непотребен явился, и служителем дому нашего соблазн и претыкание многое сотворил» [Панченко 2020, с. 400]. В том же письме архиепископ Афанасий сделал несколько дисциплинарных распоряжений об условиях содержания Иова в Соловецком монастыре. В частности, он повелел отдать его «в подначал» опытному старцу, запретил ему совершать дьяконскую службу, разрешив принимать участие в богослужении только в качестве простого клирошанина. Кроме того, он запретил выдавать ему в келью бумагу и чернила, писать кому-либо письма или получать их от других [Панченко 2020, с. 401].

Отсылая ученого инока на Соловки, архиепископ Афанасий прекрасно понимал, что соловецкие власти все же постараются использовать его литературный опыт. Заранее давая на это свое согласие, он в то же время рекомендовал не оставлять своенравного ссыльного без присмотра: «А буде что ему, Иову, к потребѣ вашей велите писать или преводить, и вамъ то послушание велѣтъ ему исполнять у васъ, архимандрита или у келаря, в кельѣ и за вашимъ присмотромъ, а не скрытно» [Верюжский 1908, с. 592; Панченко 2020, с. 401].

В Соловецкой обители так и поступили. Непосредственный повод к использованию литературных талантов Иова вскоре предоставила сама жизнь.

**О создании Иовом текста для Петровской часовни
о двух посещениях Петром I Соловецкого монастыря**

Летом следующего года Соловецкий монастырь посетил державный гость — царь Петр I, прибывший туда в ходе военной кампании 1702 г. Это был уже второй приезд Петра на Соловки. Впервые молодой царь посетил монастырь в 1694 г., приплыв туда на вновь построенной яхте «Святой Петр» вместе с Холмогорским архиепископом Афанасием и несколькими «ближними людьми»: боярином Т. Н. Стрешневым (бывшим дядькой царя), духовником Петром Васильевым и некоторыми другими [Двинской летописец 1977, с. 197]. В свой первый приезд Петр провел в обители три дня. Во второй раз он прибыл на остров в августе 1702 г. с эскадрой из 13 военных кораблей. Помимо команды на них находилось пять батальонов «ратных людей» общей численностью более 4 тысяч человек⁶.

Вместе с царем в монастырь прибыли царевич Алексей и царская свита из нескольких десятков вельмож. Среди знатных лиц, сопровождавших царя, были генерал-фельдмаршал Ф. А. Головин, князя М. Г. Ромодановский, А. И. Голицын, Б. И. Прозоровский, царский печатник Н. М. Зотов, «ближние люди» А. Д. Меншиков, Г. И. Головкин, князь Ю. Ю. Трубецкой и другие. В этот раз царь пробыл на Соловках несколько дольше и смог ближе познакомиться с монастырем. Он дважды посетил монастырскую ризницу и оружейную палату, рассматривал в ризнице древние грамоты «праотеческие», ходил по тюрьмам, навестил ветхого схимника, много лет не выходявшего из своей кельи, даже в церковь. Пробыв в обители шесть дней, Петр встретил здесь праздник Успения и во время всенощной пел на клиросе вместе со своими певчими.

⁶ «Государь въ бытность свою въ семъ году у Архангельскаго города повелѣлъ устье рѣки Двины укрѣпить батареями и шанцами, и заложили на взморѣ новую крѣпость, и нарекли имя ей новая Двинка <...>. По томъ, когда увѣдали подлинно, что флотъ непріятельскій къ городу Архангельскому не будетъ, тогда Его Величество съ вышереченными пятью баталіонами гвардіи августа въ 5 день от города Архангельскаго учинилъ моремъ транспортъ, на 4 своихъ и на 6 нанятыхъ Голландскихъ и Аглинскихъ корабляхъ мимо Соловецкаго монастыря къ деревнѣ Нюхче, а оттолъ сухимъ путемъ до деревни Повѣнца чрезъ пустыя мѣста и зѣло каменистыя» [Журнал или Поденная записка 1770, с. 49–50].

Обстоятельства приезда царя в 1702 г. нашли отражение в небольшой хронике из 4-х глав, составленной очевидцем в жанре «поденных записок». По нашему предположению, автором этой хроники был иеромонах Александр Золотарев, который ранее служил ключарем Холмогорского кафедрального собора при архиепископе Афанасии, а за год до второго приезда царя в монастырь принял там монашество⁷.

Вскоре после отъезда царственного гостя соловецкие власти предприняли шаги к увековечению памяти об этом событии. По повелению архимандрита Фирса был поновлен поклонный крест с распятием, установленный 8-ю годами ранее в часовне, сооруженной в память о первом приезде царя в монастырь (в 1694 г.). Теперь этот крест был покрыт позолотой⁸, а ссыльному дьякону Иову было поручено сочинить к нему памятную надпись с рассказом о каждом из двух приездов царя в Соловецкий монастырь. Созданный им текст, написанный на выкрашенной белилами доске, был помещен в той же часовне рядом с крестом [Порфирий 1864, с. 57; Двукратное посещение 1902, с. 30–35].

Рассказ о первом посещении монастыря Петром был сочинен Иовом в витийственной форме, характерной для панегириков петровского времени [см.: Гребенюк 1979]. Он содержит минимум фактический сведений, поскольку автор этого текста, по-видимому,

⁷ Во время 20-летней службы при Холмогорском архиерее священник Алексей Золотарев вел хронику богослужебной жизни архиепископа Афанасия, записывая ее в Чиновнике Холмогорского собора [Голубцов 1903, с. XXVIII–XXXIII]. Текст ее имеет полное стилистическое сходство с упомянутой выше хроникой пребывания Петра I в Соловецком монастыре в 1702 г. Это позволило нам атрибутировать создание обоих текстов перу одного автора — бывшего ключаря Холмогорского собора Алексею Золотареву (который в 1701 г. принял монашество на Соловках с именем Александра). Подробнее об этом см. в нашей статье в новом выпуске сборника «Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь и Русский Север».

⁸ «Ноября въ 27 день [1703 г.] по приказу преподобнаго отца нашего архимандрита Фирса плачено иеродиякону Силвестру за двѣсти листов серебра, что онъ, Силвестръ, положилъ своего на золочение животворящего Креста, что на пристани, денегъ рубль тритцать алтынъ» [РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 749. Л. 220].

никакими письменными свидетельствами о первом визите царя не располагал. Единственным источником, который ему удалось найти, была краткая статья во Вкладной книге, внесенная вскоре после отъезда Петра из монастыря. Сообщалось в ней следующее: «В лѣто от Сотворения мира 7202-го, иуния 7-го дня, от воплощения же Божия Слова 1694-го... великий государь царь и великий князь Петръ Алексѣевич... по своему душеспасительному обѣщанию приде от града Архангелского во обитель Всемиловитаго Спаса и преподобных отецъ Зосимы и Савватиа Соловецкихъ чудотворцевъ помолитися. И пожаловалъ онъ, великий государь, в бытность свою в Соловецкой монастырь на молебны, и на чудотворцовы Зосимы и Савватия раки, на покровы, и на монастырское строение и братии ручные милостыни денегъ 523 рубли 8 алтынъ 2 денги. А пришествие его, великого государя, было от града Архангелского в Соловецкой монастырь со всякимъ смиреніем и кротостию в страннинскомъ образѣ⁹ на состроеннѣ от его пресвѣтлѣйшества яхте своего царскаго величества, не со многими бояры и людьми, купно и с Холмогорским архиереомъ. А поход его, великого государя, из Соловецкаго монастыря к Архангелскому городу иуюния 10 числа».

Судя по всему, никаких других письменных свидетельств о первом приезде Петра в монастырь Иов не сумел найти. Чтобы восполнить недостаток фактических сведений, он как искусный ритор использовал прием амплификации одного из мотивов, заданных в его источнике. Избрав для этого мотив «странствия самодержца в Соловецкую обитель “со всякимъ смиреніем и кротостию в страннинскомъ образѣ”», он распространил его до размеров целой тирады, насыщенной словесными повторами с концептом «странствия». Он уподобил царственного «странника» Петра «царю пренебесному» Христу, который «в силѣ сокровеннѣй подобіемъ плоти немощныя *странствовал*» на земле, и двум его «богомудрым рабам» — Зосиме и Савватию, «устранившимъся» от мира ради Христа и удалившимся на «*странный сей*» остров. Нанизывая однокоренные слова со значением «странствия», Иов повторил их в своем тексте не менее шести раз. Приведем этот фрагмент полностью как свидетельство владения Иовом приемами школьной риторики, усвоенной им еще

⁹ Слова, выделенные курсивом, в ркп. зачеркнуты.

в школе Лихудов: «Божиею милостию великий государь царь... государь Петр Алексѣвичъ, якоже орел высокопарный и свѣтло-зрачный, царствия своего державу, яко птенцелюбивый птищъ, оглядая, селение свое, и рачительно снабдѣвая, и непреложное обѣтование желанія и моления исполняя, — Всемиловитому Спасу, в силѣ сокровеннѣй подобиемъ плоти немощныя *странствовавшему*, Царю пренебесному, и Его ради *устранившимся* во оток *странный* сей от мира богомудреннымъ Его рабомъ, преподобнымъ чудотворцемъ Зосимѣ и Савватию и прочимъ на мѣсте святѣмъ семъ, — *странствовавъ*, поклонение отдаде, мироздания 7202, по плоти же *странствования* Сына Божіяго от Рождества Его 1694-го, индикта 2-го, іюнія в 9 день. И *странное* сие крестнаго изображения подобіе Христа Царя... повелѣ въдрозити и храмъ моления своего на семъ мѣсте на поклонение православнымъ христіаномъ...».

Какъ видно изъ приведенной выше цитаты, в рассказѣ о первомъ приходѣ Петра въ монастырь Іовъ использовалъ, помимо мотива «странствія», метафорическій образъ «орла», который въ литературѣ петровскаго барокко выступалъ какъ символъ царя и государства¹⁰. Для своего сочиненія онъ избралъ одну изъ самыхъ популярныхъ манифестаций этого символа — топосъ «орла какъ защитника своего гнѣзда», покрывающаго своихъ птенцовъ крыльями¹¹. Уподобивъ Петра этому «птенцелюбивому птищю», онъ представилъ его какъ образецъ идеальнаго правителя, пекущагося о «птенцахъ» своей державы.

Тотъ же топосъ Іовъ использовалъ и въ следующей части своего сочиненія — въ рассказѣ о второмъ приходѣ царя на Соловки. Но на этотъ разъ онъ сдѣлалъ основной акцентъ на воинской силѣ русскаго самодержца — грознаго победителя «турковъ и скифовъ» и «преславнаго одолѣтеля» крепости Азовъ, который и «нынѣ» пришелъ къ Соловецкому острову «со славою и силою мноюю и строемъ воинскимъ

¹⁰ Какъ отмѣчаетъ Л. И. Сазонова, «образъ орла какъ символъ царя и государства былъ обязательнымъ атрибутомъ всехъ жанровъ панегирической литературы петровскаго времени» [Сазонова 1991, с. 139; Сазонова 2006, с. 395].

¹¹ Отметимъ, что распространенный въ петровское время образъ орла, покрывающаго своихъ птенцовъ крыльями, генетически восходитъ къ цитатѣ изъ Второй песни Моисея: «Яко орелъ покры гнѣздо свое, и на птенцы своя возжелѣ: простеръ крилѣ свои и приять ихъ, и подъятъ ихъ на раму свою» (Второз. 32:11).

на тринадцати кораблех»¹². Одновременно он представил его и аллегорически — в образе воинственного орла, охраняющего своих «птенцов» от нападения врагов¹³: «Нынѣ же, в лѣто всемирнаго обновления и явления Слова Божия во плоти 1702, августа въ 11 день, турков и скиф многочисленныя силы побѣдитель, преславный Азовския крѣпости одолѣтель, своя державы подручныхъ птенцов от противных охраняя, имже образом покрывает орел птенцы своя... прииде второе со славою и силою мною и строем воинским на тринадцати кораблех»¹⁴.

Вторая часть сочинения дьякона Иова оказалась чуть более фактологичной, чем первая. Источником для нее послужила упомянутая выше хроника пребывания царя в монастыре в августе 1702 г., составленная иеромонахом Александром Золотаревым. Опираясь на ее текст, Иов упомянул о прибытии вместе с царем наследника Алексея и кратко перечислил некоторых из особ, составлявших цвет его «превысокого и великолепного сейма»: генерал-фельдмаршала

¹² В торжественном именовании Петра победителем «турков и скифов» и «одолѣтелем» Азовской крепости есть отзвук другого, более раннего, сочинения дьякона Иова, посвященного первому азовскому походу царя, — «Беседы молебной о благочестивом государе и о победе на враги» (1695) [Строев 1882, с. 145–146; Панченко 2020, с. 387].

¹³ На «воинственность» как один из аспектов эмблематики символа «орла» обратила внимание Л. И. Сазонова в своих исследованиях о поэзии русского барокко: «Орел как самый сильный в царстве птиц наделен в эмблематике символическим значением воинственности. Его изображение многократно повторяется в эмблематических сборниках с девизами: “Мое дело есть вести войну”. <...> На пересечении нескольких эмблематических смыслов находится изображение царя как защитника отечества: “Яко орел ко птенцем приклоняет вежда, но ты, царю, царство и руския силы покрил еси крилы”» [Сазонова 1991, с. 134–135].

¹⁴ Непосредственным источником сравнения «имже образом покрывает орелъ птенцы своя», по-видимому, послужили слова из 8-й песни Канона молебного к Ангелу Хранителю (творение Иоанна монаха Черноножного), которые дьякон Иов, вероятно, помнил наизусть. В 3-м тропаре этой песни читается следующий текст: «Нынѣ, яко пчелы сот, невидимо окружают мя богомерзцыи губитилице демоны; яко хищницы птицы, яко лукавыя лисицы, и яко сыроядцы птиц плотоядных, окрест мене лѣтают: покрый мя, Хранителю мой, якоже покрываетъ орел птенцы своя».

Ф. А. Головина, князя М. Г. Ромодановского, печатника и учителя царского Н. М. Зотова. Затем, кратко сообщив о «молебном благодарении» царя в монастыре и о дарованной ему Божией благодати, Иов закончил свой рассказ известием о походе Петра с Соловков на Ладугу, под крепость Орешек, и о «преславной победе» его над шведами. Тем самым в тексте, сочиненном для памятной доски в Петровской часовне, дьякон Иов впервые связал приезд Петра I на Соловки в августе 1702 г. со взятием шведской крепости Нотебург (Орешек) 11 октября того же года. Впоследствии текст, сочиненный Иовом, был включен в Летописец Соловецкий 1-й Пространной редакции, благодаря чему связь этих событий утвердилась в соловецкой историографии [Досифей 1836, с. 175–181; Порфирий 1864, с. 57–60; Двукратное посещение 1902, с. 30–35].

Об атрибуции дьякону Иову памятной надписи на доске в Петровской часовне

Остановимся вкратце на вопросе об авторстве памятной надписи о двух приездах Петра в монастырь, принадлежность которой Иову была высказана нами в недавней статье [Панченко 2020, с. 393–394]. Уточним некоторые из предложенных в ней аргументов. В пользу авторства Иова говорит прежде всего стилистическая близость этого текста с другими сочинениями чудовского инок — прежде всего с Предисловием к книге «Сад спасения» и с «Букварем, рекше Сократом учения христианского». Подобно им, оно написано в том же панегирическом стиле Петровской эпохи, которым на Соловках в начале XVIII в. владел, по-видимому, только инок Иов. В этом тексте он демонстрирует те же свойства индивидуального стиля, что и в двух других упомянутых произведениях, проявляя особое пристрастие к витиеватым синтаксическим конструкциям, к длинным периодам с большим количеством вводных предложений, к изысканным фигурам речи (особенно к гипербатону). Так, Иов без труда прибегает к риторической амплификации, к нанизыванию однокоренных слов (как, например, в приведенной выше тираде с мотивом «странничества»). Кроме того, он охотно использует развернутые сравнения (см. выше уподобления царя *«птенцелюбивому орлу»*), изобретает пышные перифразы (например, именует Петра *«турков и скиф многочисленныя силы побѣдителем»*). И наконец,

следует отметить его склонность к созданию сложных неологизмов («*иптенцелюбивый*», «*людоуправитель*», «*августоповелитель*»), особенно — от прилагательных в превосходной степени с помощью прибавления к ним корня с семантикой «света»: «*свѣтлотлишайший*» (в тексте о двух приходах Петра), «*яснѣйшетлишайший*» (в Посвящении к «Букварю»), «*пресвѣтлохрабрѣйший*» (в книге «Сад спасения»).

Поэтому, несмотря на отсутствие имени автора в этом тексте, присутствие Иова в нем проявляется в самом стиле его письма. Особенно четко указывают на него отдельные стилистические замены, сделанные им при работе с его непосредственным источником¹⁵. Например, он заменил читавшийся в его источнике грецизм «синклит» (представлявшийся ему несколько устаревшим) более изысканным полонизмом «сейм». Это же слово он использовал и в другом своем сочинении — Предисловии к книге «Сад спасения». Ниже приведено сопоставление всех трех текстов.

Хроника пребывания Петра I в Соловецком монастыре в 1702 г.

Лѣта от сотворения мира 7210 года, от воплощения Сына Божия 1702 года, августа въ 10 день, ежесть в понедѣльникъ, бысть пришествие благочестиваго государя нашего царя и великого князя Петра Алексѣевича

Памятная надпись в Петровской часовне (1703)

Сам же великий государь, православия и христіанства предстатель, прииде второе со славою и силою многою и строем воинским на тринадесяти кораблех, и со благороднѣйшим царевичем и великим князем Алексѣем

Предисловие дьякона Иова к книге «Сад спасения» (1703)

...Пресвѣтлохрабрѣйший царь нашъ, премилостивѣйший Петръ Алексеевичъ... двакрыты Богоматери... домъ сей и Ея угодниковъ съ яснѣйшими своими бояры и ближними людьми, вторую же — и со благороднѣйшимъ своимъ царевичемъ и вели-

¹⁵ Напомним, что непосредственным источником для текста памятной записи в Петровской часовне послужила хроника пребывания царя на Соловках в 1702 г., составленная иеромонахом Александром Золотаревым (см. об этом выше).

всѣя Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца, с сыном своимъ государевымъ, з благороднымъ государемъ нашимъ царевичемъ и великимъ княземъ Алексиемъ Петровичемъ, **и с своимъ царскимъ сигкли-томъ.**

Петровичем, и с военачальнымъ воеводою з бояриномъ Феодоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ, з бояриномъ с княземъ Михайломъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, и с премногими бояры, **с царскимъ своимъ превысокимъ и великопнымъ сеймомъ.**

кимъ княземъ Алексиемъ Петровичемъ, господаремъ нашимъ, **и с пресвятлымъ своимъ сеймомъ,** и со многимъ христіюлюбивымъ воинствомъ, пустыню сию Спасову посѣщаль со многимъ благоговѣніемъ.

Наконец, в пользу авторства Иова свидетельствует еще один примечательный факт. После смерти Иова в его келейной библиотеке была обнаружена рукопись, содержащая рассказ о посещении Петром I Соловецкого монастыря. В «Реестре» книг, составленном после его кончины учителем Новгородской школы Федором Максимовым, эта книга отмечена в самом конце списка — среди мелких переплетенных рукописей, сохранявшихся в «тетрадках»: «Да в тетрадках полудестевых: <...> “О приходѣ царскаго величества в Соловецкой монастырь”, в полдествъ» [Панченко 2020, с. 412–413].

По-видимому, в данном случае речь шла об одном из экземпляров хроники пребывания Петра I на Соловках в августе 1702 г., составленной иеромонахом Александром Золотаревым. Очевидно, специально для Иова с нее был изготовлен отдельный список, который затем был использован им для создания памятной надписи на доске в Петровской часовне.

О создании дьяконом Иовом книги «Сад спасения»

На следующий год после посещения царем Соловецкой обители монастырские власти поручили Иову еще один важный литературный труд — подготовить свод житий основателей Соловецкого монастыря, украсив его по всем правилам риторического искусства. Выполняя это задание, ссыльный инок и составил упомянутую выше книгу «Сад спасения» (украсив ее при этом столь характерным для эпохи барокко названием).

Рассказ о ней начнем с вопроса об атрибуции этой книги, поскольку автор ее долгое время оставался неизвестным. Это было связано с тем, что большинству исследователей до сих пор был известен лишь один — лицевой — список этой книги, хранящийся в собрании рукописей Московского Кремля [ГИКМЗ МК. Кн-215]. Уникальная рукопись, о которой идет речь, содержит 275 миниатюр и 28 красочных заставок, представляя собой выдающийся памятник книгописного искусства петровского времени (Ил. 13). В Предисловии к ней указано время создания текста (1709 г.), а также дата изготовления самой лицевой рукописи (1711 г.), но имя автора в нем отсутствует.

Установить его удалось только недавно благодаря обнаружению еще трех списков «Сада спасения», принадлежащих к более ранней редакции. В тексте их сохранилось имя составителя книги, которым и оказался чудовский дьякон Иов. Об этом он сам сообщил в Предисловии к Первой редакции книги [ОР ГИМ. Собр. Барсова. № 830. Л. 5]: «Собрася сия святыхъ ихъ подвиговъ и чудесъ книга отъ лѣтописцовъ и многихъ писателей с достовѣрнымъ и опаснымъ свидѣтельствомъ, и исправися въ чудесѣхъ по согласию сочинения и правописания истаго славенскаго нарѣчїа... тояже ихъ святыя обители обитателемъ, правды ради Божия изгнаннымъ, еллинскаго, греческаго и латинскаго диалекта в Московской училницѣ бывшимъ учителемъ, иеродиаконемъ Иовомъ, в самой той преименитой богохранимой Соловецкой пустынѣ 1703-го» [Панченко 2020, с. 423]. Таким образом нам удалось установить не только имя автора книги, но и уточнить дату ее создания — 1703 г.

По своему содержанию книга «Сад спасения» представляет собой традиционный сборник служб и житий Зосимы и Савватия Соловецких, дополненный двумя похвальными словами Льва Филолога в честь этих святых, Предисловием и Виршевой редакцией их жития, сочиненной на Соловках в конце XVII в.¹⁶

¹⁶ Виршевая редакция жития Зосимы и Савватия написана неравносложным силлабическим стихом. По нашему предположению, ее сочинителем был инок Анзерской пустыни Макарий, перу которого принадлежат еще несколько виршевых предисловий к актовым книгам того же скита, составленным в начале XVIII в. [Севастьянова 2001].

Единственной оригинальной главой, сочиненной самим Иовом, было упомянутое выше Предисловие, состоящее из двух частей — панегирической и историко-агиологической. Двучастность этой главы отражена и в «двойном» ее названии: «Предисловие и Краткое извѣстие о святых с лѣтным описанием». Текст первой части, посвященной прославлению основателей Соловецкой обители, изобилует исихастскими символами, богословскими идеями и аллюзиями на Священное Писание. В состав второй части Предисловия Иов включил краткое изложение житий 12-ти соловецких святых, упорядочив повествование о них во времени и синхронизировав его с датами Соловецкого летописца (Краткой редакции). Рассмотрим каждую из частей сочинения дьякона Иова по отдельности.

Панегирическую часть Предисловия он украсил традиционными для эстетики барокко поэтическими символами — образами «солнца», «небесных светил», «духовного сада», «многомятежного моря». Доминирует среди них символ «сада», который дьякон Иов использовал в самом названии составленной им книги («Садъ спасения, сирѣчь житиа преподобныхъ и богоносныхъ нашихъ отцевъ...»). Представляя читателю весь сонм соловецких подвижников в образе «богонасажденного сада», он уподобил сборник их житий множеству прекрасных одушевленных *древес, процветших* добродетелями, *зеленеющих* чудотворениями и *краснеющих* духовными плодами, достойными небесного Садовника-Христа¹⁷.

Помимо образа «духовного сада» дьякон Иов использовал в Предисловии и целый ряд других литературных топосов, в том числе и упомянутые выше образы «небесных светил». Трех великих святых — Зосиму, Савватия и Германа — он уподобил *солнцу*, других соловецких подвижников — *луне* и *звездам*, отметив, что

¹⁷ Продемонстрируем, как этот образный ряд представлен в оригинальном тексте дьякона Иова: «Узриши здѣ, читателю боголюбивый, в богонасажденном спасения *садѣ* божественныхъ прекрасныхъ и боголѣпныхъ *садовинъ* — преподобныхъ премногих, в велицей и святѣй обители сей Соловецкой богоугоднымъ житиемъ *процвѣтшихъ* и неувядаемая славы и похвалы почестию, *аки вѣтвми*, присными чудотворенми во спасении *зеленѣющихъ* и *краснѣющихъ* плоды, достойными небеснаго Садоводѣтеля» [Панченко 2020, с. 420].

каждый из них в свою меру сияет миру «лучами чудес» [Панченко 2020, с. 422]¹⁸.

Еще один метафорический ряд составили образы «*волнующегося моря*» (символ «многомятежного мира») и «*пристани спасения*» (безмолвной монашеской обители посреди «волн»). Помещая эти и другие традиционные символы в контекст панегирика соловецким святым, дьякон Иов проявил незаурядную литературную изобретательность.

В целом панегирическая часть сочинения была написана им на изысканно архаизированном церковнославянском языке, с усложненным синтаксисом и многочисленным словообразовательными кальками с греческого. Автор ее, несомненно, был эллинофилом, привычно расцвечивавшим свое повествование фигурами школьного красноречия. Выстраивая свой текст, он широко использовал риторические фигуры (инверсии, хиазмы и проч.), усложняя семантические связи между словами, стремясь достичь замедленного восприятия читателем развертываемого перед ним строя художественных образов. По-видимому, в этом он видел особое литературное изящество своего сочинения, требующее от читателя немалых филологических усилий в постижении текста.

Во второй, историко-агиологической, части Предисловия, автор книги поместил хронологически упорядоченное изложение житий 12-ти соловецких подвижников (многие из которых к тому времени еще не были прославлены). Этой части он дал особое название: «Краткое извѣстие о святыхъ с лѣтнимъ описаниемъ». Данному аспекту — исторической хронологии — он уделил в своем труде основное внимание, сопоставив все даты, встречающиеся в жизнеописаниях святых, с Соловецким летописцем, и синхронизировав с ним хронологию каждого из житий.

¹⁸ В этом уподоблении святых «небесным светилам» обнаруживаем отсылку к известному месту из первого послания апостола Павла к коринфянам: «Ина слава солнцу, ина слава луне, и ина слава звездамъ: звезда бо от звезды разнствует во славе» (1 Коринф. 15:41). Аналогичный символический ряд был использован в XVI в. Досифеем Топорковым в Предисловии к Волоколамскому патерику: «О нихъ же пишетъ: “Овъ убо уподобися солнцу, овъ же лунѣ, инии же велицей звѣздѣ, инии же малымъ звѣздамъ, — а вси на небеси житие имуть”» [Волоколамский патерик 2000, с. 24].

Отметим, что Соловецкий летописец был составлен соловецкими книжниками на основе документов из монастырского архива всего несколькими годами ранее и воспринимался ими как весьма надежный исторический источник. Поэтому во всех случаях, когда между датами в житии и Летописце возникали противоречия, дьякон Иов неизменно правил житие по тексту Летописца.

Так он поступил, например, рассказывая о кончине Иоанна и Лонгина Яренгских и Вассиана и Ионы Пертоминских. В обоих случаях он изложил версию Соловецкого летописца, согласно которой все четверо утонули в июне 1561 г., будучи посланы игуменом Филиппом за известью для строительства собора в Соловецком монастыре. При этом он проигнорировал тот факт, что собственно в агиографических текстах, посвященных Яренгским и Пертоминским чудотворцам, указаны совсем другие даты и обстоятельства кончины этих святых (Иоанна Яренского — в 1544 г., Вассиана и Ионы — в 1566 г.)¹⁹. В обоих случаях Иов безоговорочно принял версию Соловецкого летописца.

Подобным образом он дополнил и жизнеописание митрополита Филиппа, указав в нем «точную дату» поставления его в игумены (1542 г.), которую также заимствовал из Соловецкого летописца. Однако, как показывает предпринятое нами исследование, указанная дата является не более чем курьезной ошибкой составителя Летописца.

Следует отметить, что помимо Соловецкого летописца дьякон Иов использовал в своем хронологическом изложении житий святых и некоторые другие источники, в том числе устные. С влиянием монастырского фольклора, например, связана запись одного из чудес преподобного игумена Антония, внесенного Иовом в общее агиографическое повествование. Согласно его рассказу, когда в игу-

¹⁹ Согласно первой редакции «Сказания о чудесах Вассиана и Ионы Пертоминских», они утонули в 1566 г., отправившись на рыбную ловлю с пятью рыбаками в «малой ладии». Кроме того, в этом Сказании ни словом не упомянуто о том, что Вассиан и Иона были постриженниками Соловецкого монастыря [Симонов 2017, с. 236]. Недостоверна и легенда о «труднечестве» Иоанна и Лонгина на Соловках, несостоятельность которой была продемонстрирована в работах И. А. Яхонтова и Л. А. Дмитриева [Яхонтов 1881, с. 159–169; Дмитриев 1973, с. 214–217].

менство Антония к Соловкам направлялась шведская эскадра с намерением захватить монастырь, по молитвам святого у островов, именуемых Кузова, шведов вдруг объял мрак, отчего они вынуждены были повернуть назад. Чудо, записанное Иовом, несомненно, отражает местную легенду, бытовавшую на Соловках в начале XVIII в. Подобные предания были известны там и в более позднее время, некоторые из них были записаны в Поморье в XIX–XX вв. [Криничная 1991, с. 156].

В целом идейно-художественное содержание Предисловия, составленного дьяконом Иовом, отмечено целым рядом новаций, две из которых представляются нам особенно важными.

Во-первых, он привнес в житийное повествование новое для этого жанра историческое измерение, расставив в нем в качестве опорных «вех» даты из Соловецкого летописца. Во-вторых, он вывел агиографическое повествование за рамки какого-либо конкретного жития, создав единое хронологическое повествование, посвященное истории соловецких святых в целом. Тем самым в центре его внимания оказался весь собор подвижников Соловецкого монастыря за все время его существования.

Собственно, в этом и заключается основное значение Предисловия к книге «Сад спасения» для всей последующей соловецкой агиографии. Ведь именно с этого сочинения, написанного ссыльным дьяконом Иовом в 1703 г., началось оформление собора соловецких святых. В последующие десятилетия этот литературный памятник, снискав авторитет среди соловецких книжников, проложил путь к собиранию сведений о малоизвестных подвижниках Соловецких островов, прославленных уже не только чудесами, но прежде всего жизнью и духовными подвигами. Начиная с этой книги основное внимание соловецких агиографов было постепенно перенесено из области народного почитания чудотворцев в сферу исторических разысканий о выдающихся подвижниках прошлого, представляющих интерес в качестве образцов для духовного подражания братии. Благодаря этому собор соловецких святых стал неуклонно расти и расширяться. Если в книге «Сад спасения» (1703) он включал всего 12 подвижников, то в аналогичном ему по содержанию «Верном и кратком исчислении преподобных отец соловецких» (1825) их число выросло до 39-ти [Никодим (Кононов) 1900, с. 14–23].

О времени возвращения дьякона Иова с Соловков

На Соловках Иов провел, по-видимому, не более двух или трех лет. Вероятнее всего, он был возвращен из ссылки вскоре после завершения книги «Сад спасения» (1703) в качестве награды за выполненный им труд. Косвенно об этом свидетельствует отсутствие его имени в Описи соловецкой братии, составленной в монастыре в 1705 г. [Буров 2011, с. 260–262]. В то же время достоверно известно, что в мае 1707 г. дьякон Иов находился в Москве, пребывая в Чудовом монастыре. О нем упомянул в одной из своих рукописей Карион Истомин, сделавший в ней запись о том, что 22 мая 1707 г. дьякон Иов взял у него печатный Атлас: «В той же день взять книгу Атлясь описание мира по градусамъ печат[ный] иеродиаконъ Иовъ, что по-гречески и по-латинѣ умѣть» [Браиловский 1902, с. 207].

Вероятно, через год после этого, в 1708 г., дьякон Иов получил приглашение от своего давнего покровителя митрополита Новгородского Иова переехать в Великий Новгород, чтобы потрудиться в созданной им еллино-греческой школе в качестве помощника Иоанникия Лихуда (которому к тому времени исполнилось 75 лет). Не заставив себя долго ждать, дьякон Иов принял предложение новгородского владыки. Вскоре после переезда митрополит Иов рукоположил его в иерейский сан [Панченко 2020, с. 395–397].

С этого времени начинается новый этап в биографии Иова. Однако по интенсивности и результатам литературных трудов он значительно уступает соловецкому.

Литература и источники

Браиловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия: Историко-литературное исследование. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1902. XXXVIII, 494 с.

Браиловский С. Н. Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов — директор Московской типографии // ЖМНП. 1894. Ч. 295. № 9. С. 1–37.

Буров В. А. История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX веков. Архангельск, 2011. Приложение 5. Опись Соловецкого монастыря и вотчин его, составленная по указу Петра I. 1705 г. (Извлечения). С. 260–262.

Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века. СПб.: тип. И. В. Леонтьева, 1908. VI, 683 с.

Вознесенская И. А. Новгородская школа братьев Лихудов // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 205–235.

Волоколамский патерик / Подгот. текста, перевод и коммент. Л. А. Ольшевской // БЛДР. СПб., 2000. Т. 9. С. 20–69.

ГИКМЗ МК. Кн-215. Сад спасения.

Голубцов А. П. Чиновники Холмогорского Преображенского собора. М.: О-во истории древностей рос. при Московском ун-те, 1903. XLII, 286 с.

Гребенюк В. П. Панегирическая литература петровского времени / Под ред. О. А. Державиной. М.: Наука, 1979. 311 с.

Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 303 с.

Досифей, архим. Географическое, историческое и статистическое описание Ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М.: Унив. тип., 1836. Ч. 1. 443 с.

Двинской летописец (Пространная редакция) // ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 165–221.

Двукратное посещение государем Петром Великим Соловецкого монастыря. Архангельск: Изд. Солов. монастыря, 1902. 48 с.

Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1770. Ч. 1. 460 с.

Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова и дополненное преосвященным епископом смоленским Гедеоном Вишневым // Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. М., 1791. Ч. XVI. С. 295–306.

Каган М. Д. Иов, монах // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. С. 82–85.

Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1991. 328 с.

Никодим (Кононов), иером. «Верное и краткое исчисление, сколь можно было собрать, преподобных отец соловецких, в посте и добродетельных подвигах просиявших, которые известны по описаниям»; и исторические сведения о церковном их почитании: Агиологические очерки. СПб.: тип. М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1900. 182 с.

Новгородский архиерейский дом в первой половине XVIII века (по документам Государственного архива Новгородской области): сб. документов / Сост. Н. В. Салоников, О. В. Снытко. Великий Новгород, 2016. 360 с.

ОР ГИМ. Син. грам. № 1544. Челобитная Николая Семенова патриарху Адриану.

ОР ГИМ. Собр. Барсова. № 830. Сад спасения.

Панченко А. М. Придворные вирши 80-х годов XVII столетия // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 65–73.

Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 205 с.

Панченко О. В. О чудовском иеродьяконе Иове, авторе книги «Сад спасения» // ТОДРЛ. СПб., 2020. Т. 67. С. 376–429.

Порфирий (Карабиневич), архим. К истории Соловецкой обители // Странник. 1864. № 9. С. 55–69.

Прилежаев Е. М. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1877. № 3–4. С. 331–370.

Рамазанова Д. Н. Богоявленская школа — первый этап Славяно-греко-латинской академии // ОФР. М., 2003. Вып. 7. С. 211–237.

Рамазанова Д. Н. Ученики Иоанкиия и Софрония Лихудов в Славяно-греко-латинской Академии 1685–1694 гг. // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. М., 2008. С. 353–364.

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 749. Л. 220. Приходо-расходные книги денежной казны Соловецкого монастыря 1701–1705 гг.

Савельева Н. В. Из истории одного рукописного сборника: (заметки к московско-соловецким культурным связям Петровского времени) // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 220–231.

Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). М.: Наука, 1991. 263 с.

Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 894 с.

Салоников Н. В. Новгородская школа братьев Лихудов в 1717–1723 гг. (по данным Государственного архива Новгородской области) // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 24–26 мая 2004 г. / Отв. ред. В. Л. Янин и Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2009. С. 47–54.

Севастьянова С. К. Анзерский монах Макарий — малоизвестный автор конца XVII — начала XVIII в. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 204–210.

Симонов А. Н. Народные святые Вассиан и Иона Пертоминские и история их канонизации // Сборник в честь В. К. Зиборова (Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Вып. 5). СПб., 2017. С. 230–250.

Сменцовский М. Н. Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб.: Типо-литография М. П. Фроловой, 1899. 460, LIV с.

Сменцовский М. Н. Иов // Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь / Под ред. проф. А. П. Лопухина. В 12 т. Петроград, 1906. Т. 7. Стб. 234–236.

Смирнов С. К. История Московской славяно-греко-латинской академии. М.: тип. В. Готье, 1855. 428, IV с.

Страхова О. Б. Новгородская школа братьев Лихудов // Cyrillo-methodianum. Thessaloniki, 1988. Vol. 12. P. 109–123.

Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы / Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб.: тип. Акад. наук, 1882. 532 с.

Фонкич Б. Л. Греко-славянская школа на московской Печатном дворе в 80-х годах XVII в. // ОФР. М., 1999. Вып. 3. С. 149–247.

Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М.: Языки славянских культур. 2009. 296 с.

Шмурло Е. Ф. Русские католики конца XVII века (По данным архивов Пропанды и коллегии Св. Афанасия) // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1931. Вып. 3. С. 1–29.

Ястребов А. О. Венецианский след в жизненном пути игумена Палладия Роговского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. I: Богословие. Философия. 2014. № 4. С. 9–28.

Ястребов А. О. Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого. Россия и греческая община Венеции. М.: Познание, 2018. 394 с.

Ястребов А. О. Палладий Роговский // ПЭ. М., 2019. Т. 54. С. 328–330.

Яхонтов Ив. Жития святых северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань: тип. ун-та, 1881. 377 с.

Yalamas D. A. The Students of the Leichoudis Brothers at the Slavo-Graeco-Latin Academy of Moscow // Cyrillomethodianum. Thessaloniki, 1991–1992. Vol. 15–16. Pp. 113–143.

Учитель Новгородской архиерейской школы иеромонах Иов и его библиотека*

Н. В. Салоников

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого;
Государственный архив Новгородской области,
Великий Новгород, Россия*

К. В. Суториус

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Статья посвящена изучению новгородского периода жизни учителя иеромонаха Иова, ученика братьев Лихудов, и реконструкции его книжного собрания. Последние годы жизни иеромонаха Иова были связаны с Новгородом, где в 1716 г. он стал учителем архиерейской школы. После его смерти в школу была передана часть его библиотеки, включавшая большое количество книг по грамматике, риторике, логике, философии и богословию. В статье дана характеристика состава библиотеки и прослежена судьба книг учителя Иова, большая часть которых вошла в состав библиотеки Новгородской духовной семинарии.

Ключевые слова: Новгородская архиерейская школа, иеромонах Иов, библиотека, история образования и книги

Teacher of the Novgorod Archbishop School Hieromonk Job and His Library

Nikolay V. Salonikov

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;
State Archives of the Novgorod Region, Veliky Novgorod, Russia*

Konstantin V. Sutorius

*National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia*

Abstracts. The article is devoted to the Novgorod period of life of the hieromonk Job, a follower of the Leichoudis brothers, and to the reconstruction of his book

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42029.

collection. He spent the last years of his life in Novgorod, where in 1716 he became a teacher of the Archbishop School. After his death, part of his library, which included a large number of books on grammar, rhetoric, logic, philosophy and theology, was transferred to the school. The article describes the composition of the library, traces the fate of the teacher Job's books, which mostly were included into the library of Novgorod Theological Seminary.

Keywords: Novgorod Archbishop School, hieromonk Job, library, history of education and books

В истории Новгородской архиерейской школы фигура учителя иеромонаха Иова является одной из самых загадочных и, возможно, по этой причине одной из самых интересных. Сведения о новгородском периоде его жизни нам удалось обнаружить в ГАНО, ОР РНБ, РГАДА и РГИА.

Иеромонах Иов был учеником Лихудов. Федор Поликарпов упоминает, что среди первых учеников, которые были даны Лихудам «в научение», был «Иов, монах чудовский» [Историческое известие 1791, с. 298]. Лихуды начали преподавать в Москве в июле 1685 г. в Богоявленском монастыре [Фонкич 2009, с. 145]. Однако Б. Л. Фонкич отметил, что монах Иов впервые упомянут среди лихудовских учеников в документах только за декабрь 1687 г., когда школа была переведена из Богоявленского монастыря в Заиконоспасский [Фонкич 2009, с. 145, примеч. 197].

Интересный документ, который мог бы согласовать наши источники, мы обнаружили в рукописи № 1179 из Софийского собрания. Здесь содержатся наставления духовного отца духовному чаду, к которому автор обращается словами: «Брате любезне и сыне по Духу, господине Иове». В конце же текста имеется приписка: «Пострижися монах Иов лета 7195 иуния 28 дне в вторник седмици» [ОР РНБ. Соф. собр. № 1179. Л. 47–48], т. е. в 1687 г. Если здесь идет речь о нашем монахе Иове, то понятно, во-первых, что до принятия монашества его имя было другим, а во-вторых, что спустя много лет Федор Поликарпов мог назвать своего соученика монахом уже по привычке. О. В. Панченко отождествляет монаха Иова с учеником Богоявленской школы Иваном Никитиным, который жил в Чудовом монастыре. Он упоминается в документах за январь, ноябрь и декабрь 1686 г. [Панченко 2020, с. 382–383]. Исследователь предполагает, что пострижение Иова состоялось весной 1687 г.

До отстранения Лихудов в 1694 г. от преподавания в Московской академии монах Иов, видимо, продолжал у них учиться. Затем, как пишет он сам в обращении к царям Иоанну (умер 29 января 1696 г.) и Петру Алексеевичам, «по ненависти неких человек» он оказался под «началом» в Спасском монастыре и просил освободить его [ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Л. 252 об.]. Иов здесь говорит про себя, что он «учителей Иоанникиа и Софрониа первый ученик», и пишет: «Грамматики, и пиитики, и риторики, и логики, и естественныя философии на грекоеллинском и латинском учихся диалекте». Это означает, что он изучил все предметы, которые, как мы знаем, преподавали Лихуды в Московской академии. Можно обратить внимание на то, что в перечне разделов философии здесь не хватает метафизики и этики. Видимо монах Иов не изучил эти разделы, поскольку Лихуды их и не преподавали.

В Москве монах Иов познакомился с будущим Новгородским митрополитом Иовом. Важные биографические подробности мы находим в письме уже иеродиакона Иова казначею Новгородского архиерейского дома Феодосию. В этом письме Иов пишет, что он вместе с митрополитом Иовом отправился в Новгород и был здесь посвящен в иеродиакона, а затем послан для покупки книг в Москву, но «по злобе и зависти неких человек» отправлен в ссылку, на этот раз в Соловецкий монастырь [ОР ГИМ. Собр. Барсова. № 505. Л. 193 об.; ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 267]. Это произошло в 1700 г., однако в том же году, очевидно, еще до своей ссылки, монах Иов, по словам Федора Поликарпова, несколько месяцев руководил Московской академией [Историческое известие 1791, с. 301]. В октябре 1700 г. Иов прибыл в Холмогоры к архиепископу Афанасию, но на Соловки был отправлен только в августе 1701 г. [Панченко 2020, с. 388 и 392], поскольку Афанасий постарался привлечь его к редакторской работе над переводом греческого «Хронографа» [Панченко 2020, с. 400].

Из Соловецкого монастыря иеродиакон Иов обращался к Новгородскому митрополиту Иову с просьбой вызволить его оттуда [ОР ГИМ. Собр. Барсова. № 505. Л. 193; ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 266–267]. Однако когда он покинул монастырь, мы сказать пока не можем. О. В. Панченко отмечает, что в мае 1707 г. Иов уже был в Москве [Панченко 2020, с. 395–396].

Е. М. Прилежаев писал, что иеромонах Иов перебрался в Новгород в 1713 г. [Прилежаев 1877, с. 338]. Однако, как нам удалось установить, он был в Новгороде уже в июле 1709 г., о чем свидетельствует письмо новгородского ландрихтера Я. Н. Римского-Корсакова митрополиту Иову: «Когда мы съехали с двора своего и ехали мимо твоего дому у соборные церкви стоит оный господин Иов и стал нас просить, чтоб мы его довели до Хутыня монастыря и лег в судно и проснулся на Высоком и оттоле возжелал на Тихвину» [ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 177].

Интересное упоминание об иеромонахе Иове находится «на цыдулке» из письма митрополита Феодосию (Яновскому) от 9 октября 1712 г. Здесь говорится о том, что «господин учитель иеромонах Иов», не спросив благословения у митрополита, отправился к Феодосию, однако митрополит пишет, что готов принять его обратно [ОР РНБ. Соф. собр. № 1426. Л. 208]. Если слово «учитель» здесь обозначает должность, то можно предположить, что в это время иеромонах Иов уже был учителем Новгородской школы. Однако возможно, что слово «учитель» обозначает здесь звание, которое сохранилось за иеромонахом Иовом после того, как он руководил Московской академией, что-то наподобие *magister*.

Митрополит Иов в своих письмах нередко весьма не лестными словами отзывался об иеромонахе Иове. Так, «на цыдулке» к письму Я. Н. Римскому-Корсакову от 2 марта 1713 г. митрополит пишет, что иеромонах Иов прибыл в Новгород 1 марта и сообщил митрополиту «много вестей». Заканчивается, однако, «цыдулка» словами: «Мне видится, воистинну все лжет и несправедливо вещает неведомое и нелепое, яко же обыче» [ОР РНБ. Соф. собр. № 1426. Л. 279 об.]. Можно было бы заподозрить митрополита в пристрастном отношении к иеромонаху Иову, но схожие его характеристики можно найти и у других современников. Так, в 1700 г., тогда еще иеродиакон, Иов направлялся в Соловецкий монастырь, и Афанасий Холмогорский предложил ему проверить перевод греческого Хронографа, но Иов, как писал Афанасий соловецкому архимандриту Фирсу, «по злонравию и жестокосердию своему никакого благопотребства не учинил, и в житии своем непослушанием, презорством, леностию и прекословием весьма непотребен явился». В том же послании соловецкому архимандриту Афанасий ссылается на указ патриарха

Адриана, полученный в октябре 1700 г., в котором говорится, что иеродиакон Иов отправлен в ссылку «за его непослушание и упрямство и крамолы и за иныя вины» [Панченко 2020, с. 400].

Характер отношений митрополита Иова и иеромонаха Иова не вполне понятен. М. Д. Каган высказывает предположение, что митрополит Иов мог быть духовным отцом иеромонаха Иова, что «объяснило бы его постоянные заботы об этом способном, но доставлявшем ему немало огорчений монахе» [Каган 1993, с. 83]. О непростых отношениях митрополита и иеромонаха могут также свидетельствовать слова из письма Федора Поликарпова И. А. Мусину-Пушкину от 23 декабря 1716 г., в котором он, говоря о возможности привлечь иеромонаха Иова к работе по подготовке издания славянской Библии, пишет: «И взять его, только будет в деле спона. Видех бо я великаго Иова плачуща от сего старца Иова» [Чистович 1868, с. 404, примеч.].

Чрезвычайно интересным свидетельством об иеромонахе Иове оказывается письмо митрополита Иова И. А. Мусину-Пушкину от 20 сентября 1715 г., написанное в ответ на просьбу последнего «о освобождении из подначалства иеромонаха Иова» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31. Л. 118 об.–119]. Из письма митрополита мы узнаем, что Иов «послан был под начал на время во Отенский монастырь за вины благословныя и хулы на Христову Церковь и на тайны святыя, будто и в первых ничто есть священство и прочия тайны кроме единого крещения не пользуют во спасение. В сей де токмо в единой тайне заключается человеку спасение и освобождается от первородного греха, и дается благодать человеку, священство и царство. И другой де может крестити инаго». Допрошенный по этому делу иеромонах Иов, по словам митрополита, заявил: «Говорил де или не говорил, не помню, понеже безмерно пьян был. А впред де обещаюся живым Богом и клянуся святою Церковию сия чуждая святыя восточныя Церкви мудрования не токмо глаголати, но ниже имам когда мыслию возмечтатися». По этой причине он был освобожден и возвращен в архиерейский дом; ему была отведена отдельная келья, слуга и питание наравне с другими учителями, «дабы душа его во спасении и во благих делех и богоугодных трудах обреталася». Однако планы и ожидания митрополита не сбылись, и, заканчивая свое письмо, он пишет, что иеромонах Иов «обаче обещает много

на словах в переводе книг, а на деле нимало, назирая и посещая дома, пира и ряды купецкия, иде же говорит много, а слушать нечего. Называет себе быти богослов, но весма вредослов. Прочее же умолчаваю, и чрез всесилную и непобедимую благость Божию низходя его немощи, моляся, оставляю. Его же нрав и обычай, поступки и заговорки безделныя, и высокоумие безумное не невесть и Ваше господское благородство». Слова эти очень созвучны тому, что митрополит писал в упомянутой выше «цыдулке» из письма к Я. Н. Римскому-Корсакову от 2 марта 1713 г. Этот случай с освобождением иеромонаха из-под надзора в 1715 г. также наводит на мысль о том, что у иеромонаха Иова, возможно, были высокопоставленные покровители или связи в высшей администрации, если столь высокого ранга чиновник, как И. А. Мусин-Пушкин, обращается к митрополиту Иову с предложением освободить иеромонаха Иова «из подначалства».

Несмотря на строптивый, по-видимому, характер, далеко не всегда соответствующее принятым нормам поведение и, возможно, высказывания, не вполне соответствующие догматическому учению, именно иеромонах Иов после смерти митрополита Иова и отъезда из Новгорода Иоанникия Лихуда был назначен учителем архиерейской школы. В фонде «Новгородской духовной консистории» ГАНО сохранились два дела, документы которых позволяют реконструировать последние годы его жизни в Новгороде. 13 мая 1716 г. был издан указ викария Новгородской епархии епископа Корельского и Ладожского Аарона (Еропкина), в котором учителю иеромонаху Иову был велено «...учити еллиногреческаго диалекта учеников, начатых кого каковых наук удобно и славенским языком со всяким радением и прилежным тцанием...» и выдано наперед из архиерейской казны 50 рублей [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–1 об.].

Через год в мае 1717 г. учитель иеромонах Иов написал доношение епископу Аарону, в котором просил освободить его от учительской должности, ссылаясь на то, что от служащих архиерейского дома он терпел «всякое презрение и ругание» и что именно по их вине ученики от школы отстали [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Л. 2]. В этом доношении обращают на себя внимание слова о том, что старшим ученикам школы перестали выдавать ежедневно хлеб «и учителю имущему давати философию против прежняго учителя

не дают ни вполы». Это может означать, что в архиерейской школе предполагалось начать преподавание философии, для чего иеромонах Иов казался, видимо, вполне квалифицированным.

В результате допроса, состоявшегося 13 мая 1717 г., старшие ученики греческой школы Федор Максимов, Евстафий Григорьев, Василий Михайлов, Дмитрий Федоров и Афанасий Григорьев показали, что «...сей учитель оную школу принял маиа с 14 числа прошлаго 716 года. А начал учить сентября с 1-го числа стихотворное художество нам, грамматику и риторику учением и толкованием дидаскала кир Иоанникия Лихудиева прошедшим. И толковал не повсенедельно, но не начасть, а имянно по Рождестве Христове в мясоастие сего года пятижды токмо, а в Великий пост трижды. И в другия прежде того бывшая времена також де не многократно. И отнележе толковати оное начал не точию со излишеством года не минуло, но четырех годищнаго времени месяцев еще и не дошло, а изучил токмо едину часть». Здесь же указывалась и причина, по которой многие ученики отстали от школы: «за нечастым его учительным в школу хождением» [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Л. 3–4]. В мае же 1717 г. учитель Иов был отстранен от обучения «учеников чтения и грамматики учащихся и в риторику поступающих». Ему было велено учить «стихотворному художеству» и философии иподиакона Федора Максимова «с клеветами» [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Л. 6–7].

Но и этого учитель иеромонах Иов не исполнил. 8 октября 1718 г. первостатейные ученики доносили епископу Аарону, что учитель Иов им ничего «не задавал и ныне не задает, и как над нами, так и над прочими ученики не назирает, от чего мы праздны пребываем» [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Л. 17–17 об.]. Отвечая на обвинения, учитель Иов сослался на старость и болезнь. 5 ноября епископ Аарон повелел отстранить Иова от школы и оставить его в больнице Хутынского монастыря и «довольствовать ево пищею и одеждою против прочей братии неоскудно» [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Л. 18].

Иеромонах Иов, однако, недолго был в Хутынском монастыре. 20 февраля 1719 г. в Новгороде был получен указ за подписью графа И. А. Мусина-Пушкина, в котором требовалось отправить учителя Иова из Хутынского монастыря в Александро-Невский [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Л. 22–22 об.]. Лицом, заинтересованным в этом

переводе, был Александро-Невский архимандрит Феодосий (Яновский). В начале марта 1719 г. учитель Иов был выслан в Петербург [Описание архива 1916. Стб. 583; РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Д. 70. Л. 394]. Чем он занимался в Александро-Невском монастыре, мы пока можем только предполагать. Возможно, он был привлечен к работе типографии.

Однако в Александро-Невском монастыре иеромонах Иов провел не больше года. 18 января 1720 г. архимандрит Феодосий (Яновский) распорядился отправить его в Новгород, в архиерейский дом, «для исправления грамматики» [РГИА. Ф. 815. Оп. 4 (1720 г.). Д. 17. Л. 1]. В известных нам документах не оговаривается, о какой грамматике идет речь. Но мы можем сделать здесь некоторое предположение. В 1723 г. по инициативе того же Феодосия (Яновского) в типографии Александро-Невского монастыря была напечатана «Грамматика славенская» Федора Максимова, который сперва был учеником Лихудов, затем учеником иеромонаха Иова и, наконец, с 1717 г. учителем Новгородской архиерейской школы. Возможно, для редактирования этой грамматики и был отправлен иеромонах Иов в Новгород.

Впрочем, в архиерейском доме Иов снова не ужился и уже 2 сентября 1720 г. писал в Александро-Невский монастырь с просьбой доложить архимандриту Феодосию о притеснениях со стороны судьи архимандрита Серапиона (Аничкова) [РГИА. Ф. 815. Оп. 4 (1720 г.). Д. 17. Л. 3 об.-4]. 7 сентября Феодосий (Яновский) распорядился Иову «быть в Иверском монастыре в братстве» [РГИА. Ф. 815. Оп. 4 (1720 г.). Д. 17. Л. 5]. У нас, однако, нет сведений о том, чтобы Иов был в Иверском монастыре, и о судьбе его до августа 1721 г. нам пока неизвестно.

22 августа 1721 г. учитель иеромонах Иов умер в Новгороде. Архиепископ Феодосий (Яновский) приказал провести расследование обстоятельств его смерти. Среди документов, появившихся в результате этого расследования, есть два свидетельства. Для нас они интересны не столько обстоятельствами смерти учителя иеромонаха Иова, который накануне отправился из Новгорода вместе с епископом Аароном (Еропкиным) в Хутынский монастырь, сколько словами, которые выражают представление о нем современников. Авторы документов называют Иова «философом» [ГАНУ. Ф. 480.

Оп. 1. Д. 69. Л. 3] и «словеснейшим учителем» [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 69. Л. 7]. Являются ли эти слова риторическими фигурами или действительно определяют характер его учености, сказать трудно. Братья Лихуды нередко упоминаются в самого разного рода документах с эпитетом «словеснейшие» (λοῦώτατοι), и здесь именование таким же образом иеромонаха Иова, их ученика и преемника, не кажется чем-то необычным, а вот именование «философ» обращает на себя внимание. Лихудов именуют «словеснейшими учителями», «богословами, но не «философами», разве что в сочетании «учителя философии и богословия». Именование иеромонаха Иова «философом» представляется в этой связи странным. Однако если обратиться к другим обнаруженным нами документам, то нельзя не обратить внимание на одно вызывающее подозрение совпадение. Выше уже упоминались доношение за май 1717 г. иеромонаха Иова викарному епископу Аарону (Еропкину), в котором Иов жалуется, что «учителю имущему давати *философию*» не платят даже половины хлебного жалования по сравнению с прежним учителем [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Л. 2], а также указ епископа Аарона 16 мая того же года о том, чтобы иеромонаху Иову «учить стихотворнаго художества и *философии*» только «первая станицы учеников» [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Л. 6]. В этот же ряд можно поставить слова иеромонаха Иова из его письма Александро-Невскому архимандриту Феодосию (Яновскому) 2 сентября 1720 г. о том, что в Новгородской школе «философское учение остановилось и диалектическое пресеклось» [РГИА. Ф. 815. Оп. 4 (1720 г.). Д. 17. Л. 5]. Если только здесь перед нами не очередные «нелепости» иеромонаха Иова, то можно подумать, что это все свидетельства того, что в Новгородской школе преподавался если и не весь курс философии (логика, физика, метафизика, этика), то по крайней мере первая часть его — логика, в связи с чем именование Иова «философом» может указывать на его должность.

Как бы там ни было, а свидетельством читательского интереса учителя Иова и, возможно, уровня его образования может быть реестр принадлежавших ему книг (Ил. 14). Он озаглавлен: «Реэстр оставшимся по преставлении учителя иеромонаха Иова книгам ево, которые розбираны иподиаконом Феодором Максимовым по учиненной ево учительевой прежней росписи» [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1.

Д. 69. Л. 9–10]. Реестр не датирован и составлен в промежутке между 9 сентября и 26 октября 1721 г. Первая дата — это дата получения в Новгороде указа архиепископа Феодосия (Яновского) о составлении описи книг, оставшихся после смерти учителя Иова; вторая — дата сопроводительного доношения судьи архиерейского дома архимандрита Андроника, адресованного архиепископу Феодосию, к которому и приложен реестр книг учителя Иова. Этот документ давно известен отечественным исследователям и несколько раз уже публиковался [Прилежаев 1877, с. 346–347; Панченко 2020, с. 411–413; Новгородские архиерейские школы 2022, с. 337–340].

Реестр состоит из трех частей: в первой части на основании «ево учительской прежней росписи» описана 61 печатная книга; во второй части описаны 24 печатные книги, которые «сверх прежней онаго учителя росписи при переписке» явились; в третьей части описаны рукописные книги («да в тетратках полудестевых») — 20 наименований книг (некоторые книги в нескольких экземплярах). Всего в реестре описано 105 книг. Структура реестра вызывает некоторые вопросы. Например, когда была составлена «прежняя онаго учителя роспись» и почему в нее не были включены рукописные книги? За какое время иеромонахом Иовом были приобретены 24 книги, которые явились «сверх прежней онаго учителя росписи»? На эти вопросы мы сегодня не можем ответить.

Атрибуция книг затруднена несовершенством их описания: книги описаны кратко — указаны только название и язык, на котором написана книга, очень редко формат издания. В описании не указано имя автора, место и время издания. Некоторые книги, все из второй части реестра, описаны даже без названия. Например, «Две книги на польском языке в десть»; «Семь книжиц латинских в восмуху»; Книжица латинская в четверть»; «Другая немецкая»; «Книга в полдесть латинская в цветной бумаге» и др. [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 69. Л. 9 об.–10]. Поскольку для составления этой части реестра Федор Максимов не имел «шпаргалки» в виде «прежней онаго учителя росписи», напрашивается вывод, что он плохо знал или не знал вовсе польский, латинский и немецкий языки. Книги на греческом и славянском языках в этой части реестра описаны им достаточно полно.

Большую часть из 105 экземпляров книг, описанных в реестре, представляют книги, связанные с преподаванием грамматики, риторики, пиитики, диалектики/логики, философии и богословия. Книги такой тематики есть во всех трех разделах реестра. Грамматики представлены следующими книгами: 2 грамматики славенские — Мелетиева львовской печати и кременецкая; 4 грамматики греческого языка — Константина Ласкариса, Феодора Газы греко-латинская, «греческая с латинским амстердамской печати» и рукопись греческой грамматики неполная; 6 грамматик латинских, из которых одна с итальянским, одна с польским, одна с польским и немецким языками, 3 грамматики чисто латинских, из которых только одна названа «Альвар». Одна грамматика еврейская с параллельным латинским переводом. Два лексикона — латинский лексикон Амвросия Калепина и «лексикон латино-греческий с германским». Две книги с названием «филология» на латинском языке. Две рукописные пиитики — латинская и греческая. Три латинские риторики. С изучением грамматики, пиитики и риторики, очевидно, были связаны следующие книги: «Азбука греческая», «Алфавит русского языка», «Диалоги немецкого языка», «Книга прилагательных греческих имен», «Сентенции латинские», «Книжица епистолярная латинская», «Книжица разных образцов».

В реестре описано 9 разных латинских и греко-латинских изданий логики/диалектики, а также 2 рукописные логики на латинском языке. В книжное собрание учителя Иова входили философия, нравоучительная философия, физика и метафизика.

Среди книг учителя Иова значительное место занимают тексты Священного Писания, литургические и богословские книг: 3 издания Библии, в том числе на еврейском и латинском языках, толкование книги Исход, Новый завет на греческом языке, воскресное Евангелие греко-латинское, недельное и праздничное Евангелие на латинском, «Гармония евангельская латинская», «Псалтирь толковая в поддесть на латинском языке», «Октоих греческой», 2 катехизиса латинских, богословие на латинском языке, «Диспутации богословские» и др.

9 ноября 1721 г. в Новгород был отправлен указ архиепископа Феодосия (Яновского), согласно которому было велено часть книг из библиотеки покойного учителя Иова прислать к владыке

в Санкт-Петербург, а другую отдать в греко-славянскую школу в Новгороде [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 69. Л. 11–12]. В приложенном к указу реестре названы 17 книг, которые следовало отправить в Санкт-Петербург. Из них 5 печатных: «Нравоучительная [книга] христианству, ежели на славенском обретается диалекте», «Грамматика латинская с польским и с немецким», «Краткое описание христианского учения», «Книжица разных обрасцов», «Книга возвестия вечного живота славенская», — и 12 книг рукописных: «Мафематику преводную с польскаго языка», «Канон соловецким чудотворцем», «Извещение о Бозе чрез краткая истязания и показания», «Предзнание совещательное», «Канон и молитвы на турки и татары», «Дванадесять зерцал невидимаго Бога видети хотящим», «Вопросоответы о краткости жизни», «Умилительный плач о благочестии», «Сказания на древа философская и древа на листу александрийском», «Правило уединенное человеку христоподражательну», «Молитвы благопотребныя человеческому спасению», «О приходе царского величества в Соловецкой монастырь» [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 69. Л. 11–11 об.].

В греко-славянскую школу архиепископ Феодосий повелел передать 19 книг. Среди них: Воскресное Евангелие греко-латинское¹, Новый завет греческий, Октоих и Златоуст греческие, 4 грамматики греческого и 2 церковнославянского языков, 2 лексикона, включая лексикон Амвросия Калепина, «Книга прилагательных греческих имен», «Азбука греческая», «Пиитика греческая», «Альвар латинский», «Именослов на латинском и греческом» и «Логика аристотелева греколатинская». Остальные «латинска диалекта книги и театри» велено было содержать «в архиве».

На сегодняшний день мы не знаем, о каком архиве шла речь, где он находился и какова была дальнейшая судьба этих книг из библиотеки учителя Иова. Продолжали ли они храниться отдельно или хранились вместе с другими книгами? В ГАНО сохранилось несколько переписей имущества Новгородского архиерейского дома, составленных в 1726–1727 гг. [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 193.

¹ В приложенном к указу реестре названо два Воскресных Евангелия, хотя в реестре книг учителя Иова, составленном Федором Максимовым, Воскресное Евангелие одно.

Л. 13 об.–14, 22, 34, 38–38 об., 40–41 об.]. В них кроме прочего имущества описано достаточно большое количество рукописных и печатных книг, хранившихся в различных палатах и кладовых на территории Новгородского кремля. Например, на домовом среднем дворе в деревянном кладовом сушиле близ старых казначейских келий хранилось: букварей московской печати — 11, часословов — 14, псалтырей — 4, комментарии иезуита Корнелия а Ляпиде на послания апостола Павла, рукописное богословие, философия и логика [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 193. Л. 13 об.–14]. Наибольшее количество книг хранилось в старых казначейских кельях, при этом многие из них не описаны, а названо только их количество. Например, некоторые книги форматом «в десть» описаны следующим образом: «60 разных печатных книг в сундуке сосновом мерою в три аршина»; «32 разных новых книги на полке»; «48 книг разных в сундуке мерою 1 аршин $\frac{3}{4}$ » и т. д. [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 193. Л. 40 об.–41]. На основе только этих документов идентифицировать книги из библиотеки учителя Иова невозможно.

Книги учителя Иова, переданные в греко-славянскую школу, разделили судьбу школьной библиотеки и вошли в состав библиотеки Новгородской духовной семинарии. Не исключено, что и другие книги из книжного собрания учителя Иова могли попасть в библиотеку семинарии, в частности вместе с книгами из Новгородского архиерейского дома [Григорьева, Салоников 2001, с. 253–254]. Реестр библиотеки Новгородской духовной семинарии 1779 г. содержит перечень книг из архиерейского дома, переданных в духовную семинарию в 1740 г., в момент ее основания, — «*Libri varii latini, qui non ex bibliotheca illustrissimi Theophanis accepti in usum seminarii ex Novogrodensi archiepiscopali domo, ante quam bibliotheca Theophanis in Novogrodense seminarium est translata*», а также «Реэстр Принятым книгам из дома Новгородскаго архиерейскаго 1765 года декабря 1 дня по указу преос. Димитрия Митрополита Новгородскаго» [ГАНО. Ф. 384. Оп. 1. Д. 2. Л. 184–203 об.; 265–266].

Первый перечень («*Libri varii latini...*») дает описание 452 томов, из которых 395 на иностранных языках, включая польский, и 57 «славенских». Второй перечень книг архиерейского дома в каталоге библиотеки Новгородской духовной семинарии — «Реэстр

принятым книгам...» — включает описание 81 тома, большая часть которых находилась в греко-славянской школе. Выявление книг учителя Иова в перечнях книг, поступивших в семинарскую библиотеку из архиерейского дома, вызывает большие трудности, поскольку книги в них описаны на языке, на котором они напечатаны, в описании указано имя автора, место и год издания, формат. Всех этих сведений нет в реестре книг, составленном после смерти учителя Иова. По этой причине у исследователей очень мало оснований, чтобы достоверно утверждать, что даже «похожие» по описанию книги могли принадлежать учителю Иову. Остается надеяться, что в фондах РНБ, куда была вывезена большая часть библиотеки семинарии, исследователям удастся выявить хотя бы некоторые книги из собрания учителя Иова, как это уже удалось сделать с отдельными книгами митрополита Иова, Николая Семенова-Головина и других лиц, связанных с историей Новгородской архиерейской школы.

Таким образом, иеромонах Иов был одним из наиболее образованных людей, которые находились при Новгородском архиерейском доме в конце правления митрополита Иова и в правление викарного епископа Аарона (Еропкина). Похоже, что он легко вступал в контакты с людьми, заводил полезные связи и знакомства с влиятельными лицами. По-видимому, он прекрасно понимал свое интеллектуальное превосходство перед окружением, свое исключительное положение и активно пользовался своими социальными связями. Иеромонах Иов обладал библиотекой, которая включала книги из всех областей гуманитарного знания и отражала его разностороннюю образованность. Благодаря своему книжному собранию, а также библиотеке Новгородского архиерейского дома он мог преподавать не только грамматику, поэтику и риторику, но даже и философию, по крайней мере логику и физику. Это объясняет, почему именно иеромонах Иов был поставлен во главе Новгородской школы после отъезда Иоанникия Лихуда. Однако моральные качества учителя Иова и его образ жизни не дали ему реализовать в полной мере свой потенциал и передать своим ученикам те разнообразные знания, которые он получил от Лихудов и доступ к которым он имел благодаря своей библиотеке.

Литература и источники

ГАНО. Ф. 384. Оп. 1. Д. 2. Реестр книг библиотеки Новгородской духовной семинарии.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Дело о снятии с работы и отправке в Александро-Невский монастырь учителя Иова.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 69. Дело о смерти учителя Иова.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 193. Инвентарная книга Новгородского архиерейского дома.

Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Новгородская школа Лихудов и ее библиотека // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России. Ярославль; Рыбинск, 27–29 августа 2000 г. Ярославль, 2001. С. 249–255.

Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова и дополненное преосвященным епископом Смоленским Гедеоном Вишневым // Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. М., 1791. Ч. XVI. С. 295–306.

Каган М. Д. Иов, монах // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. С. 82–85.

Новгородские архиерейские школы: сб. документов: В 2-х т. Т. 1: 1706–1727 гг. / Сост.: Н. В. Салоников, К. В. Суториус. Великий Новгород, 2022. 788 с.

Описание архива Александро-Невской лавры за время царствования императора Петра Великого. Петроград, 1916. Т. 3: 1720–1721 г. [8] с., 848 стб.

ОР ГИМ. Собр. Барсова. № 505. Письма митрополита Иова.

ОР РНБ. Соф. собр. № 1179. Сборник.

ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Письма митрополита Иова.

ОР РНБ. Соф. собр. № 1426. Письма митрополита Иова.

ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Письма митрополита Иова.

ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Письма митрополита Иова.

Панченко О. В. О чудовском иеродьяконе Иове, авторе книги «Сад спасения» // ТОДРЛ. СПб., 2020. Т. 67. С. 376–429.

Прилежаев Е. М. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1877. № 3–4. С. 331–370.

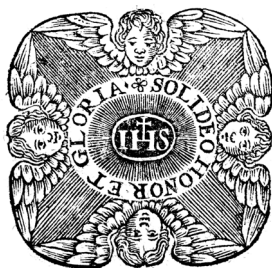
РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31. Письма митрополита Иова.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Д. 70. Дело о вызове в Петербургский Александро-Невский монастырь иеромонаха Соловецкого монастыря Варсонофия и учителя Новгородской греческой школы иеромонаха Иова.

РГИА. Ф. 815. Оп. 4 (1720 г.). Д. 17. Дело об отправлении иеромонаха Александро-Невского монастыря Иова в Новгород для исправления грамматики.

Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII в. М.: Языки славянских культур, 2009. 296 с._

Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1868. [2], X, 752 с.

Переписка новгородского митрополита Иова с Федором Поликарповым-Орловым*

К. С. Десятков

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия*

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые аспекты переписки новгородского митрополита Иова с Федором Поликарповым-Орловым как важной части хорошо сохранившегося собрания эпистолярного наследия известнейшего церковного иерарха и крупного чиновника переходного времени в России начала XVIII столетия. Несмотря на немногочисленность корреспонденции, указанные письма остаются ценным источником по различным аспектам духовной, образовательной и повседневной жизни школы братьев Лихудов, а также переводческого центра в Новгороде. Следует отметить их включенность в социокультурное пространство Петровской эпохи за счет взаимосвязи с Московским Печатным двором, Монастырским приказом и греческой школой на Казанском подворье. Обнаруженные письма не только позволяют анализировать самые разные стороны пастырской деятельности митрополита Иова, но и дают богатейший материал для исследования эпистолярной и некоторых аспектов письменной культуры России эпохи Петра I.

Ключевые слова: эпистолярный жанр, письменная культура, митрополит Иов, Новгородская архиерейская школа, Московский Печатный двор

Correspondence of the Novgorod Metropolitan Job with Fyodor Polikarpov-Orlov

Konstantin S. Desyatskov

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia*

Abstracts. The article deals with some aspects of the important part of the well-preserved collection of the epistolary heritage — the correspondence of the famous church hierarch Metropolitan Job of Novgorod with Fyodor Polikarpov-Orlov, the major official of the transition period in Russia at the beginning of the XVIII century. Despite the scarcity of the correspondence, these letters remain a valuable source on

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42029.

various aspects of the spiritual, educational and daily life of the Leichoudis brothers' school, as well as of the translation center in Novgorod. Due to the connection of the authors with the Moscow Printing House, the Monastic Order and the Greek school in the Kazan courtyard, the letters had become part of the socio-cultural space of the Peter the Great era. The discovered letters made it possible to analyze the most diverse aspects of the pastoral activity of Metropolitan Job, as well as to provide important materials for the study of the epistolary written culture of Russia in the era of Peter the Great.

Keywords: epistolary genre, written culture, Metropolitan Job, Novgorod Archbishops School, Moscow Printing House

Переписка Новгородского и Великолукского митрополита Иова представляет собой обширный комплекс эпистолярных памятников (около 1300 писем), написанных в период с 1699 по 1715 г. Письма отправлялись как различным корреспондентам в города России, так и были адресованы митрополиту. Указанная переписка является самым ранним источником по истории Новгородской архиерейской школы и не случайно привлекает внимание исследователей начиная с середины XIX столетия. Вместе с тем на ее страницах и между строк возникают те, по большей части утерянные, образы и отражения обыденной жизни, мышления, волнений, чаяний и переживаний наших предков трехсотлетней давности.

Согласно прежнему каталогу Софийской библиотеки, с которым работал бакалавр А. И. Предтеченский в 1859 г. (именно он отобрал 1570 рукописей, 585 старопечатных книг, несколько раскольничьих и 22 на иностранных языках для перевода в Санкт-Петербургскую духовную академию), переписка митрополита с разными лицам состояла из трех томов, переплетенных в лист, была препровождена Новгородскому викарному епископу по его предписанию, от 7 ноября 1846 г., и в дальнейшем, так и не была возвращена в библиотеку [Маркина 2010, с. 15]. С начала 50-х гг. XIX в. письма митрополита находились в составе фонда рукописей библиотеки Санкт-Петербургской, а затем Петроградской духовной академии. В 1918 г. в результате «нашествия невежд» след их затерялся [«Москва и Новград едина держава Божия» 2009, с. 23–24]. Еще в 1853 г. часть переписки Иова пытался издать новгородский священник Роман Игнатьев, однако издательский совет Санкт-Петербургской академии, вероятно, из-за ошибок автора и по цензурным сообра-

жениям, запретил подобную инициативу. В 1857 г. семь писем, в которых затрагивается тема Новгородской архиерейской школы, опубликовал И. Куприянов [Куприянов 1857]. В 1860 г. письма к митрополиту Иову членов царствующего дома и князя А. Д. Меншикова были напечатаны архимандритом Макарием (Миролюбовым) [Макарий 1860]. Затем, уже в 1861 г., около 100 писем разных лет из собрания митрополита Иова частично опубликовал (с большими изъятиями — часто без вступительных и заключительных фраз и обращений, а также характерных особенностей публикуемого источника) известный церковный историк И. А. Чистович [Чистович 1861]. Наконец, в 2009 г. Е. В. Анисимов переиздал подборки Макария (Миролюбова) и И. А. Чистовича, дополнив их некоторыми материалами из НИА СПбИИ РАН и РГАДА [«Москва и Новгород единая держава Божия» 2009]. Последняя публикация писем митрополита Иова осуществлена К. В. Суториусом и Н. В. Салониковым. Ими опубликована подборка писем, в которых речь идет о деятельности Новгородской архиерейской школы [Новгородские архиерейские школы 2022, с. 25–168].

Сегодня основная часть переписки Иова известна исследователям в пяти больших сборниках [Салоников, Суториус 2022]:

ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 1–310. Письма митрополита Иова и некоторых лиц из его окружения, в том числе братьев Лихудов, за 1700–1710 гг. (около 270 писем).

ОР РНБ. Соф. собр. № 1426. Л. 1–393. Письма митрополита Иова за 1711–1713 гг. (около 380 писем).

ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Л. 1–288. Письма митрополита Иова без обозначения даты (около 250 писем).

РГАДА. Ф. 18 (Духовное ведомство). Оп. 1. Д. 31. Л. 1–139. Письма митрополита Иова за 1715 г. (около 170 писем).

ОР РНБ. Ф. 522 (Новгородская духовная семинария). № 133. Л. 1–294. Письма митрополита Иова и других лиц, адресованных к нему за 1699–1715 гг. (около 200 писем самого митрополита). Рукопись начала XIX в.¹

¹ Протограф этого сборника писем хранится в ОР ГИМ в собрании Е. В. Барсова [ОР ГИМ. Собр. Барсова. № 505], его обнаружил К. В. Суториус [Новгородские архиерейские школы 2022, с. 32 и др.].

Кроме указанных больших сборников писем митрополита известны еще несколько небольших коллекций: ОР РНБ. Ф. 905 (Новое собрание рукописной книги). Оп. 1 (F). Конволют. № 22. Л. 186–202. Публикация 11 писем митрополита Иова и его корреспондентов, подготовленная Р. Игнатьевым в 1853 г.; ОР РНБ. Собр. Шляпкина. № 122. Письма Иова митрополита Новгородского (3 письма); ОПИ НГОМЗ. Инв. № 4158. Письма российских императоров и лиц царской фамилии к Новгородским архиепископам и митрополитам (18 писем) [Салонилов, Суториус 2022].

Соответственно, письма митрополита Иова и Федора Поликарпова-Орлова друг другу присутствуют практически во всех перечисленных сборниках. Что касается комментариев к переписке митрополита Иова и специальных работ, посвященных ее исследованию, то они немногочисленны [Письма и бумаги 1951; Вознесенская 2001; «Москва и Новгород единая держава Божия» 2009; Маркина 2010; Десятков 2017]. Если письма от Петра I и его окружения к новгородскому митрополиту более-менее проанализированы [Письма и бумаги 1951; «Москва и Новгород единая держава Божия» 2009], также как и письма от «светлейшего» князя А. Д. Меншикова [Маркина 2010], то в отношении корреспонденции Федора Поликарпова-Орлова подобных исследований практически не проводилось. Поэтому данная публикация хотя бы частично восполнит этот пробел, с учетом особых взаимоотношений, которые сложились у директора Московского Печатного двора с митрополитом Иовом.

Скажем несколько слов о личностях участников переписки. В начале XVIII в. митрополит Новгородский и Великолукский Иов (1697–1716) становится одним из самых влиятельных церковных иерархов, в частности единственным из них, кто получал лично сообщения самого царя о победах русской армии и флота [«Москва и Новгород единая держава Божия» 2009, с. 20]. Показательно, что именно он освящал закладку Санкт-Петербурга весной 1703 г. и Кронштадта весной 1704 г. Это свидетельствовало о большом доверии, почитании и безграничном уважении со стороны всей семьи будущего императора и его ближайшего окружения. Подобное отношение было заслужено митрополитом активной деятельностью и реальными достижениями в разных областях общественной и культурной жизни Петровской эпохи времен Северной войны.

Здесь и борьба со стихийными бедствиями (эпидемиями чумы, пожарами и наводнениями), расколом, устройство приютов и богаделен, открытие школы братьев Лихудов, освящение новых церквей в постоянно увеличивающейся епархии (из завоеванных городов можно выделить Выборг, Ямбург, Нарву, Копорье и Шлиссельбург) и снабжение их церковной утварью и духовенством. Во время укрепления Новгорода после первой Нарвы митрополит Иов сам во главе местного духовенства трудился «в простом платье, с лопатой» на постройке бастионов возле Кремля [Бантыш-Каменский 1836, с. 439–440]. Вместе с тем митрополит принадлежал к числу тех русских православных священников, которые признавали первенство светской власти. При этом вся его деятельность была проникнута оттенками гуманизма и просвещения, отражая характер самого митрополита. В то же время Иов был опытным царедворцем, и помимо хороших отношений с царской семьей, особенно с царевичем Алексеем, он заручился поддержкой многих придворных. Следует отметить замечательные отношения митрополита с А. Д. Меншиковым и его супругой и многими другими царскими сановниками.

Несмотря на существенное расширение в России интеллектуального пространства в начале XVIII в., образованных профессионалов книжного дела для проведения реформ в этой области петровскому правительству катастрофически не хватало. Поэтому царь был вынужден обращаться к опыту московских книжников предыдущего поколения, воспитанных еще в традиции церковно-славянского книжного языка. Наиболее показательным примером в данном контексте является жизнь и деятельность одного из самых известных учеников братьев Лихудов, справщика, переводчика, автора оригинальных сочинений, издателя, лексикографа и директора Московского Печатного двора Федора Поликарповича Поликарпова-Орлова (конец 1660-х — 1731)². Можно предположить, что после окончания учебы в Москве, начав карьеру в качестве книжника и справщика Печатного двора, затем, с началом реформ, он превращается в видного ученого мужа переходного времени, во многом опреде-

² Наиболее полный обзор его жизни и деятельности см.: [Браиловский 1894].

лявшего направления развития филологии, книжного дела и письменной культуры в петровской России.

Именно к концу 80-х — началу 90-х гг. XVII в. относятся первые переводы Федора Поликарпова с греческого: «Акос, или Врачевание, противоположаемое ядовитым угрызениям змиевым» братьев Лихудов (вместе с Николаем Семеновым и Алексеем Кирилловым)³, труды Дионисия Ареопагита. В Москве рубежа XVII–XVIII вв. он сотрудничает со многими учеными-книжниками, богословами и переводчиками (братья Лихуды, особенно Софроний, митрополит Иов, Афанасий Холмогорский, Дмитрий Ростовский и др.), формируясь как филолог и просветитель в основном в среде грекофильской «старомосковской» партии [Львова 2008, с. 37]. Исходя из анализа образовательных изданий Печатного двора начала XVIII в. («Букварь» (1701) и «Лексикон трязычный» (1704)), к этому времени Федор Поликарпов превратился в довольно искусного переводчика и «знающего словарника», обладающего высокой филологической культурой, с глубокими знаниями греческого и латинского языков, а также определенным опытом работы с методами лексикографии. В этом смысле показательное отношение к молодому справщику верховной власти — уже в ноябре 1701 г. специальным царским указом Федор Поликарпов был поставлен во главе Московского Печатного двора вместо Кариона Истомина [Браиловский 1894, с. 21].

Находясь в должности справщика, Федор Поликарпов должен был исправлять и проверять подлежащие печатанию книги и переводить предполагаемые к изданию, а по званию начальника Печатного двора — заведовать служащими и рабочими, покупать материалы, составлять ведомости о доходах, а также заниматься другими текущими делами. Сохранилась его обширная переписка с Иваном Алексеевичем Мусиным-Пушкиным, (назначенным в 1701 г. руководить только что учрежденным Монастырским приказом, к ведению которого была отнесена и Московская типография), позволяющая говорить о Федоре Поликарпове как о ревностном труженике «на пользу книжного просвещения», энергичном

³ Сохранилось несколько списков этого перевода, от черновых до подносного экземпляра [Белоброва 1993, с. 301].

исполнителе воли Петра I «и горячем защитнике интересов Печатного двора» [Брюханова 1996].

Федор Поликарпов руководил Московской типографией в течение 26 лет с небольшим перерывом. Как и многие известные деятели того времени, в конце концов он попал в опалу. Ему были предъявлены различные обвинения в получении с подчиненных ему людей взяток, присвоении книг из типографии и другие. В связи с этим 16 ноября 1722 г. Поликарпов был отстранен от занимаемой должности с обязательством выплатить большую сумму денег [Пекарский 1862, с. 637⁴]. После длительного судебного разбирательства, 15 мая 1726 г., он был восстановлен в должности.

Переписка между митрополитом Иовом и Федором Поликарповым происходила в течение первых лет XVIII в., с 1700 по 1715 г. Наиболее напряженной она была в 1706–1708 гг., с момента открытия Новгородской школы братьев Лихудов до «дела о Верхней типографии». Одно из первых писем в Великий Новгород на Владычный двор «типографского работника» Федора Поликарпова датируется 16 мая 1700 г. В нем будущий директор Московского Печатного двора обращается к новгородскому митрополиту с просьбой о помощи «близкому ему свойственнику», подьячему Пушкарского приказа, отправленному в Новгород по распоряжению царя: «Молю слезно твою страннлюбивую душу, благоволи господин мой, руку помощи ему простирати» [ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 239 об.]. Понятно, что за несколько месяцев до вступления России в Северную войну в августе 1700 г. Федор Поликарпов беспокоился за судьбу своего родственника в северо-западной провинции страны.

В 1706 г., несмотря на события Северной войны, когда пограничная Новгородская епархия попала в зону военных действий со шведами, а ее население облагалось различными налогами и повинностями, митрополит Иов нашел средства на открытие и содержание славяно-греческой школы в одном из зданий Владычного двора

⁴ Вероятно, из-за взяток Федора Поликарпова и коррупции на Печатном дворе и в Монастырском приказе в целом П. П. Пекарский относился к личности директора Московского Печатного двора очень негативно и даже с нотками презрения.

Новгородского кремля (будущем Лихудовом корпусе). Одежда, питание и все необходимые для учебы вещи покупались за счет архиерейского дома. Как известно, Иов передал школе часть книг из своей библиотеки. Помимо Федора Герасимова-Полетаева в славянский класс школы из Николаевского монастыря Переяславля с ведома «господина строителя монаха Питирима» (будущего архиепископа Нижегородского) был приглашен монах Савватий. Именно указанный момент отражен в письме Иова [Чистович 1861, с. 134]. Причем митрополит ссылается на приказ И. А. Мусина-Пушкина, на письмо братьев Лихудов, учителей Федора Поликарпова. Кроме того, Иов сообщал, что с письмом в Москву для встречи Савватия он отправляет боярского сына Иллариона Лапшинского.

Хорошо зная своих учителей по Московской школе Иоанникия и Софрония Лихудов, Федор Поликарпов с определенным беспокойством следил за их судьбой после царской опалы. Поэтому он очень приветствовал инициативу митрополита Иова по приглашению братьев в Новгород в 1706 г. для создания славяно-греческой школы. Тем более что один из его товарищей по учебе Федор Герасимов также оказался в Новгородской школе в должности преподавателя, книжника и переводчика. У митрополита Иова наряду с открытием школы были грандиозные планы по переводу и изданию в Новгороде Ветхого Завета, а также книг, присланных патриархом Досифеем [ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Л. 85].

В конце 1707 г. Иов попытался получить разрешение на приобретение и вывоз из Москвы дворцовой, так называемой Верхней, типографии, основанной Симеоном Полоцким. Для этого он отправляет в Москву Софрония Лихуду, архимандрита Хутынского монастыря Феодосия и софийского казначея Феодосия, что отражено в его переписке с царем, А. Д. Меншиковым, генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным, боярином И. А. Мусиным-Пушкиным, графом Н. М. Зотовым (начальником Ближней канцелярии), Федором Поликарповым и многими другими чиновниками из окружения Петра I. В своем прошении к царю от 17 декабря 1707 г. митрополит Иов просит отдать печать и станы Софронию Лихуду, а также прислать с ним в Новгород на время «Лексикон» Епифания Славинецкого и какие-то книги с Печатного двора [ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 97].

В том числе, прямо и косвенно, в этом проекте был задействован Федор Поликарпов, который повел себя очень своеобразно, далеко не лучшим образом для митрополита. Будучи велеречивым полемистом и опытным царедворцем, директор Печатного двора так и не дал прямого и ясного ответа на просьбу Иова вернуть задержанного в Москве Софрония Лихуда. Причем сослался при этом на некие, независящие от него обстоятельства: «...писания каковы печали и тщетны бысть виновно тових убо рабов моих же, учителей, пречестных отцев Лихудьевых, обхождение обыче о сем нескорби архиерей Божий ведая, яко не всегда начатому делу последует намеренное окончание, аще убо дело сие от Бога совершается обаче не без труда, реку же нечто утешно...» [ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 139 об.; ОР РНБ. Ф. 905. Оп. 1 (F). № 22. Л. 177]. Об этом он прямо сообщает в одном из своих писем от 24 января 1708 г. Поэтому можно согласиться с предположением Е. В. Анисимова о нежелании окружения местоблюстителя патриаршего престола митрополита Стефана (Яворского) допустить реализацию планов и проектов Иова [«Москва и Новгород едина держава Божия» 2009, с. 19]. Царя явно убедили, что братья Лихуды в качестве учителей и переводчиков гораздо полезнее в Москве (о чем последовал приговор Ближней канцелярии в январе 1708 г.). Соответственно перевод и печатание книг Ветхого Завета также было оставлено за Москвой. О чем последовал указ от 14 ноября 1712 г. о назначении комиссии по пересмотру Библии в составе Стефана, Софрония Лихуда, архимандрита Заиконоспасского монастыря Феофилакта (Лопатинского), Федора Поликарпова и монаха Феолога. Митрополита Иова в комиссию не включили. Хотя, по мнению современных исследователей, после встречи с царем в октябре 1707 г. Иову удалось добиться передачи ему какого-то печатного оборудования для выполнения срочного заказа царя по переводу в Новгороде нескольких иностранных книг. Кроме того, Иоанникия Лихуда, вероятно благодаря помощи со стороны А. Д. Меншикова, также удалось оставить в Новгороде [Чистович 1861, с. 85–86].

Митрополит Иов очень помог карьере архимандрита Хутынского монастыря Феодосия (Яновского), который со временем стал архимандритом Александро-Невского монастыря в Санкт-Петер-

бурге (1710), а с 1721 г. возглавил Новгородскую епархию⁵. Как раз в декабре 1707 г. в Москве он познакомился с Петром I, был отмечен и в марте 1708 г. вызван в Санкт-Петербург. Вероятно, Федор Поликарпов косвенно поспособствовал возвышению архимандрита Феодосия, заодно намекнув последнему, чтобы он не очень усердствовал в делах по переезду Верхней типографии и переводу Библии в Новгороде. Начальник Московского Печатного двора упоминается в письме митрополита Иова к Феодосию за декабрь 1707 г., причем Иов просит последнего поклониться Федору Поликарповичу за присланные некие книжицы.

Книжная проблематика в той или иной степени присутствует во многих письмах сборников переписки митрополита Иова по вполне понятным причинам: митрополит собирал для Новгородской школы и своей библиотеки литературу самого различного характера. Особенно это отражено в переписке с начальником Монастырского приказа И. А. Мусиным-Пушкиным и Федором Поликарповым. Кроме того, и братья Иоанний и Софроний Лихуды, постоянно работали с различными книгами, занимаясь переводами и книжной справой. К их услугам нередко прибегал Петр I. Как установил М. Н. Сменцовский, в 1707 г. царь отправил им для перевода две книги на латинском языке, сочинения иезуита Афанасия Кирхера, книги «Сфинкс» (*Sphynx mystagoga, sive diatribe hieroglyphica*) и «Риза римских добродетелей Энея, иже в Virгиле, и того дел храбро сделанных» [Сменцовский 1899, с. 349]. Перевод первой из указанных книг был дополнен кратким толкованием. Кроме того, Лихуды перевели для царя книгу Сигизмунда Альберта «Об артиллерии и о способах победить Турок».

Вместе с тем в письме, которое исследователи относят к 1708 г., митрополит, извиняется, что беспокоит директора Московской типографии уже в четвертый раз и обращается к нему скорее как к редактору и справщику в отношении исправления братьями Лихудами службы св. Софии, Премудрости Божией, и написания ими заново Пролога, стихир и канона [Строев 1882, с. 190–191]. Причем тетради с переводами братьев Иов запечатал своей «келейною печатью». Добавляя при этом, что он посылает нарочного с указан-

⁵ Подробную биографию Феодосия (Яновского) см.: [Макаров 2018].

ными сочинениями, а также какими-то греко-латинскими книгами от братьев Лихудов. В то же время Софроний Лихуд перевел с итальянского языка на греческий «изъяснение арменские литургии» — с венецианского издания 1690 г., а Федор Поликарпов переложил этот перевод на русский язык. Для переводов братьям понабился греко-славяно-латинский лексикон Епифания Славинецкого, который находился на Печатном дворе, и Софроний, отправленный Иовом в Москву в конце 1707 г., должен был забрать словарь с собой.

Среди писем из переписки митрополита Иова и Федора Поликарпова мы находим самые разные виды эпистолярной литературы. По содержанию встречаются просьбы, благодарности, утешения, поучения. Также встречаются письма смешанного содержания. В указанных четырех сборниках переписки митрополита Иова из Софийского собрания ОР РНБ и РГАДА в текстах писем имеется большое количество помет и исправлений. Встречается это и в письмах к Федору Поликарпову. По предположению К. В. Суториуса и Н. В. Салоникова, вероятно, митрополит Иов специально собирал свои письма, поскольку они представляли определенный интерес уже для его современников. Обычно черновики или тексты писем митрополита, подобно его проповедям, хранились в канцелярии архиерея. Позднее указанная практика использовалась в работе канцелярии Синода [Салоники, Суториус 2022].

Любопытны аннотации в письмах Иова и Федора Поликарпова друг другу, которые, с одной стороны, достаточно стереотипны для эпистолярного искусства первой четверти XVIII в. людей подобного социального статуса — высшего чиновничества и церковных иерархов. Такие аннотации скорее указывают на типы писем, например, аннотация к письму Федора Поликарпова митрополиту Иову 24 января 1708 г.: «К печальному лишения ради некоего человека утешение» [ОР РНБ. Ф. 905. Оп 1. (Ф). № 22. Л. 192]. Или к письму Федора Поликарпова от 10 мая 1706 г.: «К высокому лицу униженное благодарение за писание и прошение о милости ко учителем странным и древним сущим» [ОР РНБ. Ф. 522. Д. 133. Л. 147–149]. Современные исследователи делают разные предположения по этому поводу. Возможно, что письма Федора Поликарпова в семинарский сборник были взяты из сборника с его корреспонденцией. Или подобная «безликость» аннотаций означает только то, что письма

собирались не как памятники переписки какого-то определенного лица, а как образцы писем на определенную тему вообще, как это делалось в письмовниках. Что касается аннотаций Иова, то в них он обычно обращается к Федору Поликарпову как к «Светлейшему Господину, моему древнему благодетелю» или даже «Светлейшему и ученнейшему моему же чаду в Господе возлюбленному» [ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 97]. Возможно, что указанное обращение Иова к своему адресату было вызвано не только отражением чувств митрополита, но и влиянием норм и правил эпистолярного этикета Петровской эпохи.

Таким образом, переписка митрополита Иова с Федором Поликарповым-Орловым представляет собой важную часть хорошо сохранившегося собрания эпистолярного наследия известнейшего церковного иерарха и крупного чиновника начала XVIII столетия. Несмотря на немногочисленность корреспонденции, указанные письма остаются ценным источником по различным аспектам духовной, образовательной и повседневной жизни школы братьев Лихудов и переводческого центра в Новгороде. Следует отметить их включенность в социокультурное пространство Петровской эпохи за счет взаимосвязи с Московским Печатным двором, Монастырским приказом и греческой школой на Казанском подворье. Обнаруженные письма позволяют не только анализировать самые разные стороны пастырской деятельности одного из наиболее влиятельных церковных иерархов начала XVIII в., но и дают богатейший материал для исследования эпистолярной и некоторых аспектов письменной культуры России эпохи Петра I.

Не случайно Федор Поликарпов в одном из своих поздних грамматических сочинений, рукописной грамматике церковно-славянского языка (1723–1725), использовал отдельные материалы грамматики иподиакона Софийского собора Федора Максимова (1723), учителя Новгородской школы, которая была основана и развивалась благодаря деятельности и отеческой заботе митрополита Иова. Показательно, что уже после смерти митрополита Иова в одном из писем к И. А. Мусину-Пушкину за 1716 г. Федор Поликарпов высказывается за возвращение шести новгородских переводчиков и писцов для работы по исправлению Библии на Печатном дворе в Москве.

Литература и источники

Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных литераторов и ученых, известных по участию в событиях отечественной истории: в 5 ч. М., 1836. Ч. 2: Г–И. 459 с.

Белоброва О. А. Лихуды Иоанний и Софроний // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. С. 301–305.

Браиловский С. Н. Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии // ЖМНП. 1894. Ч. 295. № 9. С. 1–37.

Брюханова Г. В. Управляй, не мешкав, о печати книг... (переписка И. А. Мусина-Пушкина и Ф. П. Поликарпова) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 73. М., 1996. С. 219–233.

Вознесенская И. А. История Новгородской школы в письмах митрополита Иова // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. / Отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. С. 72–76.

Десятков К. С. Письма царевича Алексея митрополиту Иову 1713–1715 годов // Документальное наследие Новгорода и новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования: материалы XVI науч. конф. историков-архивистов. Великий Новгород, 26 мая 2016 г. / Отв. ред. Я. А. Васильев. Великий Новгород, 2017. С. 19–26.

Куприянов И. Материалы для истории училищ в России // Журнал для воспитания. 1857. Т. 2. № 7. С. 61–74.

Львова И. П. Из истории Просвещения в России в эпоху Петра Великого (Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов) // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2008. Вып. 2. С. 36–43.

Макарий, архим. Письма русских государей, великих князей и других особ к новгородским архиереям, хранящиеся в новгородском Софийском соборе // Чтения Императорского Московского общества истории и древностей Российских. 1860. Кн. 3. Отд. 5. С. 123–148.

Макаров И. В. Пастырские коллизии XVIII века: судьба основателя Петербургской лавры и семинарии архиепископа Феодосия (Яновского) в контексте деятельности Святейшего Синода // Русско-Византийский вестник. 2018. № 1. С. 176–183.

Маркина Г. К. Письма митрополиту Иову // Чело. 2010. № 1 (46). С. 14–17.

«Москва и Новград едина держава Божия»: Новгородский митрополит Иов и его переписка конца XVII — начала XVIII в. / Сост., вступ. ст., комм. Е. В. Анисимова. Великий Новгород, 2009. 231 с.

Переписка митрополита Иова с Федором Поликарповым

Новгородские архиерейские школы: сб. документов: В 2-х т. Т. 1: 1706–1727 гг. / Сост.: Н. В. Салоников, К. В. Суториус. Великий Новгород, 2022. 788 с.

ОПИ НГОМЗ. Инв. № 4158. Письма российских императоров и лиц царской фамилии к Новгородским архиепископам и митрополитам.

ОР ГИМ. Собр. Барсова. № 505. Письма митрополита Иова.

ОР РНБ. Собр. Шляпкина. № 122. Письма митрополита Иова.

ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Письма митрополита Иова.

ОР РНБ. Соф. собр. № 1426. Письма митрополита Иова.

ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Письма митрополита Иова.

ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Письма митрополита Иова.

ОР РНБ. Ф. 905. Оп. 1 (F). № 22. Письма митрополита Иова.

Пекарский П. П. Наука и литература в России. СПб.: Общественная польза, 1862. Т. 2. 694 с.

Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1951. Т. 8: июль–декабрь 1708 г. Вып. 2. 1180 с.

РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31. Письма митрополита Иова.

Салоников Н. В., Суториус К. В. Переписка Новгородского митрополита Иова за 1700–1715 гг.: источниковедческие и текстологические проблемы // XVIII век: сб. статей и материалов. СПб., 2022 (в печати).

Сменцовский М. Н. Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб.: Типо-литография М. П. Фроловой, 1899. 460, LIV с.

Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы / Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб.: тип. Акад. наук, 1882. 532 с.

Чистович И. Новгородский митрополит Иов. Жизнь его и переписка с разными лицами // Странник. 1861. Февраль. С. 61–145.

**Два сочинения по риторике
из рукописей учеников «лихудовского круга»:
новые данные**

Д. Н. Рамазанова

*Российская государственная библиотека;
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия*

Аннотация. Статья посвящена изучению двух рукописей, содержащих два различных сочинения по риторике, хранящихся в Библиотеке Матицы Сербской в Нови-Саде (Сербия) и Национальной библиотеке Республики Карелия. Текст сербской рукописи отождествляется с Риторикой Михаила Усачева 1699 г. Оба кодекса ранее были известны в историографии, однако впервые была выявлена связь кодексов с деятельностью учеников «лихудовского круга».

Ключевые слова: братья Лихуды, Герасим Влах, Михаил Усачев, риторика, рукописи учеников «лихудовского круга»

**Two Essays on Rhetoric from the «Likhud circle»
Student's Manuscripts: New Data**

Jamilia N. Ramazanova

*Russian State Library; Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Abstracts. The article tells about the study of two manuscripts with two different essays on rhetoric, stored in the Matica Serbskaya Library in Novi Sad (Serbia) and the National Library of the Republic of Karelia. The text of the Serbian manuscript is identified with Mikhail Usachev's Rhetoric of 1699. Both codes were previously known in historiography, but for the first time the connection between the codes and the activities of the students of "Likhud circle" was revealed.

Keywords: Leichoudis brothers, Gerasim Vлах, Mikhail Usachev, rhetoric, manuscripts of the "Leichoudis circle" students

Благодаря исследованиям и палеографическим выводам об особенностях письма Лихудов, начатых трудами Б. Л. Фонкича, а затем продолженных в работах его учеников [Яламас 2001; Рамазанова 2007; Вознесенская 2008] известен круг рукописей, которые мы с определенностью связываем с деятельностью Лихудов, их учеников, а также учебным процессом в Московской славяно-греко-латинской академии и греческих школах в Москве и Новгороде. В значительной мере эти кодексы содержат сочинения Лихудов, представляющие собой учебные пособия для преподавания различных дисциплин в учебных заведениях, созданных Лихудами. Большая часть известных рукописей круга греческих дидаскалов находится в ограниченном количестве хранилищ и фондов. В основном это РГБ (фонд рукописей Московской духовной академии и др.) и РНБ, где хранятся фонды рукописей Новгородской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии. Совокупный объем известных рукописей, прямо либо опосредованно связанных с греческими учителями, составляет десятки единиц хранения, и это обстоятельство может заставить думать, что выявлены все источники по деятельности Иоанникия и Софонрия Лихудов.

Некоторое время тому назад нами уже были представлены результаты разысканий рукописей и книг, связанных с Лихудами, в хранилищах России и зарубежья [Рамазанова 2013; Рамазанова 2018], однако за последние годы удалось обнаружить еще несколько кодексов, относящихся к кругу учеников Лихудов. До сих пор эти кодексы не отождествлялись с кругом учеников Лихудов и не связывались исследователями с деятельностью греческих просветителей либо учебными заведениями, где они преподавали. Теперь наши наблюдения позволяют дополнить и расширить перечень библиотек, где хранятся рукописи учеников «лихудовского круга».

Во-первых, это славянская рукопись, хранящаяся в Библиотеке Матицы Сербской¹ в Нови-Саде (Сербия) [БМС. № РР II 147]. Этот кодекс был описан в каталоге рукописей собрания [Грбић, Станковић 2018, с. 57–67] под заглавием «Риторика», однако в описании отсут-

¹ Моя особая благодарность адресована заведующей отделом старых книг и рукописей Библиотеки Матицы Сербской в Нови-Саде Душице Грбић за всестороннюю помощь и поддержку.

ствуется какая-либо информация об авторе учебника. Проблемы с отождествлением автора у составителей каталога возникли в связи с тем, что в рукописи утрачен титульный лист, поэтому название в каталоге дано по содержанию и первому сохранившемуся листу. Благодаря изучению рукописи *de visu* удалось отождествить почерк и содержание кодекса (Ил. 15).

Вся рукопись написана одним писцом, и этот почерк несомненно связан с кругом учеников Лихудов, причем это относится как к славянскому варианту почерка, так и к греческому (Ил. 15а). Греческие особенности письма возможно исследовать благодаря отдельным греческим фрагментам в славянском тексте кодекса. Палеографические наблюдения позволяют выявить характерное для учеников «лихудовского круга» написание букв «β» и «δ», о том же свидетельствует общий вид письма рукописи. Интригу составляет содержание кодекса: естественно было бы ожидать, что текст должен содержать перевод Риторики Софрония Лихуда, выполненный в 1698 г. Козьмой Ивириком. Однако исследование показало, что кодекс содержит иную Риторику, известную в историографии под названием «Риторика Михаила Усачева» (1699)². К настоящему времени В. И. Аннушкиным собраны сведения о 14 списках этого сочинения [Аннушкин 2003, с. 102], находившихся в собраниях Москвы, Санкт-Петербурга и Ярославля. Устанавливаемый теперь факт копирования учениками Лихудов еще одного списка Риторики Усачева расширяет наши представления, с одной стороны, о возможных дополнительных учебных пособиях, использовавшихся в школах Лихудов, с другой стороны, о круге текстов, переписывавшихся учениками греческих дидаскалов как вне учебного процесса, так и в его рамках.

Рукопись состоит из 92 листов, в 4-ку (20,8 × 16,0); тетради-кватернионы, кроме первой тетради, в которой не хватает первого листа, и последней, 12-й тетради, в которой только 5 листов. Сигнатур не выявлено. Переплет представляет собой картон, обтянутый коричневой кожей, есть дефекты. По обрезу коричневый набрызг. Кодекс не содержит точной датировки, однако по филигране «герб

² О Риторике Михаила Усачева см.: [Вомперский 1988, с. 70–72; Аннушкин 2002, с. 79–86; Аннушкин 2003, с. 101–115].

города Амстердама» рукопись можно отнести к концу XVII — началу XVIII в.³ Известные на настоящий момент сведения о рукописи не позволяют точно определить место ее написания и указать ее связь с московскими или новгородской школами Лихудов.

В библиотеку в Нови-Саде рукопись поступила в качестве дара в 2003 г. Кодекс не содержит никаких владельческих записей и книжных знаков, которые позволяли бы определить его происхождение. Можно лишь предположить, что на территорию Сербии кодекс мог попасть еще в XVIII в. и использоваться при преподавании риторики в сербских школах.

Другой кодекс также относится к учебным пособиям по риторике и находится в хранилище (*Ил. 16*), где до сих не были выявлены рукописи, как-либо связанные с именами Иоанникия и Софрония Лихудов, — Национальной библиотеке Республики Карелия в Петрозаводске [НБРК. № 36539]. Это единственная греческая рукопись, находящаяся в этом собрании. Она была описана, оцифрована и размещена в разделе книжных памятников на сайте НБРК [Вознесенская <2022>], а также упомянута в исследовании, посвященном классификации сочинений по риторике греческого ученого, филолога и богослова Герасима Влаха [Курбанов, Спиридонова 2021, с. 451]. Однако до настоящего времени в историографии не указывалось о какой-либо связи кодекса с кругом учеников Лихудов.

Рукопись представляет собой греческий список Риторики Герасима Влаха — Ἐπιτομή τῆς ῥητορικῆς δυνάμεως ἐκδοθεῖσα παρὰ Γερασίου Βλάχου τοῦ Κρήτος, κήρυκος τοῦ Ἱεροῦ εὐαγγελίου καὶ τῶν ἐπιστημῶν κατ' ἀμφοτέρας τὰς διαλέκτους. Известны и другие списки этого сочинения Влаха — ОР РНБ. Греч. 736 [Рамазанова 2017] и Афон. Ивирон, 111 [Λάμπρος 1900, Σ. 21 (№ 4231)]. Книга разделена на 33 главы⁴. Кодекс в 8-ку, 15,2 × 9,4 см, состоит из 86 л. (IV л. + 82 л.; л. I–IV, 81–82 — чист.; л. I–II, 81–82 — переплетные, новые, вплетены

³ Описание водяных знаков см. [Грбић, Станковић 2018, с. 57]; филиграни соответствуют [Дианова 1998, № 50 (1700 г.); Дианова, Костюхина (сост.) 1988, № 172 (1692/93 г.)].

⁴ Подробная роспись содержания нами составлена по списку ОР РНБ. Греч. 736, содержание которого соответствует петрозаводской рукописи [Рамазанова 2017, с. 168–169].

во время реставрации. Тетради-кватернионы, сигнатуры — в центре нижнего поля первого листа тетрадей киноварью. Точная датировка кодекса отсутствует, но по водяным знакам он датируется первой третью XVIII в.⁵

Вся рукопись написана одним писцом, который, судя по почерку, обладающему всеми основными элементами письма «круга» Лихудов, принадлежал к ученикам греческих учителей. Датировка филиграней позволяет полагать, что кодекс мог быть составлен либо в Новгородской, либо в Московской школе Лихудов. Однако если принять во внимание судьбу кодекса в XIX в. (об этом ниже), то, как нам кажется, следует связать происхождение рукописи именно с Новгородской школой Лихудов.

В кодексе есть следы правки текста разными, в том числе красными чернилами и различными почерками, в том числе основным почерком писца кодекса. Для оформления кодекса использована киноварь в заголовке, нумерации глав, рубриках и заглавных буквах.

В настоящее время рукопись помещена в новый переплет, сделанный при реставрации в 1992 г., однако сохранилась фотография и сделано описание оригинального переплета: «Старый переплет был поврежден: кожа в верхней и нижней частях корешка лопнула (снизу разрыв был по коже подклеен тканью), книжный блок разбит, застешки оборваны. До реставрации многие листы и тетради выпадали, бумага была загрязнена (особенно в начале книги — л. 1–33). По л. 1–30 текст в нижней части страницы (особенно ближе к внешнему углу) местами затерт, в остальном читается хорошо» [Вознесенская <2022>]. Таким образом, по плохо сохранившемуся переплету и утратам бумаги видно, что рукопись активно использовалась и должна была привлекаться для образовательных целей.

На вероятную связь кодекса с Новгородской школой указывает владельческая запись на л. IV об. (карандаш, обведена чернилами): «Н ἐκ τῶν βιβλῶν διδασκάλου Μ. Σεμένωβ» («Из книг учителя М. Семенова»). Как отмечено в описании [Вознесенская <2022>], запись свидетельствует, что книга находилась в личной библиотеке «архиепископа Игнатия, в миру М. А. Семенова». Биографические сведения о Матфее Афанасьевиче Семенове (1790/91–1850), бывшего в миру

⁵ Подробное описание водяных знаков см.: [Вознесенская <2022>].

учителем греческого языка и всеобщей истории, в 1820 г. постриженного в монашество и впоследствии ставшего архиепископом Воронежским и Задонским под именем Игнатия, заставляют остановиться на ней подробнее [Акинъшин, Галкин 2009].

М. А. Семенов окончил Архангельскую духовную семинарию и с 1816 г. состоял там профессором греческого и французского языков, затем окончил курс Санкт-Петербургской духовной академии. На протяжении карьеры занимал различные должности в духовных учреждениях, в частности, в 1821–1823 гг. состоял библиотекарем Санкт-Петербургской духовной академии, в 1823–1827 гг. — ректором Новгородской духовной семинарии. В 1828 г. Игнатий (Семенов) был утвержден епископом Олонецким и Петрозаводским, в 1835 г. возведен в сан архиепископа, в котором состоял до конца 1842 г. Поэтому книги из его библиотеки находятся ныне в Петрозаводске. Таким образом, жизненный путь владельца петрозаводского списка Риторики Герасима Влаха позволяет полагать, что первоначально кодекс оказался в его руках либо в Санкт-Петербурге, либо уже в Новгороде, после того как будущий епископ Игнатий (Семенов) возглавил Новгородскую духовную семинарию.

Итак, расширение круга хранилищ и фондов, где удастся выявить новые рукописи учеников «лихудовского круга», с одной стороны, позволяет пополнить перечень уже известных кодексов новыми, а с другой — углубляет наши представления о репертуаре и разнообразии учебных сочинений, так или иначе связанных с деятельностью Лихудов и их учеников. Соответственно, результаты таких разысканий не только дают возможность увидеть, что география бытования рукописей «лихудовского круга» распространялась от Сербии до Карелии, но и в перспективе расширить представления о характере преподавания в Славяно-греко-латинской академии, Новгородской и Московской школах Лихудов.

Литература и источники

Акинъшин А. Н., Галкин А. К. Игнатий (Семёнов Матфей Афанасьевич) // ПЭ. М., 2009. Т. 21. С. 128–131.

Аннушкин В. И. История русской риторики. Хрестоматия: учебное пособие. 2-е изд. испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2002. 413, [2] с.

Аннушкин В. И. Русская Риторика: исторический аспект / Учебное пособие для студентов вузов. М.: Высш. шк., 2003. 396, [1] с.

Афон. Иверский монастырь. № 111. Риторика Герасима Влаха.

БМС. Отдел старых книг и рукописей. № РР II 147. Риторика Михаила Усачева.

[Вознесенская Е. В.] Краткое изложение значения Риторики // Национальная библиотека Республики Карелия. Книжные памятники. http://library.karelia.ru/Resursy/Rukopisnye_knigi/Kratkoe_izlozhenie_znachenija_ ritoriki/. Уровень доступа: свободный. Дата обращения: 02.12.2022.

Вознесенская И. А. Рукописные учебники братьев Лихудов начала XVIII в. в петербургских хранилищах // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 59. С. 369–375.

Вомперский В.П. Риторика в России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1988. 180 с.

Грбић Д., Станковић Р. Ђирилске рукописне књиге Библиотеке Матице српске. Књ. 18, Уџбеници и приручници. Нови Сад, 2018. С. 57–67.

Дианова Т. В. Филигрانی XVII–XVIII в. «Герб города Амстердама»: [каталог]. М.: ГИМ, 1998. 166, [1] с.

Дианова Т. В., Костюхина Л. В. (сост.) Филигрانی XVII века по рукописным источникам ГИМ: каталог / Сост. Т. В. Дианова, Л. В. Костюхина. М.: ГИМ, 1988. 246 с.

Курбанов А. В., Спиридонова Л. В. Сочинения Герасима Влаха по риторике // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Вып. 1: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 1–2 октября 2021 г. / Отв. ред. О.Н. Ноговицин. СПб., 2021. С. 445–454.

НБРК. Фонд рукописей. № 36539. Риторика Герасима Влаха.

ОР РНБ. Греч. (Ф. 906). № 736. Риторика Герасима Влаха. Риторика Софрония Лихуда.

Рамазанова Д. Н. Известные греческие рукописи круга учеников Лихудов (по материалам Национальной библиотеки Греции и Библиотеки Румынской Академии наук) // Палеография, кодикология, дипломатика: современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: материалы междунар. науч. конф. Москва, 27–28 февраля 2013 г. / Отв. ред. И. Г. Коновалова; сост. Д. Н. Рамазанова; Ин-т всеобщ. истории РАН. М., 2013. С. 268–278.

Рамазанова Д. Н. Новый автограф Иоанникия Лихуда: к проблеме реконструкции личной библиотеки основателей Славяно-греко-латин-

ской Академии // Палеография, кодикология, дипломатика: современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: материалы междунар. науч. конф. в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018. М., 2018. С. 321–330.

Рамазанова Д. Н. Новый греческий список «Риторики» Софрония Лихуда (предварительные замечания) // Монфокоп. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М.; СПб., 2007. [Вып. I]. С. 198–203.

Рамазанова Д. Н. «Риторики» Герасима Влаха и Софрония Лихуда в составе РНБ. Греч. 736: из наблюдений над кодексом // Монфокоп. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М., 2017. Вып. 4. С. 162–171.

Яламас Д. А. Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 2001. 399 с.

Λάμπρος Σ. Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ Ἀγίου Ὁρους ἐλληνικῶν κωδίκων. Cambridge, 1900. Т. 2.

**Высшая школа в петровское время:
ведомость Московской славяно-греко-латинской
академии 1727 г. как источник
по истории образования**

И. А. Вознесенская

*Библиотека Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В настоящей статье мы обращаемся к ведомости Московской академии 1727 г., документу, который является важнейшим источником по истории Московской славяно-греко-латинской академии петровского времени. Ведомость 1727 г. зафиксировала имена всех студентов, даже в тех случаях, когда они были отправлены в другие страны. Значительное место в ведомости занимает информация о выпускниках академии.

Ключевые слова: Московская славяно-греко-латинская академия, ведомость, студенты, выпускники

**Higher School in Peter's Time: Register
of the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy
of 1727 as a Source on the History of Education**

Irina A. Voznesenskaya

*Library of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia*

Abstracts. In the article we refer to the register of the Moscow Academy of 1727, a document that is the most important source on the history of the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy of the time of Peter the Great. The list of 1727 recorded the names of all students, even in those cases when they were sent to other countries. A significant place in the statement is occupied by information about the graduates of the academy.

Keywords: Moscow Slavonic-Greek-Latin Academy, register, students, graduates

Историография становления отечественного высшего образования рубежа XVII–XVIII вв. очень обширна. Одна из работ обобщающего характера, посвященная историографии вопроса, суммирует выводы следующим образом: «Статус Московской славяно-греко-латинской академии при Лихудях выглядит проблематичным... Лишь вследствие указа Петра от 7 июля 1701 г. Московская академия не только получила свое название, но и по своей организации и по преподаванию стала “копией” Киевской академии, тем самым приобретя статус второго православного университета в Российском государстве» [Андреев 2008, с. 166]. Подобная точка зрения не нова и была озвучена еще в середине XIX в. С. К. Смирновым в «Истории Московской славяно-греко-латинской академии», первом монографическом труде, посвященном истории этого учебного заведения [Смирнов 1855]. Автором историографического обзора были учтены не все работы источниковедческого характера, которые, на наш взгляд, снимают многие спорные вопросы¹. Привлечение новых источников и глубокое изучение уже введенных в научный оборот документов позволяют по-новому посмотреть на проблемы, возникшие вследствие неполной источниковой базы и произвольной трактовки текстов документов.

Известная статья А. И. Рогова, опубликованная в 1959 г., впервые ввела в научный оборот архивные документы по составу учеников Московской славяно-греко-латинской академии [Рогов 1959, с. 140–147]. Для анализа состава учеников в статье были использованы фонды Монастырского приказа, Сената, Синода и Заиконоспасского монастыря, однако ведомость 1727 г., хранящаяся в РГИА, осталась за рамками исследования [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 233]. Автору пришлось восстанавливать имена из отдельных документов, тогда как ведомость дает полные сведения за исключением социального состава. В Синоде она была признана «несостоятельной» и в 1729 г. была дополнена недостающими сведениями [РГИА. Ф. 796. Оп. 10. Д. 571].

В настоящей статье мы еще раз обратимся к ведомости Московской академии 1727 г., документу, который является важнейшим

¹ В обзоре использованы работы А. И. Рогова, Б. Л. Фонкича, Д. А. Яламаса, Д. Н. Рамазановой и И. А. Вознесенской, но список работ, связанных с историей школы XVII–XVIII вв., можно продолжить.

источником по истории Московской славяно-греко-латинской академии петровского времени [Вознесенская 2004, с. 518–523]. 4 ноября 1727 г. ректор Московской славяно-греко-латинской академии, архимандрит Спасского училищного монастыря Гедеон (Вишневский) отправил в Синод доношение с ведомостью, в которой были собраны сведения о студентах академии за все время ее существования. В самом начале доношения он сообщил, что «училища славяно-греко-латинские обретаются в Москве в Китай-городе за иконным рядом, заведены еще при святейших патриархах в прошлых годах, в которых имеются школы трех языков: русского, греческого и латинского» [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 39]. Таким образом, для ректора Гедеона (Вишневского), выпускника Киево-Могилянской академии, который вместе с Федором Поликарповым составил первую историю Московской академии [Историческое известие 1791, с. 295–306], время открытия академии не 1701 г., а «при святейших патриархах», т. е. в любом случае до 1700 г. В работах Д. Н. Рамазановой время открытия академии связано с первыми выплатами кормовых денег ученикам братьев Лихудов, т. е. с событием, зафиксировавшим факт начала обучения в делопроизводстве на государственном уровне [Рамазанова 2002, с. 211–237]. Государственное финансирование школы Лихудов представляется явлением не менее значимым, чем официальный указ, отсутствие которого позволяет некоторым исследователям отрицать открытие первого высшего учебного заведения в Москве в 1685 г.

Гедеон (Вишневский) называет академию «училище славяно-греко-латинское» и обращает внимание на то, что в нем имеются школы трех языков, которые и дают полное название учебного заведения. Впервые это название, *славяно-греко-латинская академия*, появляется в 1725 г. после присоединения к академии или, правильнее сказать, к славяно-латинским школам, греческой школы, работавшей с 1707 г. при Московской типографии. Мы уже обращали внимание на то, что отдельное существование греческой школы в Москве было связано с невозможностью для Софрония Лихуда находиться в формальном подчинении ректору Феофилакту (Лопатинскому). Подобное положение не соответствовало статусу греческого дидакала, выполнявшего обязанности ректора академии до своего отстранения от преподавания в 1694 г. Во всяком случае,

соотечественник Лихудов Афанасий Скиада, возглавлявший греческую школу до 1725 г., предпочел оставить должность после присоединения к академии: «понеже честь его умалется» [Вознесенская 2015, с. 384]. Классическое трехязычное обучение было необходимой составляющей университетского образования. В 1708 г. на тезисе Гавриила (Бужинского), посвященному местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Стефану (Яворскому), на «семи столбах» храма были написаны названия основных курсов обучения: *Grammatica Latina, Sintaxis, Rhetorica, Theologia, Philosophia, Poesis, Grammatica Graeca* [БАН. Акр./2233. Л. 67; Алексеева 1977, с. 7–29]. В тексте тезиса, который представляет собой панегирик Стефану (Яворскому), главнейшей его заслугой объявляется возрождение греко-славяно-латинских училищ в Москве, а упоминание на столбе храма греческой грамматики объявляет греческую школу Софрония Лихуда, открывшуюся в 1707 г., в определенном смысле частью академии.

В конце XVII — начале XVIII в. названия «училище», «школа», «академия» сосуществуют и используются как синонимы, поэтому утверждение, что лихудовские школы не назывались академией, некорректно. Братья Лихуды преподавали греческий и латынь, именно преподавание латыни стало поводом для их отстранения от академии. Программа академии, которую Лихуды предполагали организовать по образцу Падуанской, соответствовала университетским курсам. Распространенное мнение, что Московская академия после 1701 г. становится копией Киевской, имеет основание. Преподаватели и студенты, приехавшие из Киева, принесли в Москву традиции, присущие именно Киево-Могилянской академии. Даже изображение студентов двух академий на тезисах демонстрирует нам внешнее сходство². Однако Московская академия становится главным учебным заведением государства в период реформ, что и отличает ее от Киево-Могилянской.

В ведомости ректор Гедеон (Вишневский) приводит сведения о студентах уже XVIII в., так как «сколько сначала было учеников

² Изображение киевских студентов на тезисе И. Щирского, посвященного ректору Киевской академии Прокопию (Калачинскому), московских — на тезисе Гавриила (Бужинского).

и в какие учения и достоинства произведены о том во оных училищах неведомо, понеже записки не имеется» [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 39]. Отсутствие «записки» о студентах XVII в., скорее всего, связано с общим реформированием государственного аппарата в России на рубеже веков. Московская академия, подчинявшаяся патриарху, с 1700 г. подчинялась Монастырскому приказу, а с 1721 г. — Синоду и финансировалась из Коллегии экономии.

Значительное место в ведомости занимает информация о выпускниках: кто они и в какие чины были произведены. В первую очередь сообщается об архиереях — выпускниках Московской академии, их всего три: епископ Рязанский Гавриил (Бужинский), епископ Псковский Рафаил (Заборовский) и епископ Иркутский Иннокентий (Кульчицкий). Архимандритами стали Феофил (Кролик), Антоний (Платковский) и Давид (Шкалуба), игуменами — Андрей (Аристинский) и Иеронтий (Велипольский), иеромонахами — Иоасаф (Томилович), Феодосий (Туркевич), Гедеон (Грембицкий), Иоасаф (Туркевич), Лаврентий (Солох), Илларион (Янзинский), Павел (Подлужеви́ч), Никодим (Линкевич), Порфирий (Кульчицкий), Григорий (Васинский), Георгий Монах и Варфоломей (Филевский). Иеродиаконами стали Григорий (Мокритинский), Спиридон (Облский), Хронкевич³, Адам (Панцевич) и Иерофей (Иозефович). Почти все они были учителями Московской академии, трое из которых — Иоасаф (Томилович), Григорий (Васинский) и Варфоломей (Филевский) — вернулись в Киев. Монахами стали всего шесть человек: Сысой (Малиновский), Дангин (Климковский), Матфей (Яковский), Павел (Ляковский), Варнава (Гоголев) и Григорий (Кульчицкий).

Обращает на себя внимание «украинское происхождение» выпускников по крайней мере по фамилиям. Подавляющее большинство названных имен действительно представляет собой киевский десант в Москву начала XVIII столетия. Однако следует помнить, что именно в учебных заведениях происходит процесс образования фамилий. Многие студенты, проходящие в ведомости по имени и усеченному отчеству, имели настоящие фамилии или придумывали себе «прозвания». Можно вспомнить Федора Поликарпова, который дослужившись до должности директора типографии, стал

³ Так в ведомости, без имени.

Федором Поликарповичем Поликарповым, хотя и имел настоящую фамилию Орлов. В другом случае сын крепостного крестьянина Анфиноген Романов придумывает себе прозвание Ефратов, которое спустя некоторое время, оказавшись на Украине, меняет на Тигровский «по обычаю их черкасскому» [Вознесенская 2008, с. 145–149]. В ведомости 1727 г. большинство учеников все же с фамилиями.

Двадцать два выпускника по ведомости стали священниками. Причем половина из них служили в Москве в разных соборах и церквях: в Благовещенском соборе, в Ивановском монастыре, в Успенском соборе, в церквях Козьмы и Дамиана, Вознесения Христова, Четырехдесяти Мучеников. Андрей Бодаковский был священником у Василия Федоровича Салтыкова, несмотря на запрет домовых церквей. Остальные выпускники уехали служить в церкви Белгорода, Рязани, Риги, Смоленска, Волхова, Коломны, Петербурга, трое уехали на Украину, один, Иван Михновский, уехал в Сибирь. Пятеро выпускников названы диаконами мирскими. Таким образом, 58 выпускников Московской академии, по сведениям 1727 г., продолжили свою деятельность в церкви.

Тридцать три выпускника были на «нецерковной» службе. Пятеро были переводчиками: Иван Ильинский у князя Кантемира, Петр Софонов в Коллегии иностранных дел в Москве, Александр Бялошицкий в Коллегии иностранных дел в Петербурге, Иван Кременецкий в Петербургской типографии, Филипп Анахин в Синоде. Три человека работали писарями и канцеляристами: Степан Левандовский у полковника Изборского, Григорий Томашевский у гетмана, а Иосиф Кречетовский-Комиссаров трудился в вотчинной канцелярии Синода. Учителями названы Павел Габинский, Тарас Постников, Тимофей Колосов, Максим и Петр Суворовы и Иван Воейков. Должности некоторых выпускников в ведомости не названы, а указано лишь место службы. К таковым относятся, прежде всего, должности «при Доме преосвященных» Холмогорского, Рязанского, Переяславльского, Тверского, Новгородского. Кроме того, также без указания должности, Иосиф Ананьев служил в доме у Александра Львовича Нарышкина, а Иван Красовский — при дворе его императорского величества. Для некоторых выпускников указан лишь город: Архангельск, Санкт-Петербург. Скорее всего, эти должности были «секретарско-канцелярскими». Следует отметить также

Ивана Горлецкого, служившего в Академии наук, братьев Суворовых и Ивана Воейкова, отправленных в Сербию для преподавания, и Игнатия Рудакова, находившегося «на учении за морем».

Ведомость 1727 г. зафиксировала имена всех студентов даже в том случае, когда они были отправлены в Китай с Саввой Рагузинским или в калмыцкие земли для изучения калмыцкого языка вместе с новокрещеным южкой. Один из них, Андрей Чубовский, в 1734 г. переводя документы с калмыцкого языка для Коллегии иностранных дел, называл себя школьником [Вознесенская 2013, с. 213–224]. Главным же отличием Московской академии от Киевской был ее «подготовительный» статус для других школ петровского времени. До 1722 г. в медицинскую школу доктора Бидлоо («Московскую гошпиталь») было отпущено около 40 студентов. В ведомости зафиксированы имена 11 из них, остальные за отсутствием «записки» неизвестны. В 1722 г. в «гошпиталь» отпустили 19 студентов, в 1724 г. — 11, в 1727 г. — 18 человек. В петербургскую медицинскую школу («аптеку») в разные годы отпущено 45 учеников. Таким образом, более 150 студентов до 1727 г. обучались в медицинской школе. К сожалению, медицинские школы не рассматривались как медицинский факультет, поэтому переход студентов «без указа» воспринимался как бегство и способствовал бесконечному потоку письменных жалоб на «доктора Быдло». Несколько студентов перешли из инфимы в Навигацкую школу на Сухареву башню, они также были причислены к беглым.

Киевская академическая традиция рассматривала образование с точки зрения его использования в религиозных институтах. Запрет на пострижение в монашество вызвал настойчивые просьбы о разрешении его для ряда студентов именно для пополнения преподавательского состава академии. Известно, что только один учитель не был монахом, Тарас Постников. Средневековая традиция, закрепившаяся в Киево-Могилянской академии в условиях религиозной полемики с иезуитскими школами Речи Посполитой и перенесенная в Москву, привела к невозможности развития университетского образования. В 1755 г. в Москве был открыт университет, а академия не стала расширяться через открытие новых факультетов, как это происходило в старейших университетах Европы, и превратилась в духовное учебное заведение.

Литература и источники

Алексеева М. А. Жанр конклюдий в русском искусстве конца XVII — начала XVIII в. // Русское искусство барокко. Материалы и исследования. М., 1977. С. 7–29.

Андреев А. Ю. Начало университетского образования в России в отечественной и зарубежной историографии // Отечественная история. 2008. № 4. С. 157–169.

БАН. Акр./2233. Л. 67. Конклюзия-тезис Гавриила (Бужинского), гравюра Михаила Карновского.

Вознесенская И. А. Архив ландграфа Людвиг Гессен-Гомбургского как источник по истории военной элиты 1730-х гг. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 213–224.

Вознесенская И. А. К истории греко-латинских школ в России (20–30 гг. XVIII в.): на материале фондов Синода РГИА // Каптеревские чтения 6: сб. статей. М., 2008. С. 145–149.

Вознесенская И. А. Московская греческая школа Софрония Лихуда // Россия и Христианский Восток. М., 2015. Вып. 4–5. С. 376–397.

Вознесенская И. А. Московская славяно-греко-латинская академия в первой трети XVIII в. // Россия и Христианский восток. М., 2004. Вып. 2–3. С. 518–523.

Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова и дополненное пресвященным епископом смоленским Гедеоном Вишневым // Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. М., 1791. Ч. XVI. С. 295–306.

Рамазанова Д. Н. Богоявленская школа Лихудов — первый этап Славяно-греко-латинской Академии // ОФР. М., 2002. Вып. 7. С. 211–237.

РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. По высочайшему указу из Верховного тайного совета о доставлении во оный ведомостей о числе школ и учеников в епархиях со времени учреждения Святейшего Синода и об источниках их содержания.

РГИА. Ф. 796. Оп. 10. Д. 571. Дело о школьниках, учившихся в Спаском училищном монастыре, из которых кто могут ли быть проповедниками Слова Божия, и о подаче о них и о прочих учениках в Верховный тайный совет ведомости.

Рогов А. И. Новые данные о составе учеников славяно-греко-латинской академии // История СССР. 1959. № 3. С. 140–147.

Смирнов С. К. История Московской славяно-греко-латинской академии. М.: тип. В. Готье, 1855. 428, IV с.

Судьбы учеников Новгородской архиерейской школы при Феофане (Прокоповиче)*

Н. В. Салоников

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия*

К. В. Суториус

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются судьбы Новгородской архиерейской школы и ее учеников после того, как новгородскую кафедру возглавил архиепископ Феофан (Прокопович). После расформирования в 1726 г. славянской, латинской, партикулярных и епархиальных школ Новгородской епархии большая часть учеников, дети церковно- и священнослужителей, была отправлена в дома своих родителей без назначения их на какие-либо должности. Часть учеников, преимущественно дети разночинцев и сироты, была отправлена в Москву и Санкт-Петербург учиться ремеслу, другая — определена в различные службы при архиерейском доме. В Новгородской школе остался только один класс, греческой грамматики, в котором были оставлены сироты — дети духовенства, крестьян и служащих архиерейского дома, но и они в течение следующих четырех лет были из школы взяты и отправлены или учиться ремеслу, или переведены в школу Феофана (Прокоповича) в Петербурге так, что с 1730 по 1732 г. следов деятельности школы в известных документах не находится. Анализируя доступные источники, авторы пытаются определить возможные причины, по которым в правление архиепископа Феофана в конце 20-х — начале 30-х гг. XVIII столетия деятельность архиерейской школы в Новгороде подверглась столь радикальному сокращению.

Ключевые слова: Новгородская архиерейская школа, архиепископ Феофан (Прокопович), ученики

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42029.

The Fate of Novgorod Archbishop School Students under Theophan (Prokopovich)

Nikolay V. Salonikov

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;
State Archives of the Novgorod Region, Veliky Novgorod, Russia*

Konstantin V. Sutorius

*National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia*

Abstracts. The article deals with the fate of the Novgorod Archbishop school and its students after the Novgorod cathedra was headed by Theophan (Prokopovich). After the Slavic, Latin, particular and diocesan schools of the Novgorod diocese were disbanded in 1726, most of the students, the children of church and clergymen, were sent to their parents' homes without appointing them to any positions. Some of the students, mostly children of commoners and orphans, were sent to Moscow and St. Petersburg to learn a craft, the other was assigned to various services at the bishop's house. Only Greek grammar class remained in Novgorod school, where only orphans were left — the children of the clergy, peasants and employees of the bishop's house, but over the next four years they were taken from the school and sent either to learn a craft, or transferred to the Theophan's (Prokopovich) school in St. Petersburg, so that from 1730 to 1732 there are no traces of the school's activities in known documents. Based on the analysis of the available sources the authors try to determine the possible reasons why during the reign of Archbishop Theophan in the late 20s — early 30s of the XVIII century the activities of the Archbishop school in Novgorod were drastically reduced.

Keywords: the Archbishop school in Novgorod, Archbishop Theophan (Prokopovich), students

История Новгородской архиерейской школы во второй половине 20-х — начале 30-х гг. XVIII столетия мало изучена. Долгое время в отечественной историографии существовало мнение, что в 1726 г. архиепископ Феофан (Прокопович) закрыл школу [Страхова 1988, с. 121]. Первой на ошибочность этой точки зрения указала И. А. Вознесенская, приведя отдельные факты из истории школы этого времени [Вознесенская 2005, с. 232–235; Вознесенская 2009]. До сегодняшнего дня специальные работы по истории школы при Феофане (Прокоповиче) остаются крайне немногочисленными [Салоников, Суториус 2022]. Причина такого невнимания исследователей

заключается прежде всего во фрагментарности сохранившихся источников. Поиск и введение в научный оборот новых документов позволили значительно расширить наши знания о деятельности школы при Феофане [Салоников 2017; Новгородские архиерейские школы 2022].

К моменту назначения Феофана (Прокоповича) на новгородскую кафедру в епархии была создана и успешно действовала система школ: в самом Новгороде при архиерейском доме, включавшая классы («школы») церковнославянского, латинского и греческого языков, две так называемые партикулярные — при Знаменском соборе и при Розважском монастыре, а также одиннадцать епархиальных — в Великих Луках, Торжке, Каргополе, Олонце, Старой Руссе, Устюжне, Городецке, Селе Валдайском, Тихвине, при Юрьеве монастыре и Оштинско-Петрозаводская. Известные нам сегодня документы говорят о том, что архиепископ Феофан не сразу приступил к закрытию школ, созданных в Новгородской епархии его предшественниками. Более того, в первый год своего архиерейского правления в Новгороде он продолжил поддерживать существующие школы. Так, в октябре 1725 г. Новгородский архиерейский разряд издал указ о возвращении учеников, самовольно отлучившихся из Тихвинской епархиальной школы [НИА СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 71. Л. 111]. Указ Новгородской духовной консистории от 29 мая 1726 г. обязал ставленников проходить обязательное обучение в школах [НИА СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 71. Л. 173–173 об.]¹.

¹ Этот указ стал продолжением указа Феодосия (Яновского), изданного 20 августа 1723 г., об обучении в школах попов и диаконов, поставленных на священнические места в период с 1716 по 1721 г. В указе архиепископа Феодосия отмечалось, что «поставленных между архиерейства в Новгородскую епархию попов и дяконов для свидетельства в священнослужении и получении благословенных от его преосвященства грамот» следует высылать в Петербург, «куда должны они приходить с показанием совершенного во звании своем обучения». И перед отправлением в Петербург обучать их «во учрежденных по разным Новгородской епархии городам школах, дабы правильно и безгрешно читать знали, и о том совершенно обучившимся давать от школ учащим грамматистам свидетельствующие то учение листы <...> а без таких листов отнюдь не приходить, ибо оное в Санкт-Питербурхе свидетельство чинить определено не невеждам, но совершенно

Однако параллельно с этим архиепископ Феофан начал сворачивать образовательные проекты своего предшественника Феодосия (Яновского). В самом начале 1726 г. по его инициативе были выпущены ученики, присланные в Новгородскую школу из других епархий для изучения грамматики [Салоников, Суториус 2020, с. 403]. Одновременно Феофан (Прокопович) стал принимать меры, которые должны были ограничить обучение в школе детей, не принадлежащих к духовному сословию. Первыми должны были «пострадать» подкидыши, обретавшиеся в архиерейском доме при госпиталях и в школе. 17 января 1726 г. владыка направил в Новгород указ об обучении в школе подкидышей. В нем говорилось: «Подкидышков, которые меньше двенадцати лет, тех обучать букваря и прочего изустно, а языков никаких не учить. И по изучении того отдавать в науку живописную и столярную. А которые возраста двадцатилетнего, тех в разные домовые работы определить» [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 2–2 об.]. 26 января 1726 г. в определении, адресованном архимандриту Маркеллу (Радышевскому), в котором Феофан требовал подготовить именной реестр подкидышей архиерейского дома, он уточнял: «Так же крестьянских и салдацких детей впредь в школу не принимать и в церковный клир не определять, ибо после могут отторгнены быть в иное дело и учение их вотще будет» [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 3]. Указ Новгородской духовной консистории от 26 июля 1726 г. запрещал посвящать в священнические и причетнические чины лиц, положенных в подушный оклад [НИА СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 71. Л. 3].

Можно предположить, что Феофан (Прокопович) руководствовался здесь нормами Духовного регламента, автором которого был сам, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что дело обстояло не совсем так. В частности мы находим в этом законодательном акте следующие предписания: «Вельми ко исправлению Церкви полезно есть сие, чтоб всяк епископ имел в доме или при доме своем школу для детей священнических или **и прочих**, в надежду священства определенных» [Духовный регламент. О еписко-

обученным, которые при том свидетельстве должны присматриваться и навекать лутшаго церковных церемоний благочиния, а не читать учиться» [НИА СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 71. Л. 175–176 об.].

пах. 9]. В другой части документа сказано: «Должны вси протопопы и богатшии и священники детей своих присылать во Академию. Мощно тоеж указать и **градским лучшим приказным людям**» [Духовный регламент. Дома училищные. 14]. Так поступали предшественники Феофана на новгородской кафедре.

В 1726 г. были расформированы славянская, латинская, партикулярные и епархиальные школы². При архиерейском доме в Новгороде осталась только греческая школа, учителем в которой был архимандрит Филимон. Инициатива закрытия партикулярных и епархиальных школ, видимо, шла от духовенства Новгородской епархии, которое тяготилось не только сбором средств на содержание школ, но и необходимостью отдавать своих детей в школы, предпочитая обучать их дома. Об этом свидетельствует датированная 19 марта 1726 г. отписка служителей Новгородского архиерейского дома Феофану (Прокоповичу). В ней сказано, что начиная с 29 сентября 1722 г. в Новгородской епархии ежегодно с церковнослужителей собирается по тринадцать копеек на каждую четверть земли, «которые и употреблялись в дачю обретающимся в Новгороде и Новгородской епархии партикулярных школ учителем в трактament, а учеником на одежду и обувь и харчевые припасы и в прочие домовые расходы обще в домово́й суммы. Точию от тако́ва вышеписанного расположения помянутые церковнослужители от оно́го платежа несносную трудность несут» [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 41–41 об.]. Авторы документа просили владыку сумму сборов уменьшить в половину, а партикулярные школы закрыть. При этом детей учить при церквях грамотным священникам и причетникам. Собственноручной резолюции Феофана (Прокоповича) на документе нет, но в помете сказано: «Его архиерейство изволил объявить, что о вышеозначенном резолюция имеется на судейских докладных пунктах». К сожалению, нам не удалось обнаружить эти докладные пункты, но известно, каков был результат этого дела — школы были закрыты, а сумма сборов на школы с духовенства епархии уменьшена. Какие причины побудили Феофана к закрытию школ? Сыграли ли в принятии этого решения ключевую роль только факторы материального характера?

² Точная дата закрытия этих школ нам неизвестна.

Ответ на этот и другие вопросы попробуем дать, рассмотрев судьбы учеников архиерейской школы.

Чрезвычайно важным источником для решения поставленной задачи являются ведомости об учащихся славянской, латинской и греческой школ, составленные в конце 1725 — начале 1726 г. и дающие представление о состоянии школ накануне их закрытия [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 42–43 об., 44–45 об., 46–46 об., 47–47 об.]. Состав учащихся греческой школы после 1726 г. отражают раздел итоговой ведомости 1727 г. об учениках Новгородской школы за 1706–1727 гг., в котором названы ученики «ныне обретающиеся при грекославенской архиерейской школе» [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 143–144], а также обнаруженные нами в ГАНО три списка учеников «эллиногреческой» школы, составленные в ноябре 1727 г., апреле 1728 г. и феврале 1729 г. [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 166. Л. 71 об.; Д. 167. Л. 5–10, 15–18 об.].

Изучение судеб учеников после расформирования школ в 1726 г. начнем с анализа ведомостей славянской и латинской школ. Если с латинской школой все выглядит однозначно, поскольку в итоговой ведомости 1727 г. есть отдельная ведомость этой школы, то учеников славянской школы, учившихся у иподиакона Федора Максимова и певчего Варфоломея Федорова (они, похоже, преподавали параллельно) накануне расформирования, нужно выявлять из раздела итоговой ведомости, в котором названы ученики, которые учились в школе с 1718 по 1726 г. Сравнение ведомостей учащихся славянской школы, составленных в сентябре 1725 г., с итоговой ведомостью 1727 г. дает следующие результаты. В славянской школе у Федора Максимова числилось 39 учащихся, из них 9 человек ученики, присланные из других епархий [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 44–45 об.]. Из 30 учеников «новгородцев», по данным ведомости 1727 г., прекратили обучение в школе в 1726 г. — 18 человек³. Из них пятеро были отправлены учиться ремеслу. Остальные в боль-

³ Из школы были исключены все ученики, но в итоговой ведомости 1727 г. только напротив имен 18 человек, учившихся у Федора Максимова, стоит 1726 г. Другие ученики либо покинули школу раньше, например сбежали в 1725 г. [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 45–45 об.], либо не были включены в итоговую ведомость.

шинстве своем «живут ныне при домех отцов своих без определения чина» [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 135–138 об.]. Похожая ситуация была и в славянской школе у Варфоломея Федорова, у которого училось 29 человек [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 46–46 об.]. Из них, по данным итоговой ведомости, в 1726 г. школу покинуло 19 человек [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 135–138 об.]. Шесть человек из славянской школы было взято в греческую школу: четверо от Федора Максимова, двое от Варфоломея Федорова. Из 24 человек расформированной латинской школы четверо были отправлены учиться ремеслу, а двое подкидышей возвращены в греческую школу. Остальные либо произведены в церковные чины, либо жили при родителях «без определения чина» [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 139 об.–141 об.].

Интересен тот факт, что из восьми учеников, переведенных в греческую школу в 1726 г., шестеро были детьми крестьян или подкидышами. К сожалению, сведения о том, что изучали ученики в греческой школе, сохранились только в итоговой ведомости 1727 г. В ней названы имена 19 учеников, шесть из которых изучили греко-славенскую грамматику и учат «пиитики вторую часть», семь человек изучают греческую грамматику, а шесть человек учатся читать по-гречески [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 143–144]. Изучение списков учеников позволяет судить о численном и персональном составе школы. Данные, сохранившиеся в трех вышеупомянутых списках школьников из ГАНО, свидетельствуют о том, что в 1727 г. число учеников греческой школы возросло до 22 человек, а в 1728–1729 гг. уменьшилось — до 13⁴ [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 166. Л. 71 об.; Д. 167. Л. 5–10, 15–18 об.]. В итоговой ведомости 1727 г. в школе числится 19 человек, а в списке школьников «эллиногреческой» школы, сохранившемся в «Ведомости о состоянии Новгородского архиерейского дома», — 22 человека [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 166. Л. 71 об.]. Оба документа были созданы в 1727 г., но не содержат

⁴ Возможно, число учащихся греческой школы осталось прежним, поскольку в документах ГАНО за 1728 и 1729 гг. речь идет только об учениках, положенных в подушный оклад. Если посмотреть на социальный состав учащихся, то из 22 учеников только 9 были детьми священно- и церковнослужителей, 13 человек были детьми крестьян или подкидышами.

указания на точную дату, поэтому определить, какой документ был составлен раньше, можно только сравнивая персональный состав учеников. В обоих документах совпадают имена только 15 человек. Из ведомости 1727 г. в список школьников не попали четыре человека: Феофилакт Сергиев, Матфей Васильев, Петр Савельев, Максим Петров. Последние трое — крестьянские дети, которые поступили в греческую школу в 1726–1727 гг. и до этого ничего не учили. Не имея никакого образования, они сразу приступили к изучению греческого языка и, по всей видимости, не справились с этим предметом и были отчислены. По какой причине в списке школьников нет имени подкидыша Феофилакta Сергиева, учившегося в греческой школе с 1719 г., непонятно. Его имя встречается в списках учеников греческой школы в 1728 и 1729 гг. [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 167. Л. 5 об., 15].

В списке школьников «эллиногреческой» школы есть имена семи человек, которых мы не встречаем в ведомости 1727 г. Имена многих из них есть в поздних документах, связанных с деятельностью школы. На основании чего можно сделать вывод о том, что список школьников ГАНО был составлен позднее, чем ведомость 1727 г. Увеличение состава греческой школы после составления ведомости 1727 г. произошло за счет учащихся славянской и партикулярной Розважской школ. Пять человек были приняты в школу из славянской школы: от Федора Максимова — Агапий Иванов и Иван Гаврилов; от Варфоломея Федорова — Семен Семенов, Михаил Петров и Максим Михайлов. Два человека из Розважской школы — Матвей Савельев и Петр Еремеев.

В связи с сокращением числа учеников и расформированием школ в Новгородской епархии при Феофане (Прокоповиче) отдельный интерес представляет судьба подкидышей, учившихся в школах. При Новгородском архиерейском доме со времени правления митрополита Иова наряду с образовательным (школы) осуществлялся также и большой социальный проект, который состоял в том, что за счет средств Новгородской епархии содержались в Новгороде несколько госпиталей, где жили не только больные и престарелые, но также малолетние сироты (подкидыши). Когда эти сироты достигали подходящего возраста, их определяли в школу при архиерейском доме.

После издания указа Феофана (Прокоповича) 17 января 1726 г. об обучении в школе подкидышей судья архиерейского дома архимандрит Маркелл (Радышевский) доносил 7 марта 1726 г. владыке, что подкидыши «розобраны, ис которых в Москву посылаются четыре человека в разные науки, в том числе из школы два человека: Марк Иванов книжному переплету и золочения, Трефилий Тарасиев к шерной науки, чтоб знал отливать медные всякие плащи к шерам и прочее. <...> Да ныне к вашему преосвященству в Санкт-Питербурх посылаются четыре человека для науке во дворце, а имянно: приспешницкаго и кухарнаго художества школьник Тарас Иванов, из домовых служебников Иосиф Иванов, приспешницкого домовою же служебник Антроп Нестеров, школьник Артемей Корнильев поваренного художества. Да в здешнем Великоновгородском вашего преосвященства доме определены быть в столярную работу три человека, а в живописную из школы греческой и латинской, котории неудобнии к научению по времени отдадутся» [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 7–7 об.]. Из упомянутых в доношении школьников, два — Артемий Корнильев и Марк Иванов — были взяты из латинской школы, Трефилий Тарасиев — из славянской, Тарас Иванов — из партикулярной Розважской. В ведомостях учеников этих школ все получили плохие оценки [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 42 об., 43, 44 об., 48 об.].

В связи с делом о подкидышах 9 марта 1726 г. Феофану (Прокоповичу) были направлены реестры учеников греческой и латинской школ, в которых было отмечено, «кто годен во учении и кто негоден», «кто дому архиерейскаго и кто не архиерейскаго», «кто подкидыш и кто не подкидыш», «чиего отца сын». Из 17 учеников, учившихся в греческой школе у учителя архимандрита Филимона, ни один не назван подкидышем [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 12]. В латинской школе у студента Павла Горошковского училось 44 человека: 23 латинскому языку, 10 «славенской грамматики, а ныне учащи десятословия в той же латинской школе», 8 «по руски учатся в той же латинской школе», 3 «из немецкой школы переведены в латинскую и обучаются десятословия» [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 13–14 об.]. Ни один из этих учеников также не назван подкидышем.

В конце марта 1726 г. был составлен реестр подкидышей и госпитальных обывателей архиерейского дома, прислать который Феофан (Прокопович) требовал еще в январе [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 25–26 об.]. В реестр включены имена 39 «в домовых школах учащимся школьником», которые «в питомстве и протчем от дому доволствуются». Из греческой школы 11 человек, 9 из которых в мартовском реестре учеников греческой школы названы детьми архиерейского дома. Один только Дмитрий Данилов в реестре греческой школы не назван и ни в одной известной нам школьной ведомости не фигурирует. Из латинской школы названы имена 9 школьников, а из славянской — 20. В реестр подкидышей внесены имена Артемия Корнильева и Марка Иванова, которые в мартовском реестре учеников латинской школы не значатся, поскольку уже были от школы отстранены и отправлены для обучения ремеслу в Москву и Петербург.

По какой причине одни и те же ученики в разных документах то именуются «подкидышами», то нет? Вряд ли это можно отнести к вольной трактовке термина «подкидыш», используемого составителями документа, тем более, что социальное происхождение школьников было хорошо известно. Вероятно, это связано с целью запроса сформулированного в документе. В реестре подкидышей и госпитальных обывателей напротив имен школьников написан возраст, в котором они были приняты в госпиталь или школу. При чтении реестра напрашивается вывод о том, что речь идет не о подкидышах в прямом смысле этого слова, а о сиротах — детях крестьян, служебников и духовенства архиерейского дома, которые в очень раннем возрасте остались без попечения родителей и были определены в госпиталь. Достигнувших «школьного» возраста отдавали в школу, при этом они, очевидно, продолжали жить при госпитале, сохраняя статус госпитального обывателя, одновременно приобретали новый статус «школьного ученика».

Следующая партия подкидышей/сирот была отправлена из Новгорода в Москву на фабрику голландца Ивана Тамеса в том же марте 1726 г. В доношении от 23 марта архимандрит Маркелл писал архиепископу Феофану (Прокоповичу): «...из оных подкидышей отправлено ныне к помянутому иноземцу в Москву для научения показанного художества двенадцать человек, в том числе женска

пола четыре человека» [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 21]. Имена отправленных в Москву подкидышей можно реконструировать с помощью росписи учеников, прошедших обучение на фабрике И. Тамеса. Роспись составлена в январе 1730 г. и в ней названы имена семи школьников. Пятеро из них числятся в реестре подкидышей и госпитальных обывателей: из латинской школы — Аврам Прокофьев и Аникий Феокистов, из славянской школы — Никита Семенов, Иван Павлов и Тимофей Петров [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 25 об.–26]. Два школьника в этом реестре не значатся — Аввакум Федоров, учившийся в славянской школе у Федора Максимова⁵, и Гавриил Семенов сын Дубровин, имя которого в ведомостях учеников найти не удалось.

Дополнительные сведения об отправленных в Москву в марте 1726 г. школьниках можно найти в реестре нищих и школьников, обретающихся в Новгородском архиерейском доме. Документ содер­жится в деле, имеющем общее заглавие: «Столп о положенных в подушной оклад домовых школьников и гошпитальных, и о платеже за оных из дому подушных денег 1727 года июля 30 дня и 728 и 729 годов» [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 167]. Архиепископ Феофан (Прокопович) повелел о содержащихся в домовых госпиталях нищих и больных, а также и о подкидышах в школах прислать в архиерейскую кантору реестр. В деле содержатся реестр за 1728 г. и докладная выписка 1729 г. В апреле 1728 г. архимандрит Серафим отослал владыке «Реэстр, колико в доме великоновоградскаго архиерея в домовных гошпиталех и школах, и в других службах обретаются нищедствующих, странных и на одрех лежащих и школников, с которых в подушной оклад от генералитета спрашиваются деньги» [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 167. Л. 5–10]. В реестре 1728 г. названы имена 60 школьников (13 учащихся «еллиногреческой» школы, 47 человек, из школ выбывших); 11 госпитальных обывателей; имена 23 крестьян и бобылей. Всего в реестре значится 94 человека. Эти же данные повторяются в докладной выписке 1729 г., в ней отсутствуют только имена 23 крестьян и бобылей, а также отличается

⁵ Аввакум Федоров, крестьянский сын Пидебской волости, два года находился в чтении букваря и письме и один год в грамматике и получил хорошие оценки [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 44].

число «выбывших» из школы — 48 человек и, соответственно, общее число госпитальных обывателей и школьников составляет 72 человека [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 167. Л. 15–18 об.]. Помимо названных в росписи 1730 г. семи человек в реестре 1728 г. названы обретающимися в Москве в разных науках Оксен Юрьев, Плеской волости крестьянский сын, Гавриил Богданов, подкидыш, и Тимофей Дмитриев, о происхождении которого составителям реестра было ничего не известно. Рядом с именем Оксена Юрьева сделана приписка «умре». Возможно, он и был восьмым школьником, отправленным на фабрику Тамеса в 1726 г., и по причине смерти его имени не оказалось в росписи 1730 г.

На этом отправки школьников для обучения ремеслу временно прекратились, хотя в письме к архиепископу Феофану от 26 июня 1726 г. И. Тамес просил прислать к нему на фабрику еще 20 человек «ззорных» детей из Новгорода. Владыка повелел послать, если остались [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 79]. На что из Новгородского архиерейского дома ответили, что «оных подкидышев, кроме самых малолетних вашего архиерейства в здешнем Новгородском доме не обретается и угодных ко оной посылке из подкидышев не имеется» [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 54]. Последняя известная нам сегодня отправка учеников Новгородской школы в Москву для обучения ремеслу состоялась в январе 1730 г. Из Новгорода были отправлены шесть учеников греческой школы⁶: «домовых вотчин Тесовской и Пидебской волостей крестьянские дети» — Фока Тимофеев, Михаил Конанов, Матфей Савельев, Павел Антонов; «понамарской сын» Петр Еремеев; сын служебника Юрьева монастыря Илья Иванов [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 71–72, 75–76]. Они поступили в школу в 1720, 1721, 1722 и 1724 гг. соответственно, изучили грамматику церковнославянского языка, а также греческого языка до разных разделов, все умели читать и писать по-русски и по-гречески.

Продолжала ли школа работать после отъезда этих учеников? Сегодня мы не знаем ответа на этот вопрос, документы нам неизвестны. Видимо, в начале 30-х гг. XVIII в. школу покинул учитель

⁶ В документах они названы подкидышами.

архимандрит Филимон, ставший настоятелем Нередицкого монастыря [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 336. Л. 22 об., 27–28].

Судьбы учеников архиерейской школы после 1726 г. сложились по-разному. Большая часть детей духовенства была от школы «отрешена» и отправлена в дома своих отцов без определения чина. Дети духовенства получили фактическое освобождение от обучения в школе. Архиепископ Феофан (Прокопович), в отличие от своего предшественника Феодосия (Яновского), не был, по-видимому, сторонником того, чтобы духовенство его епархии в обязательном порядке должно было изучать грамматику церковнославянского языка, считая, что для ставленников достаточно традиционного «букварного» обучения. После ликвидации славянского класса (школы) в Новгородской архиерейской школе исчезла двухуровневая система обучения — изучение грамматики церковнославянского, а затем грамматики греческого языка. Сама школа в документах конца 20-х гг. XVIII в. именуется уже не «грекославенской», а «эллиногреческой».

В школе остались преимущественно сироты — дети духовенства, крестьян и служащих архиерейского дома. Далее вступала в действие, по-видимому, тенденция к превращению архиерейской школы в сословное учебное заведение, которая вела к тому, что сироты, не имевшие шансов получить места священнослужителей, исключались из школы и отправлялись учиться ремеслу.

К сожалению, фрагментарность сохранившихся источников не дает нам пока возможности определить причины такого отношения Феофана к архиерейской школе в Новгороде. Здесь, однако, надо принять во внимание тот факт, что при Феофане в Новгородской епархии существовали две независимые друг от друга архиерейские школы — школа собственно в Новгороде и школа в Петербурге на Карповском подворье, которая была заведена Феофаном (Прокоповичем) еще в бытность его псковским архиереем. Став архиепископом Новгородским владыка, по-видимому, уделял гораздо больше внимания своей школе (семинарии) на Карповке [Салоников, Суториус 2022]. Возможно, именно это отношение Феофана к школе на Карповке имело решающее значение для судьбы архиерейской школы в Новгороде и ее учеников. При этом у Феофана, видимо, не было препятствий к тому, чтобы в его школе в Петербурге учи-

лись дети представителей разных сословий, а не только дети духовенства «в надежду священства». Как мы можем судить по сказкам (показаниям), взятым у семинаристов в марте 1738 г., из 13 учеников, поступивших в школу до 1730 г., шестеро были детьми военных (солдат, прапорщика, драгуна), 1 — сын дворцового живописца, 1 — сын дворового человека, 1 — калмык, 1 — сын подьяка, 1 — сын певчего, 1 — сын сторожа, 1 — сын попа [РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 405. Л. 49–56].

Деятельность архиерейской школы в Новгороде возобновилась в 1732 г., после издания синодального указа 1731 г. о содержании школ при архиерейских домах для обязательного обучения детей духовенства [ГАО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 248. Л. 52–53 об.], и в феврале 1733 г. судья архиерейского дома архимандрит Андроник докладывал Феофану (Прокоповичу), что в школу было собрано 25 церковнических детей [ГАО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 272. Л. 15]. Обучение в школе продолжилось тем же учителем, Федором Максимовым, по тому же учебному плану, и, отчасти, тех же учеников, что и до вынужденного кратковременного перерыва, поэтому мы не видим оснований для того, чтобы проводить здесь хронологическую границу между разными периодами в истории Новгородской школы. Скорее эту границу надо отнести к 1726 г., когда были закрыты епархиальные школы, а также латинский и славянский классы в Новгороде, или к 1738 г., когда в школе с прибытием учителя Иоанна Ястремского было заведено учение по киевско-иезуитской модели.

Литература и источники

Вознесенская И. А. Новгородская архиерейская школа // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 24–26 мая 2004 г. / Отв. ред. В. Л. Янин и Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2009. С. 55–59.

Вознесенская И. А. Новгородская школа братьев Лихудов // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 205–235.

ГАО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 166. Донесения монастырей Новгородской епархии архиепископу Феофану с ведомостями о приходе и расходе денег и провианта.

ГАО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 167. Донесения с мест архиепископу Феофану о сборе подушного оклада со списками обывателей архиерейского дома, школьников, нищих и подкинутых детей.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 248. Указы Синода за 1731 г.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 272. Дело об обучении в школах детей священнослужителей.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 336. Указы архиепископа Феофана в Новгородский архиерейский разряд.

Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца Всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената в царствующем Санктпетербурге в лето от рождества Христова 1721, сочиненный. 2-е изд. М., 1861. 198 с.

НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Рапорты о школьниках и подкидышах. 1726 г.

НИА СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 71. Указы митрополитов новгородских и великолукских Феодосия и Феофана архимандриту Тихвинского Большого монастыря Павлу.

Новгородские архиерейские школы: сб. документов: В 2-х т. Т. 1: 1706–1727 гг. / Сост.: Н. В. Салоников, К. В. Суториус. Великий Новгород, 2022. 788 с.

РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Дело о составлении ведомостей о числе школ и учеников в епархиях со времени учреждения Св. Синода и об источниках их содержания.

РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 405. Дело об имуществе, оставшемся после смерти преосвященного Феофана (Прокоповича), архиепископа Новгородского.

Салоников Н. В. Новгородская школа братьев Лихудов при Феофане (Прокоповиче): обзор документов ГАНО и Архива СПбИИ РАН // НИС. Великий Новгород, 2017. Вып. 17 (27). С. 182–196.

Салоников Н. В., Суториус К. В. Архиерейские школы Новгородской епархии при Феофане Прокоповиче // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1047–1064.

Салоников Н. В., Суториус К. В. Подготовка учителей грамматики церковнославянского языка в Новгородской архиерейской школе (1723–1725 гг.) // НИС. Великий Новгород, 2020. Вып. 19 (29). С. 397–426.

Страхова О. Б. Новгородская школа братьев Лихудов // *Cyrrillo-methodianum*. Thessaloniki, 1988. Vol. 12. P. 109–123.

Собрания старообрядческих книг Новгородской духовной семинарии и «Братства Св. Софии» в контексте «внутренней миссии»

И. А. Мельников

*Новгородский государственный объединенный музей-заповедник;
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия*

Аннотация. Статья знакомит с историей формирования собраний рукописных и старопечатных книг, бытовавших у старообрядцев, которые хранились в составе библиотек Новгородской духовной семинарии и «Братства Св. Софии». Как и в других регионах, эти собрания возникли во второй половине XIX в. в силу необходимости ведения полемики с представителями старообрядчества и сектантства, что являлось важной частью так называемой «внутренней миссии» Греко-Российской церкви. Их основу составили рукописи, конфискованные в старообрядческих общинах Новгородской губернии, а также у частных лиц в ходе правительственных преследований религиозных диссидентов. В настоящее время часть книг сохранилась в фондах ОР РНБ, а также ОПИ НГОМЗ. Эти собрания, включающие рукописи и старопечатные книги XVI–XIX вв., являются важной источниковой базой, характеризующей книжную культуру старообрядчества Новгородского региона, которая во многом была продолжением традиций средневековой Руси.

Ключевые слова: библиотеки, старообрядчество, Великий Новгород, миссионерство, Греко-Российская церковь, Новгородская духовная семинария

Collections of Old Believers Books of the Novgorod Theological Seminary and the “Brotherhood of St. Sophia” in the Context of “Internal Mission”

Ilya A. Melnikov

*Novgorod State United Museum; Yaroslav-the-Wise Novgorod State
University, Veliky Novgorod, Russia*

Abstracts. The article introduces the history of the formation of collections of handwritten and old printed books that were kept among the Old Believers, which

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-312-60001).

then were transferred in the libraries of the Novgorod Theological Seminary and the missionary Brotherhood of St. Sophia. As in other regions, these collections arose in the second half of the XIX century due to the need to conduct polemics with representatives of the Old Believers and sectarianism, which was an important part of the so-called “internal mission” of the Greek-Russian Church. They were based on manuscripts confiscated in the Old Believers communities of the Novgorod province, as well as from private collections in the course of government persecution of religious dissidents. At present, some of the books have been preserved in the funds of the National Library of Russia, as well as the Novgorod State Museum-Reservation. These collections, which include manuscripts and early printed books of the XVI–XIX centuries, are an important source base characterizing the book culture of the Old Believers in the Novgorod region, which in many respects was a continuation of the traditions of Medieval Russia.

Keywords: Libraries, Old Believers, Veliky Novgorod, missionary work, Greek-Russian Church, Novgorod Theological Seminary

Среди источников по истории старообрядчества важное место занимают региональные собрания старопечатной и рукописной книги. Формирование некоторых из них начиналось в XVIII–XIX вв. при духовных учебных заведениях, либо консисториях, при этом поступление книг, бытовавших в среде ревнителей «старой веры», было обусловлено развитием активной «внутренней миссии». Под ней современные исследователи православной церковной направленности подразумевают борьбу с религиозными движениями старообрядчества и «сектантства» [Ефимов 2007, с. 395–439; Байстрюченко, Ковальская 2007]. Необходимость полемики с «раскольниками» толкала служителей алтаря к исследованию объектов их миссии. При этом не только использовались методы этнографического описания обрядов и обычаев религиозных диссидентов, но и проводилась относительно систематическая работа с письменными источниками богатой книжной традиции русского старообрядчества.

Целью такой работы церковных «расколоведов» прошлого было выяснение особенностей вероучения староверов с помощью собирания памятников старообрядческой книжности, изучения и последующей интерпретации литературных произведений старообрядческих авторов. Поэтому можно сказать, что деятели Греко-Российской церкви в данном случае действовали как археографы, при этом цели перед ними стояли далеко не научные — идеологическое развенчание и преследование оппонентов. Тем не менее

книжные собрания, сформировавшиеся в результате этой деятельности, дают представление не только о старообрядческой книжности регионов, но и о принципах борьбы с инакомыслием, а также критериях «дозволенности» используемых в личном и общественном обиходе текстов. Целью нашего исследования является рассмотрение в контексте «внутренней миссии» двух подобных собраний, сформированных в Новгороде в XIX — начале XX столетия. Это коллекции старообрядческих книг библиотеки Новгородской духовной семинарии [ОР РНБ. Ф. 522] и миссионерского «Братства Св. Софии» [ОПИ НГОМЗ]. Стоит отметить, что эта немаловажная часть упомянутых собраний не оказывалась ранее объектом отдельного изучения.

Предыстория возникновения старообрядческих книжных коллекций семинарии и «Братства Св. Софии» непосредственно связана с развитием «внутренней миссии» и преследования «раскольников» на территории Новгородской губернии. Отдельные «противораскольниковские» увещательные сочинения создавались новгородскими церковными деятелями еще в XVIII в. В 1707 г. в Москве вышел «Увещательный ответ от писаний» Новгородского митрополита Иова, в котором опровергались слухи о рождении антихриста и близкие староверам эсхатологические чаяния [Иов, митрополит 1707], в середине XVIII в. со старообрядцами полемизировал бывший насельник Выговской пустыни, священник Николо-Дворищенского собора Алексей Иродионов [Иродионов 1884]. В 1773 г. специальным указом Екатерины II по Новгородской епархии церковным служителям повелевалось произносить публичные проповеди против старообрядцев [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1472. Л. 1], а также увещать их в духовных судах, «не чиня им телесного наказания и угроз, но употребляя вместо того одно токмо пристойное... увещание» [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1468. Л. 1 об.].

Однако настоящее оживление миссионерской деятельности в Новгородской епархии, как и на всей территории Российской империи, происходит в последней четверти XIX в. В 1885 г. было учреждено миссионерское «Братство Св. Софии» при Новгородской духовной консистории, а в 1890 г. учреждаются должности трех епархиальных миссионеров, которые должны были проводить собеседования с представителями альтернативных религиозных

направлений. Особо оговаривалась территориальная сфера деятельности каждого из них. Новгородский, Старорусский и Тихвинский уезды составляли зону ответственности первого миссионера. Второй должен был действовать в Крестецком, Валдайском и Демянском уездах. Наконец, отдельно был выделен север губернии — Устюженский, Череповецкий и Кирилловский уезды [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3457. Л. 74]. В этот период проводятся публичные собеседования со старообрядческими начетчиками, результаты которых, представлявшие версию самих миссионеров, регулярно публиковались на страницах НЕВ и отдельными брошюрами [Варсонофий (Лебедев) 1902; Несколько слов... 1913].

Немалую роль в развитии «внутренней миссии» играла Новгородская духовная семинария. Отдельный курс истории и обличения «раскола» существовал здесь как минимум с 50-х гг. XIX в., однако толчок к развитию миссионерское образование получило при Новгородском архиепископе Феофане (Лебедеве). Практически сразу после его вступления в должность в 1892 г. при духовной семинарии были учреждены внеклассные практические занятия по собеседованию со староверами [Яковцевский 1895, с. 283]. Руководил миссионерским обучением Н. А. Сперовский, на занятиях которого проявил себя ученик семинарии В. П. Лебедев, ставший впоследствии епархиальным миссионером и Кирилловским епископом Варсонофием [Стрельникова 2002, с. 25–30; Секретарь 2014, с. 158–161]. Особое внимание семинарские борцы с «расколом» прилагали к усвоению старообрядческой культуры для более успешного «обращения» крестьян. Так, по воспоминаниям современников, Варсонофий (Лебедев) научился привносить в свой разговорный язык «оттенок народной речи» и активно использовал в переубеждении старообрядцев демонстрацию книг из семинарского собрания [Стрельникова 2002, с. 27–28]. Особая роль книжности в старообрядческой традиции осознавалась и другими деятелями государственной церкви. Вот что писал по этому поводу на страницах епархиальных ведомостей священник Г. Яковцевский в 1895 г.: «Известно, что раскол мало верит логическим доводам и умозаключениям, для убеждения его нужна древле-печатная книга, в старом, почерневшем переплете, с запачканными и пожелтевшими от времени листами... А где взять было таких книг?» [Яковцевский 1895, с. 282].

Ответ на этот риторический вопрос давала сама практика борьбы с «расколом». Известно, что, наряду с «пастырскими увещаниями», вплоть до 1905 г. она носила прежде всего административный характер, а самыми востребованными методами было закрытие моленных и высылка наиболее харизматичных и богословски эрудированных наставников. Политика конфискации икон и книг в старообрядческих моленных особенно распространилась в эпоху правления Николая I. С 1827 г. изъятые при следствиях книги должны были направляться в Синод [Собрание постановлений по части раскола 1875, с. 96–96], с 1837 г. была узаконена практика их передачи в единоверческие церкви [Собрание постановлений по части раскола 1875, с. 209], однако перед этим изъятые книги и предметы культа подвергались экспертизе при духовных консисториях на предмет их соответствия религиозным нормам государственной церкви. Такой порядок был окончательно оформлен указом от 3 июня 1858 г., в котором также приводились официальные правила об изъятии старообрядческих церковных ценностей. Согласно им, конфискации подлежали все рукописи, а также книги, напечатанные без дозволения высочайшей власти. Изъятые книги должны были отсылаться в консистории, с последующей передачей в том числе на миссионерские нужды семинарий и духовных академий, либо уничтожаться [Собрание постановлений по части раскола 1875, с. 553–556].

Поскольку указ 1858 г. отменял обязательную отправку конфиската в Синод, вероятно, именно он дал начало формированию «старообрядческой» части библиотеки Новгородской духовной семинарии. Например, судьба 42 рукописных и старопечатных книг, изъятых в 1837 г. у староверов Жидиковской волости Череповецкого уезда, после их передачи в Новгородскую духовную консисторию осталась неизвестной (возможно, они поступили в дальнейшем в Синод) [РГИА. Ф. 1284. Оп. 197 (1837 г.). Д. 150. Л. 38 об.–39]. При этом книги, изъятые уже в 1859 г. полицией Крестецкого уезда у лепельского мещанина Мартына Селезнева и суражского мещанина Степана Тимофеева, были переданы в библиотеку духовной семинарии «для употребления в миссионерском отделении». Среди этих книг две рукописи были полемического и исторического характера. Они содержали решения собора старообрядческих наставников 1810 г. («Беседа в 7318/1810 раскольников о самонужнейших законных

делах»), «Повесть священнодиакона Феодора о святых отцах священнопротопопе Аввакуме, и священноиерее Лазаре и преподобном Епифании» и выписки, связанные с переселением новгородского предводителя староверов Феодосия Васильева в Невельский уезд в 1699 г. («О польских отцах»). Третья книга была изданием «Поучений Ефрема Сирина и Аввы Дорофея», напечатанным в Супрасле в 1789 г. При этом не менее интересные 5 рукописей, содержавшие эсхатологические выписки, в том числе с приложением пророчеств Апокалипсиса «к Наполеону и казакам и рати бородатых», консисторская комиссия предпочла уничтожить [ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1897. Л. 5–5 об.].

Таким образом, 50-е гг. XIX в. можно считать началом собрания старообрядческих источников в библиотеке духовной семинарии. К 1915 г. в ней уже хранилось около 130 рукописных и старопечатных книг, которые можно отнести к старообрядческим, что видно из систематического каталога библиотеки, составившегося в 1887–1915 гг. [ОР РНБ. Ф. 522. № 230. Л. 401–415 об.]. Кроме богослужебной литературы встречаются также старообрядческие полемические и исторические произведения, в частности сборник сочинений выговского киновиарха и писателя начала XVIII в. Андрея Денисова [ОР РНБ. Ф. 522. № 230. Л. 409–409 об.; об Андрее Денисове см.: Понырко 1992], «Книга глаголемая возбранник на ревностно держащих различными смертьми себе умерщвляти» бывшего ученика духовной семинарии, новгородского федосеевского наставника XVIII в. Алексея Самойлова [ОР РНБ. Ф. 522. № 225; об Алексее Самойлове см.: Мельников 2016], а также многочисленные сборники федосеевских и страннических полемических сочинений, духовных стихов XVII–XIX вв.

Пути поступления этих книг в семинарскую библиотеку удается восстановить частично. Во-первых, некоторые из них попали на страницы полицейских делопроизводственных документов, в частности упоминавшаяся ранее рукопись, «Беседа отцов духовных о самонужнейших законных делах», конфискованная в Крестецком уезде и содержащая решения, вероятно, местных наставников, против некоего Евтифея Никитина [ОР РНБ. Ф. 522. № 201]. Во-вторых, указания на конфискацию присутствуют в каталожных записях. Так, напротив недатированного рукописного «Евангелия Апракос»

стоит отметка «отобрано от раскольников» [ОР РНБ. Ф. 522. № 230. Л. 404 об.]. В-третьих, судьба книги до ее поступления в библиотеку достаточно прозрачно читается при непосредственном знакомстве с рукописями по следам их пребывания в полиции. Например, фрагменты полицейских сургучных печатей сохранились в рукописном сборнике смешанного содержания конца XVIII в., бытовавшем в Тосненском яму [ОР РНБ. Ф. 522. № 203], а записи, оставленные становым приставом, имеются на богослужебном сборнике второй половины XIX в., принадлежавшем крестьянину деревни Подберезье [ОР РНБ. Ф. 522. № 199].

Наряду с собственно старообрядческими книгами в библиотеке Новгородской духовной семинарии хранилось множество «противораскольнической» литературы, а также журналы «Церковь» и альманахов «Старая вера», издававшиеся старообрядцами после 1905 г. [ОР РНБ. Ф. 522. № 229. Л. 445 об., 543 об.]. Любопытно отметить, что в начале XX в. заведующим библиотекой чаще других назначали преподавателя курса истории и обличения раскола и сектантства, поскольку у него было меньше уроков, чем полагалось по штату [Верховской 1913, с. 9]. Это, вероятно, дополнительно способствовало пополнению библиотечного фонда старообрядческой и «антираскольнической» литературой.

Другим крупным собранием старообрядческих книг, создававшимся с теми же целями, является библиотека миссионерского «Братства Св. Софии». Оно было учреждено в 1885 г., а в 1888 г. при нем возник книжный склад в Новгороде, в числе книг которого была и «противораскольническая» литература. В 1890 г. при складе была открыта библиотека, а спустя три года к братству присоединили Миссионерское общество при Новгородской духовной консистории. В это время библиотека «Братства» закупает и распространяет антистарообрядческую литературу, покупает книги Московской единоверческой типографии. Наконец, в 1893–1894 гг. из духовной консистории в библиотеку «Братства Св. Софии» поступило 179 старопечатных и рукописных книг. Все они отпускались на руки миссионерам для борьбы с «расколом». [Отчет... 1894, с. 374–384]. Пополнение библиотеки в том числе «чрез новгородскую духовную консисторию» происходило и в дальнейшем [Деятельность... 1897, с. 1102].

Архивные документы фиксируют неоднократные передачи конфискованных книг в «Братство», активизировавшиеся в последнем десятилетии XIX в. Довольно наглядно в них проступает также мотивация духовенства, зачастую запрещавшего не только книги, «опасные» содержанием (полемиическая, историческая и апокрифическая литература), но даже обычные богослужебные книги в дониконовской редакции. Далеко не всегда в качестве аргумента использовалось отсутствие в них выходных данных. Например, в 1895 г. в библиотеку «Братства» были переданы книги «Евангелие» и «Пролог» из моленной деревни Запередолье Новгородского уезда. Экспертное заключение, составленное в духовной консистории, гласило, что книги «хотя не заключают в себе вредных приписок и учения, не согласного с духом православной церкви, но как напечатанные в раскольническом духе, с обычным счетом листов в конце страниц и с изменением в тексте речи некоторых слов и выражений, по сравнению с употребляемыми в православной церкви книгами, передать в противораскольническую библиотеку, учрежденную при книжном складе Новгородского Епархиального Братства Святой Софии, для пользования ими и руководства епархиальных противораскольнических миссионеров при собеседованиях со старообрядцами» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 130 (1895 г.). Л. 16 об.]. Таким образом, подборка книг «Братства», как и духовной семинарии, была достаточно пестрой и включала не только и даже не столько учительные и апологетические произведения, необходимые в полемических целях, но и богослужебные издания, бытовавшие у староверов.

Более подробные сведения об источниках поступления старообрядческих книг в это заведение дает «Каталог старопечатных и старописьменных книг библиотеки братства Св. Софии», составленный в июле 1903 г. [ОПИ НГОМЗ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 2–5 об.]. Согласно документу, старообрядческое происхождение имели 190 памятников книжности, что на тот момент составляло более $\frac{2}{3}$ всего собрания старопечатной и рукописной книги «Братства». В тексте отмечено, откуда они поступили: из Тихвинской единоверческой церкви (бывшей до 1854 г. старообрядческим монастырем поморского согласия), старообрядческого скита на Ильюшкином острове, а также домашних моленных крестьян Новгородского, Крестецкого, Череповецкого, Валдайского и Устюженского уездов.

Среди книг — издания Московского печатного двора первой половины XVII в., а также рукописи XVI–XIX вв., датировка которых в каталоге не указана, но известна благодаря тому, что их часть в настоящее время хранится в собрании старопечатной и рукописной книги НГОМЗ (Ил. 17).

В 1920-е гг. рукописи Новгородской духовной семинарии были переданы в ГПБ (ныне — РНБ) [Градова 2001, с. 187–191], книги «Братства Св. Софии» — в Новгородский музей древностей¹. К сожалению, в настоящий момент собрания дошли не полностью, однако они в значительной степени характеризуют книжность старообрядчества Новгородского региона в XVIII–XIX вв., которая во многом была продолжением древнерусской традиции. Старообрядческие собрания включали в себя как дореформенные памятники, так и книги, переписывавшиеся и издававшиеся самими староверами. Их изучение открывает новые перспективы в понимании развития староверческой культуры на древней Новгородской земле. Парадоксальным образом это стало возможным благодаря систематической борьбе с самим феноменом старообрядчества, особенно активизировавшейся в период правительственных преследований «раскола» XIX столетия.

Литература и источники

Байстрюченко С. Г., Ковальская Е. Ю. Внутренняя миссия как церковный институт во 2-й половине XIX — начале XX в. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2007. С. 51–55.

Варсонофий (Лебедев), иером. Старообрядцы-беспоповцы, обличенные в неправоте своей веры в своей же моленной. Новгород: Губернская тип., 1902. 23 с.

Верховской П. В. Библиотека Новгородской духовной семинарии и ее сокровища. Варшава: тип. Варшавского Учебного Округа, 1913. 12 с.

ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1897. Переписка с департаментом общих дел Министерства внутренних дел, Губернского правления и Духовной

¹ Помимо рукописей, конфискованных у староверов, в настоящее время в ОПИ НГОМЗ хранится немалое количество книг, поступивших в «Братство Св. Софии» из новгородских церквей и монастырей, подаренных церковными иерархами, а также целенаправленно закупавшихся для формирования библиотеки в конце XIX — начале XX в. (Ил. 17).

консистории о раскольниках, сведения земских судов о содержании отобранных у раскольников книг и вещей.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3457. Раскольнические руководящие бумаги и списки приходов, зараженных расколом.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1468. Указы Новгородской духовной консистории о мерах воздействия на людей, уклонившихся от православия.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1472. Указ Новгородской духовной консистории об увещевании раскольников о переходе их в православие.

Градова Б. А. Из истории поступления библиотеки Новгородской духовной семинарии в Государственную Публичную библиотеку // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения», 11–14 мая 1998 г. / Отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. С. 187–191.

Деятельность Новгородского епархиального Братства Св. Софии (Отчет Совета Братства за 1897 г.) // НЕВ. 1898. № 17. С. 1094–1103.

Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 688 с.

Иов, митрополит. Ответ краткий на подметное письмо о рождении сими времени антихриста. М.: Печатный двор, 1707. 12 л.

Иродионов А. Протоиерея Алексея Иродионова сочинения о расколе. М.: Н. Субботин, тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1884. 220 с.

Мельников И. А. Деятели российского старообрядчества среди выпускников Новгородской семинарии // НИС. Великий Новгород, 2016. Вып. 16 (26). С. 252–259.

Несколько слов по поводу собеседования архимандрита Варсонофия с начетчиком австрийского окружнического толка Д. С. Варакиным, бывших в зале Старорусского духовного училища 30 и 31 декабря 1912 г., 1 и 2 января сего 1913 года. Новгород: Губернская тип., 1913. 25 с.

ОПИ НГОМЗ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 105. Каталог старопечатных и старописьменных книг библиотеки братства Св. Софии.

ОР РНБ. Ф. 522. № 201. Беседа отцов духовных о самонужнейших законных делах. 1810 г.

ОР РНБ. Ф. 522. № 203. Сборник богослужебный. Начало XIX в.

ОР РНБ. Ф. 522. № 199. Сборник богослужебный. Середина XIX в.

ОР РНБ. Ф. 522. № 230. Систематический каталог книг библиотеки Новгородской духовной семинарии. Духовная литература.

Отчет Совета Новгородского Епархиального братства Св. Софии Премудрости Божией за восьмой год существования братства // НЕВ. 1894. № 9. С. 374–384.

Понырко Н. В. Андрей Денисов Вторушин // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 78–81.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 197 (1837 г.). Д. 150. По отношению графа Бенкендорфа, об отступивших от православия в феодосиевскую секту крестьянах Новгородской губернии Жидиковской волости Череповского уезда. Тут же и о моленных в деревнях Углу и Починки.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 222 (1895 г.) Д. 130. По прошению доверенного раскольников нескольких селений Тесовской волости Новгородской губернии и уезда крестьян деревни Усадищ Ивана Гнилина об открытии существовавшей в деревне Запередолье в доме крестьянки Сидоровой раскольнической моленной и о возвращении отобранных из нея богослужебных принадлежностей.

Секретарь Л. А. Новгородская духовная семинария. История в лицах. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2014. 255 с.

Собрание постановлений по части раскола. СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1875. 694, 65 с.

Стрельникова Е. Священномученик Варсонофий, новгородский миссионер // София. 2002. № 3. С. 25–33.

Яковцевский Г. Борьба с расколом в Новгородской епархии // НЕВ. 1895. № 5. С. 282–283.

Начальный этап становления высшего исторического образования в Великом Новгороде. 1932–1936 гг.

Н. С. Федорук

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого;
Государственный архив Новгородской области,
Великий Новгород, Россия*

Аннотация. В данной статье предпринята попытка реконструировать основные события, характеризующие начальный этап 90-летней истории высшего исторического образования в Великом Новгороде. Подготовка историков, учителей истории в Великом Новгороде началась с 1 октября 1932 г. на базе Новгородского государственного педагогического института. Но до настоящего времени, по причине недостаточного количества сохранившихся источников, период 1932–1936 гг. был весьма слабо изучен исследователями. В течение этого периода институт был преобразован из педагогического в учительский, срок обучения студентов с 4 лет снизился до 2 лет, менялся статус подразделений института, отвечавших за подготовку студентов-историков, менялся кадровый состав преподавателей кафедры истории НГПИ–НГУИ, изменялись учебные планы, менялось количество студентов, обучавшихся на историческом отделении и историческом факультете института. В статье, на основе информации, извлеченной из источников, впервые вводимых в научный оборот, в хронологической последовательности рассмотрены все преобразования, определявшие цели и содержание высшего исторического образования в Великом Новгороде в 1932–1936 гг.

Ключевые слова: история образования, высшее историческое образование, Новгородский государственный педагогический институт, Новгородский государственный учительский институт

The Initial Stage of the Formation of Higher Historical Education in Veliky Novgorod. 1932–1936

Natalya S. Fedoruk

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;
State Archives of the Novgorod Region,
Veliky Novgorod, Russia*

Abstracts. This article attempts to reconstruct the main events that characterize the initial stage of the 90-year history of higher historical education in Veliky Novgorod. The training of historians and history teachers in Veliky Novgorod began on October 1, 1932 on the basis of the Novgorod State Pedagogical Institute. But until now, due to the insufficient number of surviving sources, the period 1932–1936 has been poorly studied by researchers. During this period, the institute was transformed from pedagogical to teaching, the term of student training decreased from 4 years to 2 years, the status of the institute departments responsible for training history students changed, the staff of teachers of the history department changed, curricula changed, the number of students studying at the history department/faculty of history of the institute. In the article, on the basis of information extracted from sources first introduced into scientific circulation, all the transformations that determined the goals and content of higher historical education in Veliky Novgorod in 1932–1936 are considered in chronological order.

Keywords: history of education, higher historical education, Novgorod State Pedagogical Institute, Novgorod State Teachers' Institute

Исследовательская проблема состоит в том, что изучение начального этапа становления высшего исторического образования в Великом Новгороде в 1932–1936 гг. очень слабо обеспечено источниками. В фонде педагогического института ГАНО за этот период истории сохранилось только 2 единицы хранения [ГАНО. Ф. Р-3577. Оп. 1. Д. 1, 1а] и небольшое количество личных дел преподавателей и студентов. Это не давало исследователям возможности изучить период 1932–1936 гг. подробнее. Получить больше информации о начальном этапе становления высшего исторического образования нам помогло последовательное изучение текстов всех приказов директора НГПИ–НГУИ за 1933–1936 гг. (приказы за сентябрь 1932–март 1933 гг. нами не выявлены), хранящихся в ОВА НовГУ, и текстов публикаций за 1932–1934 гг. в новгородской районной газете «Звезда». Несмотря на то, что эти сведения зачатую отрывочны, рассеяны по текстам множества документов, мы пред-

приняли попытку их обобщить, проанализировать и реконструировать основные события из истории высшего исторического образования в Великом Новгороде за 1932–1936 гг.

К началу 1930-х гг. в Новгороде уже был накоплен опыт подготовки педагогических кадров для советской школы. На территории бывшего Антониева монастыря, на базе действовавшей в нем Новгородской духовной семинарии, с 1919 г. функционировали, последовательно реорганизуясь один в другой, Новгородский институт народного образования, Практический институт народного образования, с 1923 г. Новгородский педагогический техникум. Эти учебные заведения готовили учителей для школ, работников дошкольного и внешкольного образования. На площадке Новгородского педтехникума в сентябре 1932 г. и начал работу Новгородский педагогический институт имени М. Н. Покровского.

На данный момент нормативного акта о создании в Новгороде в 1932 г. педагогического института не выявлено. Но обращение к другим источникам подтвердило, что уже в апреле 1932 г. новгородские органы власти и руководство педтехникума знали об открытии в Новгороде пединститута и предприняли меры по подготовке к этому. 30 апреля 1932 г. газета «Звезда» сообщала, что в Антоново «Приступлено к переоборудованию Агропедтехникума, где открывается педагогический институт. Общая стоимость работ 60 тыс. рублей» [Новгород изменяет свое лицо... 1932, с. 4]. Временно исполняющим обязанности руководителя НГПИ являлся директор педтехникума К. Д. Митропольский. Приказом НКП РСФСР № 293 от 19 июня 1932 г. К. Д. Митропольский был уже официально назначен директором вновь открываемого пединститута [ГАО. Ф. Р-3577. Оп. 5. Д. 1. Л. 3]. Однако до февраля 1933 г. он продолжал совмещать должность директора НГПИ и должность директора педтехникума. С 16 февраля 1933 до августа 1938 г. директором НГПИ–НГУИ являлся Пётр Мартынович Кимен [ГАО. Ф. Р-3577. Оп. 5. Д. 1. Л. 7].

Первоначально новый вуз носил наименование «Новгородский агро-педагогический институт имени М. Н. Покровского» [Объявление о приеме студентов 1932, с. 4]. Это было связано с тем, что в то время педагогические вузы страны делились на агропедвузы и индустриально-педагогические институты. К августу 1932 г. НКП

РСФСР изменил структуру высшего педагогического образования — был оставлен «один тип педвуза, готовящий кадры для техникумов и школ-десятилеток» [Митропольский 1932, с. 3]. Поэтому в более поздних документах фигурирует уже наименование «Новгородский государственный педагогический институт». Занятия студентов в пединституте предполагалось начать с 1 октября 1932 г. Для учебы в новом вузе принимались лица в возрасте 17–35 лет, окончившие средние учебные заведения, рабочие факультеты, курсы по подготовке в вуз. Принятые в вуз студенты обеспечивались стипендией 50–100 рублей, питанием и общежитием. В соответствии с плановыми цифрами приема, утвержденными НКП РСФСР, в 1932 г. на все отделения НГПИ нужно было набрать 120 студентов [Осенний прием в вузы, 1932, с. 4]. В 1932 г. в структуре НГПИ было образовано четыре отделения. В объявлении о наборе студентов они назывались так: обществоведческое, литературное, физико-математическое, био-химическое [Объявление о приеме студентов, 1932, с. 4]. В приказах директора института за 1933 г. названия отделений звучат несколько по-иному: историческое, русского языка и литературы, физико-математическое, химическое (биологическое) [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 1. Л. 17]. Четыре отделения указанного профиля позволяли НГПИ вести подготовку учителей для преподавания всех ключевых предметов средней школы. Срок обучения студентов составлял 4 года.

К 1 октября 1932 г. было проведено зачисление студентов на 1 курс по всем четырем отделениям института, в основном, это были «колхозники, бедняки, середняки и рабочие», кафедры были укомплектованы профессорско-преподавательским составом, и институт приступил к учебным занятиям [Федоров, Куликов 1932, с. 3]. Таким образом, именно с 1 октября 1932 г. начинается история высшего исторического образования в Великом Новгороде. 30 октября 1932 г. состоялась торжественная церемония открытия Новгородского пединститута [М. Открытие... 1932, с. 4].

Процесс становления высшего исторического образования в Великом Новгороде в 1932–1936 гг. проходил в непростых условиях. Это было связано с неоднократными реорганизациями вуза, изменением его статуса и внутренней структуры, изменением сроков обучения студентов и учебных планов, переводом части контингента студентов

в вузы других городов, частой сменой профессорско-преподавательского состава. Немало проблем возникало с материально-техническим обеспечением учебного процесса, оборудованием и ремонтом учебных помещений и студенческих общежитий, организацией питания и быта студентов. Только к началу 1936/1937 учебного года институт стал работать в достаточно стабильных условиях. Несмотря на трудности, в течение 1932–1936 гг. руководством НГПИ–НГУИ, заведующим и преподавателями кафедры истории постепенно решались организационные вопросы, проблемы с привлечением в институт кадров преподавателей-историков, определялись формы реализации учебного процесса, вырабатывалось содержательное наполнение учебных курсов, выстраивалась система сотрудничества с новгородскими школами, музеем, государственным архивом, с вузами и научными учреждениями Ленинграда.

По итогам первого набора студентов в 1932 г. на 1 курс исторического отделения было зачислено не менее 23 человек (7 женщин, 16 мужчин) [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 1. Л. 49]. Непосредственно за подготовку историков, учителей истории в 1932/1933, 1933/1934 учебных годах отвечало историческое отделение. Структура исторического отделения состояла всего из двух подразделений — кафедры истории и кабинета истории. Уже в середине августа 1932 г. стало известно, что заведование кафедрой истории НГПИ и преподавание курса истории Средних веков согласился взять на себя приглашенный из Ленинграда профессор, специалист по истории Франции Яков Михайлович Захер [И. Т. Педагогический институт... 1932, с. 2; Макейкина 2002, с. 130]. Должности заведующего отделением в штате института в первые два года его работы не было, поэтому все обязанности по обеспечению учебного процесса ложились на заведующих кафедрами. Кроме Я. М. Захера в 1932/1933 учебном году на кафедре истории НГПИ работали: и. о. доцента П. М. Кимен, проводивший занятия по курсу истории России и народов СССР (период феодализма), заведующий учебной частью, затем директор НГПИ; профессор М. Н. Мартынов, читавший курс лекций по истории России и народов СССР (период феодализма); профессор С. А. Семёнов-Зусер, известный антиковед, читавший курс истории Запада и Востока (доклассовое общество и античный мир); ассистент Абрам Борисович Шендерей, проводивший, видимо, практические

занятия по курсу истории России и народов СССР, секретарь ячейки ВКП(б) НГПИ. Из 5 преподавателей трое — Я. М. Захер, М. Н. Мартынов, С. А. Семёнов-Зусер — вели занятия для студентов исторического отделения приезжими из Ленинграда, так как их основным местом работы являлись ленинградские вузы [Салоников 2009, с. 402–409].

«Ввиду окончания курса» с 17 мая 1933 г. Я. М. Захер был освобожден от работы в НГПИ по его собственному желанию [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 1. Л. 23]. Перед руководством НГПИ встала задача найти другого преподавателя для чтения курса истории Средних веков на следующий 1933/1934 учебный год и нового заведующего кафедрой истории.

На 1 курс исторического отделения НГПИ к сентябрю 1933 г. было зачислено не менее 27 человек [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 222]. Пополнение контингента студентов продолжалось и в течение учебного года за счет зачисления на 1 курс тех, кто оканчивал подготовительные курсы при институте. В итоге в 1933/1934 учебном году на 1–2 курсах исторического отделения обучалось не менее 45–50 студентов.

С сентября 1933 г. заведующим кафедрой истории НГПИ стал работать профессор, известный медиевист Николай Николаевич Розенталь, приглашенный из Ленинграда [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 1. Л. 55; Лебедева, Якубский 2008, с. 12–13]. Официальное утверждение его в данной должности состоялось только 16 января 1934 г. на основании приказа № 19 НКП РСФСР по управлению подготовки учителей [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 2. Л. 8]. В 1933/1934 учебном году Н. Н. Розенталь должен был провести лекционные занятия по курсу истории Запада и Востока (период феодализма) и по курсу истории Запада и Востока (период промышленного капитализма) [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 1. Л. 56]. Поскольку основным местом работы Н. Н. Розенталя были вузы Ленинграда, то в НГПИ он вел занятия приезжая в Новгород в конце каждого месяца на несколько дней. Как заведующий кафедрой Н. Н. Розенталь входил в состав Ученого совета института. Практические занятия по курсу истории Запада и Востока за Н. Н. Розенталем вел ассистент кафедры истории, заведующий кабинетом истории Залман Телелевич Конников. Курс истории Запада и Востока (доклассовое общество и античный мир)

в 1933/1934 учебном году продолжал вести профессор С. А. Семёнов-Зусер. Он же читал лекции по курсу «Античная литература» [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 2. Л. 43]. С. А. Семёнов-Зусер тоже вел занятия в НГПИ приездами из Ленинграда. Занятия по курсу истории России и народов СССР в 1933/1934 учебном году продолжали вести профессор М. Н. Мартынов (период феодализма) и доцент П. М. Кимен (период промышленного капитализма, период империализма и пролетарской революции) [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 1. Л. 56]. Практические занятия по курсу истории России и народов СССР на 1 курсе вел ассистент А. Б. Шендерей. Таким образом, в 1933/1934 учебном году на кафедре истории работало 6 преподавателей: 3 профессора, 1 доцент, 2 ассистента.

К началу 1933/1934 учебного года в НГПИ был утвержден стабильный учебный план для студентов 1 и 2 курсов четырех отделений. В соответствии с данным планом студенты 1 курса исторического отделения должны были изучить следующие дисциплины: диалектический материализм и исторический материализм; политическая экономия; экономическая география; история Запада и Востока (период феодализма); история России и народов СССР (период феодализма); история России и народов СССР; психология; основы производства; история техники; история литературы (эпоха феодализма, период пролетарской революции); немецкий язык; практикум устной и письменной речи; военное дело; физическая культура — всего 14 дисциплин [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 1. Л. 55–57, 58–61]. Студенты 2 курса исторического отделения изучали такие дисциплины, как диалектический материализм и исторический материализм; политическая экономия; история Запада и Востока (период феодализма); история Запада и Востока (период промышленного капитализма); история России и народов СССР (период промышленного капитализма); история России и народов СССР (период империализма и пролетарской революции); история социализма; педагогика; педология; основы производства; история литературы (период пролетарской революции); немецкий язык; военное дело; физическая культура — всего 14 дисциплин [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 1. Л. 55–57, 58–61]. В весеннем семестре 1933/1934 учебного года в НГПИ действовал студенческий исторический кружок, заседания которого проводились один раз в месяц [ОВА Нов-

ГУ. Св. 5. Д. 2. Л. 111]. С марта 1934 г. было решено организовать для студентов исторического отделения математический кружок с занятиями по 2 часа в неделю [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 2. Л. 90].

В 1934 г. НГПИ и его отделения, в том числе историческое, подверглись реорганизации. Во-первых, к началу 1934/1935 учебного года историческое отделение НГПИ должно было пополниться студентами-историками, переведенными из Псковского государственного педагогического института. Такое решение содержалось в распоряжении НКП РСФСР № 310 от 4 февраля 1934 г. «О наборе в педвузы в 1934 году»: «в конце учебного года¹ подлежат переводу в другие педвузы: из Новгородского педагогического института в Псковский педагогический институт — физическое отделение (43 чел.); из Псковского педагогического института в Новгородский педагогический институт — историческое отделение (20 чел.)» [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 2. Л. 66]. С 1 сентября 1934 г. в НГПИ оставалось только два отделения — истории и русского языка и литературы, отделение биологии переводилось в Ленинград. Во-вторых, в первой половине 1934 г. ЛеноблОНО принимает решение о создании в Новгороде с начала 1934/1935 учебного года Новгородского государственного учительского института с двухгодичным сроком обучения студентов. На данный момент выявить какие-либо официальные документы, содержащие распоряжение о создании в Новгороде учительского института, не удалось. Однако в мае 1934 г. дирекция НГПИ уже знала об открытии с 1 сентября 1934 г. НГУИ и начала предпринимать действия для обеспечения набора студентов в двухгодичный институт. 15 мая 1934 г. в газете «Звезда» публикуется объявление о том, что «Новгородский государственный двухгодичный институт по подготовке преподавателей семилетней школы» до 15 августа принимает заявления о приеме студентов на 1934/1935 учебный год на отделения: историческое, литературы и языка, биохимическое и на рабфак [Объявление о приеме студентов, 1934, с. 4].

До настоящего времени исследователи истории высшего образования в Великом Новгороде полагали, что вновь образованный НГУИ заменил собой НГПИ. Но, как показало изучение приказов

¹ Имеется в виду 1933/1934 учебный год.

директора НГПИ–НГУИ за 1933–1935 гг., с 1 сентября 1934 г. на площадке учебных корпусов в Антоново в Новгороде начали работу оба института — и четырехгодичный НГПИ, созданный в 1932 г., и двухгодичный НГУИ, созданный в 1934 г. Оба института возглавлял директор НГПИ П. М. Кимен. По крайней мере, отдельных приказов директора НГУИ за 1934–1935 гг. мы не выявили. Летом 1934 г. был проведен набор студентов и на 1 курс четырехгодичного НГПИ, и на 1 курс двухгодичного НГУИ. Переход к деятельности на одной площадке сразу двух вузов требовал от коллектива института большой подготовительной работы. Чтобы освободить в корпусе института помещения для НГУИ, предполагалось закрыть рабфак, с 1932 г. действовавший при НГПИ, а педтехникум перевести в другое здание в Новгороде. Требовалось найти для работы двух заведующих учебными частями и двух секретарей учебных частей для обоих институтов, затребовать у НКП РСФСР и Лен-облОНО дополнительные ассигнования на ремонт и оборудование студенческих общежитий [ГАНИНО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 2. Л. 17]. В связи с изменением количества отделений в НГПИ необходимо было пересмотреть учебные планы, изменить расписание занятий.

Историческое отделение в 1934/1935 учебном году осуществляло обучение студентов обоих институтов. В 1934 г. на 1 курс исторического отделения НГУИ было зачислено не менее 41 студента [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 211], на 1 курс исторического отделения НГПИ — не менее 48 студентов [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 222]. Как и в предыдущие годы, зачисление студентов на 1 курс продолжалось и после начала учебного года, что приводило к увеличению их первоначальной численности. Так, по данным на начало октября 1934 г. на историческом отделении четырехгодичного НГПИ обучались: на 3 курсе (прием 1932 г.) 18 человек; на 2 курсе (прием 1933 г.) 32 человека, разделенные на 2 группы; на 1 курсе (прием 1934 г.) 68 человек, разделенные на 3 группы; всего 118 студентов [ГАНИНО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 1. Л. 44]. В результате всех преобразований с осени 1934 г. на историческом отделении обучались студенты 1–3 курсов НГПИ и студенты 1 курса НГУИ, что подтверждается приказами директора института по студенческому составу.

Увеличение общего количества студентов, полное укомплектование штата преподавателей и сотрудников кафедр поставили

вопрос о реорганизации структуры НГПИ–НГУИ по факультетскому принципу. Решение о преобразовании отделений института в факультеты было закреплено постановлением парткома НГПИ от 26 августа 1934 г. [ГАНИНО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 2. Л. 18]. Документы подтверждают, что к октябрю 1934 г. факультеты в институте уже действовали, а в приказе директора НГПИ от 13 февраля 1935 г. содержится следующее распоряжение: «В виду укомплектования штата факультетов — деканам факультетов... развернуть работу факультетов полностью с 14 февраля сего года» [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 98]. Таким образом, начиная с октября 1934 г. подготовка специалистов-историков в НГПИ–НГУИ велась на базе исторического факультета, структура которого продолжала состоять из кафедры истории и кабинета истории.

Первым в 90-летней истории высшего исторического образования в Великом Новгороде деканом исторического факультета НГПИ–НГУИ был назначен Дмитрий Андреевич Введенский, начавший работать в институте с сентября 1934 г. доцентом кафедры истории. В личном деле Д. А. Введенского сохранилось его заявление на имя директора института П. М. Кимена с просьбой дать распоряжение о его «зачислении на должность доцента по курсу истории СССР с 14 сентября 1934 г., и на должность декана истфака с 3 октября 1934 г.» [ГАНО. Ф. Р-3577. Оп. 5. Д. 7. Л. 6]. В 1934 г., по рекомендации заместителя директора ЛГПИ им. А. И. Герцена Письменного, Д. А. Введенский был приглашен на работу в НГПИ доцентом «по курсу истории России и народов СССР» как «вполне подготовленный к самостоятельному ведению курса» преподаватель [ГАНО. Ф. Р-3577. Оп. 5. Д. 7. Л. 3–4]. Приказом НКП РСФСР по управлению подготовки учителей № 135 от 23 октября 1934 г. Д. А. Введенский назначается «временно и. о. декана исторического факультета Новгородского педагогического института» [ГАНО. Ф. Р-3577. Оп. 5. Д. 7. Л. 8]. В феврале 1935 г. приказом директора института был утвержден штат сотрудников исторического факультета, который состоял из декана, секретаря, заведующего кабинетом истории и лаборанта кабинета истории [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 98].

Основная нагрузка по организации учебного процесса, проведению занятий со студентами в 1934/1935 учебном году продолжала лежать на кафедре истории. Н. Н. Розенталь не стал продолжать

свою работу заведующим кафедрой истории НГПИ. Возможно, в осеннем семестре 1934/1935 учебного года должность заведующего кафедрой истории оставалась вакантной. Либо в конце 1934 г., либо в самом начале 1935 г. обязанности заведующего кафедрой истории стал исполнять П. М. Кимен, совмещая ее с должностью директора НГПИ. По крайней мере, приказом директора НГПИ от 11 февраля 1935 г. П. М. Кимен именно как заведующий кафедрой истории вместе с деканом истфака Д. А. Введенским был направлен в командировку в ЛГПИ им. А. И. Герцена на курсы повышения квалификации [ОВА НовГУ. Св. 1. Д. 6. Л. 2 об.].

1934/1935 учебный год поставил перед кафедрой истории более сложную задачу в части организации преподавания учебных дисциплин, так как было необходимо обеспечить проведение учебных занятий по разным учебным планам для студентов-историков двухгодичного НГУИ и четырехгодичного НГПИ. Учебные планы двухгодичного и четырехгодичного институтов отличались тем, что на преподавание исторических дисциплин в двухгодичном НГУИ отводилось меньшее количество часов, тематика лекционных и семинарских занятий была более сжатой, сокращенной. Для студентов-историков 3 курса НГПИ было необходимо обеспечить преподавание таких дисциплин, как Новая история, методика истории, история колониальных и зависимых стран, а специалистов по этим дисциплинам в Новгороде не было. После окончания 1933/1934 учебного года из НГПИ уволились профессор Н. Н. Розенталь и М. Н. Мартынов, ассистенты З. Т. Конников и А. Б. Шендерей — это привело к тому, что занятия по курсам истории Средних веков и истории СССР (период феодализма) было некому вести. Руководству кафедры истории, дирекции института пришлось приложить много усилий, чтобы обеспечить выполнение учебного плана и подобрать для работы на историческом факультете преподавателей необходимой квалификации. Курс истории колониальных и зависимых стран на 3 курсе НГПИ в осеннем семестре 1934/1935 учебного года пришлось «снять с учебного плана в виду отсутствия программы проведения занятий» [ОВА НовГУ. Св.5. Д. 3. Л. 10]. Только в весеннем семестре были организованы занятия студентов по этому курсу. Лекции и семинары по курсу истории СССР в 1934/1935 учебном году вели доцент Д. А. Введенский, совмещавший обязанности преподавателя

кафедры истории и декана факультета, и доцент А. А. Вовк, совмещавшая с февраля 1935 г. обязанности преподавателя кафедры истории и заведующей кабинетом истории. Кроме этого, Д. А. Введенский в весеннем семестре провел для студентов 3 курса занятия по факультативу «История Октябрьской революции национальных районов».

Лекции по курсу Древней истории продолжал читать профессор С. А. Семёнов-Зусер. Семинарские занятия по Древней истории вел доцент И. Д. Кундюба, он же вел занятия по курсу истории Средних веков на 1 курсе НГУИ. Для преподавания курса истории Средних веков с 12 апреля 1935 г. на должность и. о. доцента кафедры истории был принят историк-медиевист Н. С. Масленников, командированный управлением подготовки учителей НКП РСФСР. Он же должен был вести занятия по курсу Новой истории на 2 курсе (2 группа) исторического факультета и 1 курсе литературного факультета [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 165].

Для преподавания курса Новой истории на 2 (1 группа) и 3 курсе исторического факультета по совместительству и только на весенний семестр 1934/1935 учебного года в институт были приглашены доцент Леонид Григорьевич Богданов и профессор Александр Андреевич Соколов. С большим трудом удалось обеспечить преподавание учебных дисциплин на 3 курсе НГПИ в весеннем семестре. Преподавание методики истории на 3 курсе с марта 1935 г. было поручено доценту О. Н. Ивановой. Лекционные и семинарские занятия по курсу истории колониальных и зависимых стран были разделены между тремя преподавателями, приглашенными на временную работу в НГПИ: профессор Х. Н. Муратов вел занятия по истории Турции; профессор Кокин — по истории Китая; профессор Сулейкин — по истории Индии. Занятия по диалектическому и историческому материализму для студентов-историков вел А. И. Дитёв, принятый на работу в институт на должность и. о. доцента с 19 апреля 1935 г. [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 147]. Занятия по курсу истории ВКП(б) вел заведующий кафедрой истории П. М. Кимен.

В июне 1935 г. студенты сдавали сессию. Студенты 1 курса исторического факультета НГПИ сдавали экзамены по следующим дисциплинам: история Древнего мира, история СССР, история Средних веков. Студенты 2 курса исторического факультета НГПИ сдавали

экзамены по Новой истории, истории СССР, «средней истории», истории ВКП(б), историческому материализму, немецкому языку. Студенты 3 курса исторического факультета НГПИ должны были сдать экзамены по Новой истории, педагогике, военному делу. Студенты 1 курса исторического факультета НГУИ готовились к сдаче экзаменов по истории Древнего мира, истории СССР, истории Средних веков [ОВА НовГУ. Св. 1. Д. 6. Л. 29 об.]. Как отмечал директор НГПИ–НГУИ П. М. Кимен, «летняя зачетная сессия показала, что за истекший учебный год, особенно за второй семестр, студентами педагогического и учительского институтов достигнуто весьма значительное повышение успеваемости» [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 215].

Однако функционирование на одной площадке двух вузов с разными сроками обучения, при всех успехах студентов и преподавателей, создавало больше проблем, чем приносило пользы. Поэтому к июню 1935 г. НКП РСФСР принял решение об окончательной реорганизации четырехгодичного педагогического института в двухгодичный учительский институт. Приказом директора НГПИ от 10 июня 1935 г. предписывалось «всем студентам педагогического института, которые по окончании летней зачетной сессии будут переведены на следующие курсы, явиться к началу 1935/1936 учебного года к 1 сентября в Ленинградский областной педагогический институт им. А. С. Бубнова (ЛОПИ), Ленинград, Петроградская сторона, Малая Посадская ул., дом 26» [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 203]. Канцелярия НГПИ–НГУИ должна была до 10 июля 1935 г. выслать в ЛОПИ именные списки всех переведенных на следующий курс студентов с анкетными данными и личные дела студентов. На основании приказа директора НГПИ № 122 от 20 июля 1935 г. 187 студентов, окончивших 1–3 курс исторического и литературного факультетов НГПИ, переводились для дальнейшей учебы в Ленинградский областной пединститут [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 222]. Исторический факультет НГПИ–НГУИ летом 1935 г. отправил для дальнейшей учебы в Ленинград 6 студентов, принятых на 1 курс (прием 1935 г.), 48 студентов, переведенных на 2 курс (прием 1934 г.), 27 студентов, переведенных на 3 курс (прием 1933 г.) и 15 студентов, переведенных на 4 курс (прием 1932 г.), — всего 96 человек [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 222, 224]. В Новгороде для продолжения учебы

остались студенты, поступившие на 1 курс исторического факультета двухгодичного НГУИ в 1935 г., а также поступившие на 1 курс в 1934 г. и переведенные на 2 курс — не менее 41 человека [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 211].

В июне 1935 г. изменился и кадровый состав преподавателей кафедры истории НГУИ. С 31 августа 1935 г. были освобождены от работы в институте по собственному желанию доцент кафедры и декан исторического факультета Д. А. Введенский, доценты И. Д. Кундуба и А. А. Вовк [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 215].

В Новгороде с 1 сентября 1935 г. продолжал действовать только НГУИ с двухгодичным сроком обучения студентов и с двумя факультетами — историческим и русского языка и литературы. Первый приказ по НГУИ от имени его директора П. М. Кимена датируется 27 июля 1935 г. [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 8. Л. 1]. Институт провел очередной набор студентов на 1 курс. По сведениям за 5 сентября 1935 г. общее количество студентов института составляло 252 человека. На 1 курс исторического факультета НГУИ был принят 101 студент (4 группы), на 2 курсе исторического факультета НГУИ обучалось 39 студентов (2 группы), всего 140 студентов-историков [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 8. Л. 8]. Прием студентов и зачисление их в учебные группы завершились 10 ноября 1935 г. [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 72]. К этому времени на 1 курс исторического отделения было зачислено уже 192 студента, из которых сформировали 7 учебных групп [ОВА НовГУ. Дело без обложки, номера и заголовка. Л. 64]. На 2 курсе исторического отделения НГУИ к 1 января 1936 г. числилось 46 студентов (2 группы) [ОВА НовГУ. Дело без обложки, номера и заголовка. Л. 109–110].

Новым деканом исторического факультета НГУИ и доцентом по курсу истории СССР с 17 сентября 1935 г. был назначен Василий Александрович Фигаровский, специалист по отечественной истории дореволюционного периода [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 8. Л. 12]. В. А. Фигаровский в течение учебного года должен был вести занятия по курсу истории СССР и по курсу методики истории [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 8. Л. 4]. Заведовать кафедрой истории в течение 1935/1936 учебного года продолжал П. М. Кимен, который как доцент кафедры истории вел занятия по курсу ленинизма и по курсу истории ВКП(б). В. А. Фигаровский и П. М. Кимен являлись членами

Ученого совета института. Также на кафедре работали с 1 октября 1935 г. профессор Сергей Васильевич Фарфоровский, доцент Н. С. Масленников, доцент А. И. Войтоловская. С. В. Фарфоровский вел лекционные и семинарские занятия по истории Древнего мира. Н. С. Масленников вел лекционные и семинарские занятия по истории Средних веков и руководил педагогической практикой студентов (Ил. 18). А. И. Войтоловская вела занятия по Новой истории [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 8. Л. 4].

Изменение статуса института и снижение сроков обучения студентов до 2 лет, снижение численности студентов привели к тому, что, видимо, в сентябре 1935 г. руководство института принимает решение о реорганизации факультетов в отделения. С октября 1935 г. в НГУИ действовали историческое отделение и литературное отделение [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 31, 33]. Историческим отделением продолжил заведовать В. А. Фигаровский.

В конце сентября 1935 г. директором института были утверждены учебные планы проведения занятий 1 и 2 курсов НГУИ. На 1 курсе исторического отделения НГУИ студенты изучали девять дисциплин: диалектический и исторический материализм, политическая экономия, история Древнего мира, история Средних веков, история СССР, психология, педагогика, военное дело, педагогическая практика. На 2 курсе исторического отделения изучались семь дисциплин: исторический материализм, ленинизм, история Нового времени, история СССР, методика истории, военное дело, педагогическая практика [ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 31, 33].

По окончании весеннего семестра 1935/1936 учебного года студенты-историки 1 курса должны были сдать экзамены по истории Древнего мира, педагогике, политэкономии и экономической политике, истории Средних веков. Студенты-историки выпускного 2 курса сдавали экзамены по Новой истории, ленинизму, истории СССР [ОВА НовГУ. Дело без обложки, номера и заголовка. Л. 165]. В 1936 г. состоялся первый выпуск студентов, окончивших двухгодичное обучение на историческом отделении НГУИ — не менее 46 человек.

В течение следующего периода, с 1936 по 1941 г., история высшего исторического образования в Великом Новгороде развивалась уже без каких-либо серьезных реорганизаций и преобразований.

До лета 1939 г. обучение историков велось на базе исторического отделения НГУИ. С сентября 1939 по июнь 1941 г. эта подготовка велась в рамках исторического факультета НГУИ.

Всего за довоенный период 1936–1941 гг. в НГУИ было сделано шесть выпусков: около 500–550 учителей истории для средней школы выпустило дневное отделение института; около 200 человек за 1938–1941 гг. выпустило вечернее историческое отделение.

Литература и источники

ГАНИНО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 1. Протоколы партийных собраний, сведения об успеваемости учащихся коммунистов, выписки из протоколов заседаний комиссии по чистке, докладные записки.

ГАНИНО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 2. Протоколы общих партийных собраний пединститута.

ГАНУ. Ф. Р-3577. Оп. 5. Д. 7. Введенский Дмитрий Андреевич.

ГАНУ. Ф. Р-3577. Оп. 1. Д. 1а. Документы о деятельности С. Д. Пучкова, об организации работы библиотеки учительского института.

ГАНУ. Ф. Р-3577. Оп. 5. Д. 1. Личное дело директора педвуза К. Д. Митропольского.

ГАНУ. Ф. Р-3577. Оп. 1. Д. 1. Сметы расходов института на 1934–1935 гг.

И. Т. Педагогический институт готовится к учебному году // Звезда. 19 августа 1932 г. № 159. С. 2.

Лебедева Г. Е., Якубский В. А. *Cathedra medii aevi*: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 125 с.

М. Открытие Новгородского педагогического института // Звезда. 5 ноября 1932 г. № 222. С. 4.

Макейкина Р. П. Кадры преподавателей исторического факультета НГУИ в 1932–1941 гг. // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования: материалы II науч. конф. историков-архивистов 28–29 мая 2002 г. Великий Новгород, 2002. С. 129–131.

Митропольский [К. Д.] Больше внимания подготовке педагогических кадров // Звезда. 12 августа 1932 г. № 153. С. 3.

Новгород изменяет свое лицо. Выполним план строительных работ // Звезда. 30 апреля 1932 г. № 73. С. 3.

Объявление о приеме студентов // Звезда. 15 мая 1934 г. № 106. С. 4.

Объявление о приеме студентов на 1 курс Новгородского педвуза // Звезда. 7 июня 1932 г. № 100. С. 4.

ОВА НовГУ. Дело без обложки, номера и заголовка. [Приказы по институту. 1935–1936.]

ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 1. Книга приказов. 03.04.1933–15.11.1933.

ОВА НовГУ. Св. 1. Д. 6. Книга приказов. 08.02.1935–30.12.1936.

ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 2. Приказы по институту. 03.01.1934–1934.

ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Приказы по институту. 09.12.1934–23.06.1935.

ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 8. Приказы по институту. 27.07.1935–23.08.1935.

ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Приказы по институту. 04.08.1935–31.12.1935.

Осенний прием в вузы // Звезда. 29 июня 1932 г. № 118. С. 4.

Салоников Н. В. Историки ленинградской школы в Новгородском государственном учительском институте (1932–1941 гг.) // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: труды междунар. науч. конф. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонов. СПб., 2009. С. 402–419.

Федоров, Куликов. Агропединститут приступил к работе // Звезда. 2 октября 1932 г. № 194. С. 3.

*Ил. 1. Участники «Вторых Лихудовских чтений». 2004 г.
(К статье Д. Н. Рамазановой «Значение трудов Б. Л. Фонкича...»)*

*Ил. 2. Открытие памятника братьям Лихудам в Москве. 2007 г.
(К статье Д. Н. Рамазановой «Значение трудов Б. Л. Фонкича...»)*

ШКОЛЬНОЕ БЛАГОЧИНІЕ:

дѣе спашенное оуспѣніе: **Х**отѣющимъ
бѣтвенныхъ цнѣй навѣнати:
оукомъ и сердце прилѣжно внимати.
Должно естъ всѣмъ сіе со-
хранити: оуспѣннѣе приназ-
ніе шпачно соблюдати. Непои-
рѣющимъ же полагаемъ прозѣ:
младуто шдрѣе лозѣ. прѣп-
дѣннѣе прѣпнѣй илейнотѣ:
оуспѣннѣе рѣмѣнь плетной: да-
ти на назани бѣннѣе и прѣпнѣе.
Младовѣннѣе и махо позрѣннѣе отроѣ:
бѣннѣе шдрѣе лозѣ. прѣп-
дѣннѣе прѣпнѣй илейнотѣ:

(ил.)

Ил. 3. «Школьное Благочиние» Прохора Коломнятина в сборнике школьных азбуковников (1680-е гг.). РГАДА. Ф. 357. Д. 60. Л. 9.
(К статье О. Е. Кошелевой)

· ο· αὐτὸ· καὶ καλὰ χρῖσιν αὐτὸς
 ῥονικῶς δι' αὐτοῦ· ἢ αὐτὸ· τὸ αὐτὸ·
 ἢ χρῖσιν αὐτοῦ καὶ αὐτοῦ· αὐτοῦ·
 καὶ αὐτοῦ ῥονικῶς καὶ αὐτοῦ
 χρῖσιν πῶς αὐτοῦ.

· ο· αὐτὸ· καὶ καλὰ χρῖσιν αὐτὸς
 ῥονικῶς δι' αὐτοῦ· ἢ αὐτὸ· τὸ αὐτὸ·
 ἢ χρῖσιν αὐτοῦ καὶ αὐτοῦ· αὐτοῦ·
 καὶ αὐτοῦ ῥονικῶς καὶ αὐτοῦ
 χρῖσιν πῶς αὐτοῦ.

αὐτὰ· ἢ ἔλε· αὐτοῦ· ἢ· αὐτὸ·
 αὐτὰ· —

Περὶ ἑνικῶν.

· ο· αὐτὸ· καὶ καλὰ χρῖσιν αὐτὸς
 ῥονικῶς δι' αὐτοῦ· ἢ αὐτὸ· τὸ αὐτὸ·
 ἢ χρῖσιν αὐτοῦ καὶ αὐτοῦ· αὐτοῦ·
 καὶ αὐτοῦ ῥονικῶς καὶ αὐτοῦ
 χρῖσιν πῶς αὐτοῦ.

Κεφ. ιν.

Περὶ ἑνικῶν.

· ο· αὐτὸ· καὶ καλὰ χρῖσιν αὐτὸς
 ῥονικῶς δι' αὐτοῦ· ἢ αὐτὸ· τὸ αὐτὸ·
 ἢ χρῖσιν αὐτοῦ καὶ αὐτοῦ· αὐτοῦ·
 καὶ αὐτοῦ ῥονικῶς καὶ αὐτοῦ
 χρῖσιν πῶς αὐτοῦ.

· ο· αὐτὸ· καὶ καλὰ χρῖσιν αὐτὸς
 ῥονικῶς δι' αὐτοῦ· ἢ αὐτὸ· τὸ αὐτὸ·
 ἢ χρῖσιν αὐτοῦ καὶ αὐτοῦ· αὐτοῦ·
 καὶ αὐτοῦ ῥονικῶς καὶ αὐτοῦ
 χρῖσιν πῶς αὐτοῦ.

· ο· αὐτὸ· καὶ καλὰ χρῖσιν αὐτὸς
 ῥονικῶς δι' αὐτοῦ· ἢ αὐτὸ· τὸ αὐτὸ·
 ἢ χρῖσιν αὐτοῦ καὶ αὐτοῦ· αὐτοῦ·
 καὶ αὐτοῦ ῥονικῶς καὶ αὐτοῦ
 χρῖσιν πῶς αὐτοῦ.

· ο· αὐτὸ· καὶ καλὰ χρῖσιν αὐτὸς
 ῥονικῶς δι' αὐτοῦ· ἢ αὐτὸ· τὸ αὐτὸ·
 ἢ χρῖσιν αὐτοῦ καὶ αὐτοῦ· αὐτοῦ·
 καὶ αὐτοῦ ῥονικῶς καὶ αὐτοῦ
 χρῖσιν πῶς αὐτοῦ.

ἢ μὴν , ἢ νῦν . ἀντὶ αὐτῶν , αὐτὴν αὐτὸ , ἢ ἔτι
 πληθυντικῶς , ἀντὶ αὐτῶν , αὐτὰς , αὐτὰ . ἢ ἔτι
 διαρκῶς αἰεὶ , ἀντὶ αὐτῶν .

Περὶ Ἑθνικῶν.

Ἑθνικαὶ δὲ δύο αἱ ἢ τρεῖς προσώπα , ἡμεδαπὸς δηλαδὴ ,
 ἢ ὑμεδαπὸς , καλεῖται δὲ τὴν ἑνὴν
 ἑαυτοῦ τῶν ἰσοουλλέων τριζυγῶς . ἡμεδαπὸς , ἢ , ὄν .
 ἀπὸ τῆς ἡμετέρας πόλεως φραβοῦς , ἢ , ὑμεδα-
 πὸς , ἢ , ὄν . τὰ αὐτὰ τρεῖς πρόσωπα .

ΠΕΡΙ ΡΗΜΑΤΟΣ.

Κεφάλαιον τζ΄.

Ῥῆμα ἔστι μέρος λόγου κλιτὸν καὶ διαφέρει χρόνων ,
 ἐνεργειᾶν , ἢ παθῶν , ἢ ἀδείκτων τι σημαίνον .
 Παρέπονται δὲ αὐτῷ , ὁκτὼ . ἑκκλίσιοις , ἡένος , ἔτε
 διατετοῖς , ἡένος , οὐκλίσια , ἀριθμοῖς , πρόσωπον , χρό-
 νος , ἢ συζυγία .
 Ἑκκλίσιοις εἰς ἀνὰ ἑκάστην ἐκκλίσια διὰ φωνῆς σημαίνοντες .
 ἡένος δὲ ἑκκλίσιοις ἡένος πέντε . ἡένος . οὐκλίσια , τετάρτη ,

Ω ΛΑΟΛΟΓΉ.

Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Λαολογία ἔστιν ἡ γένεσις τῶν λαοῶν ἐκ τῶν
 ἑθνικῶν καὶ ἐκ τῶν ἐθνικῶν καὶ ἐκ τῶν
 ἑθνικῶν καὶ ἐκ τῶν ἐθνικῶν.

Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;

Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;

Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;

Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;

Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;
 Ὅτιο ἔστιν Λαολογία ;

ΠΕΡΙ ΡΗΜΑΤΟΣ.

Ὅτιο ἔστιν ῥήμα ;
 ῥήμα ἔστιν ἡ ἐκφώνησις τῆς ἐκφώνησις
 τῆς ἐκφώνησις τῆς ἐκφώνησις.

Ὅτιο ἔστιν ῥήμα ;
 ῥήμα ἔστιν ἡ ἐκφώνησις τῆς ἐκφώνησις
 τῆς ἐκφώνησις τῆς ἐκφώνησις.

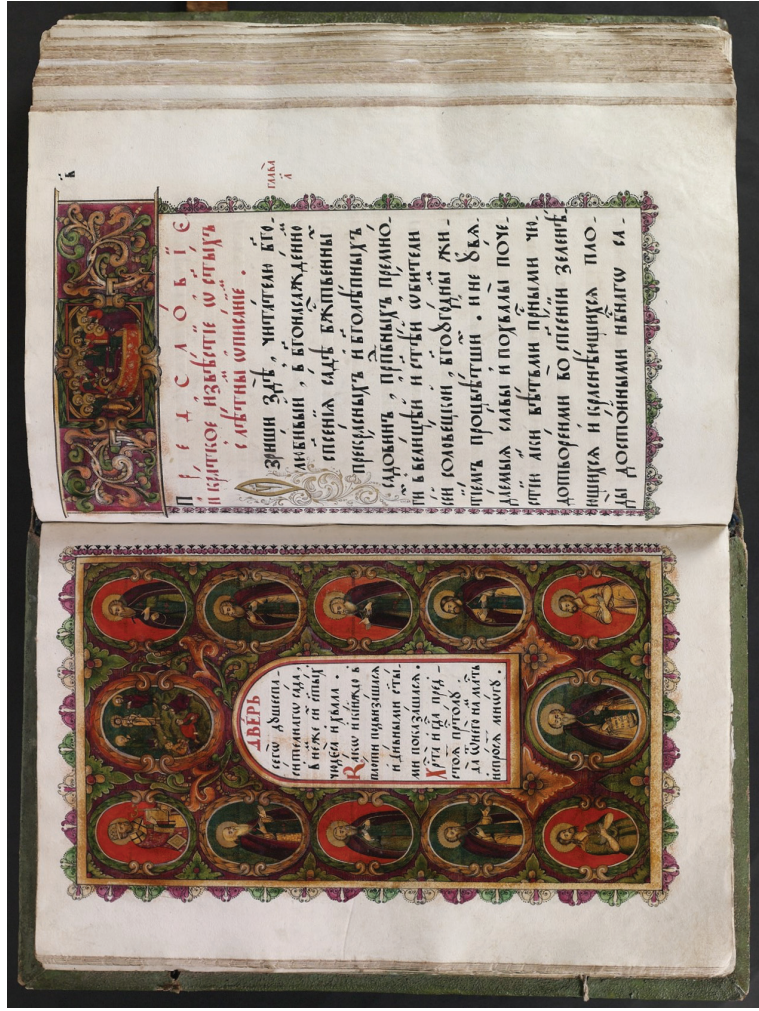
Ὅτιο ἔστιν ῥήμα ;
 ῥήμα ἔστιν ἡ ἐκφώνησις τῆς ἐκφώνησις
 τῆς ἐκφώνησις τῆς ἐκφώνησις.

Ὅτιο ἔστιν ῥήμα ;
 ῥήμα ἔστιν ἡ ἐκφώνησις τῆς ἐκφώνησις
 τῆς ἐκφώνησις τῆς ἐκφώνησις.

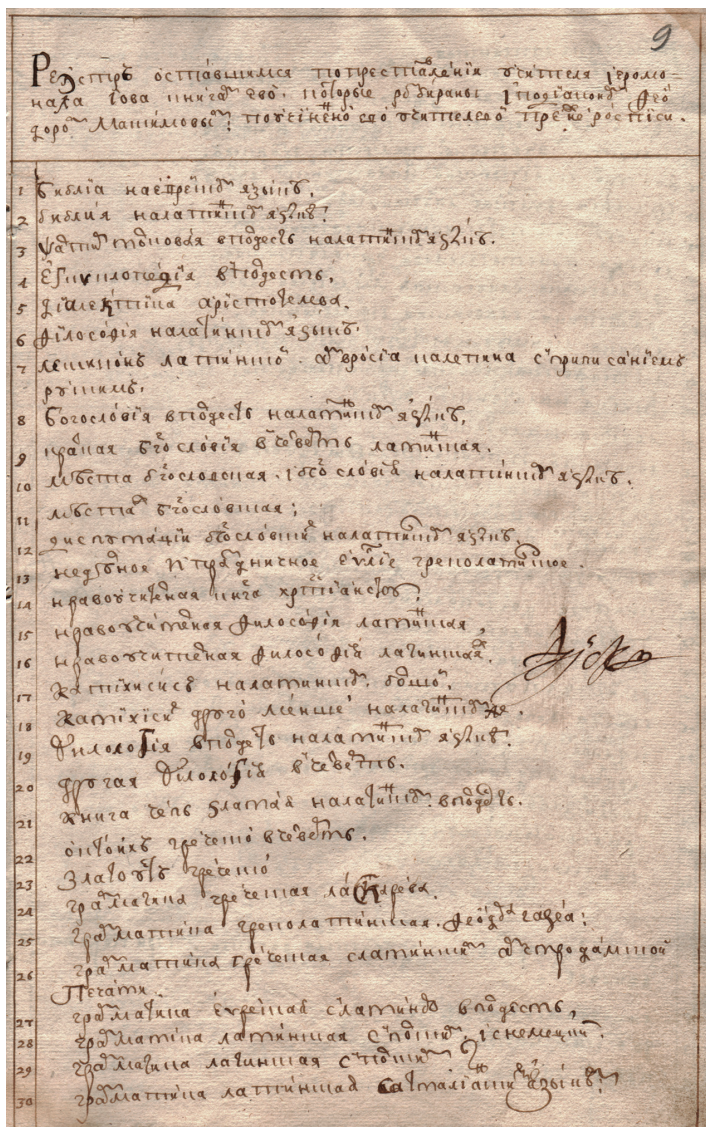
Ὅτιο ἔστιν ῥήμα ;
 ῥήμα ἔστιν ἡ ἐκφώνησις τῆς ἐκφώνησις
 τῆς ἐκφώνησις τῆς ἐκφώνησις.

Ὅτιο ἔστιν ῥήμα ;
 ῥήμα ἔστιν ἡ ἐκφώνησις τῆς ἐκφώνησις
 τῆς ἐκφώνησις τῆς ἐκφώνησις.

ΠΕΡΙ

Ил. 13. Лицевой список книги «Сад спасения». 1711 г. ГИМЗ МК. Кн. 215. (К статье О. В. Панченко)

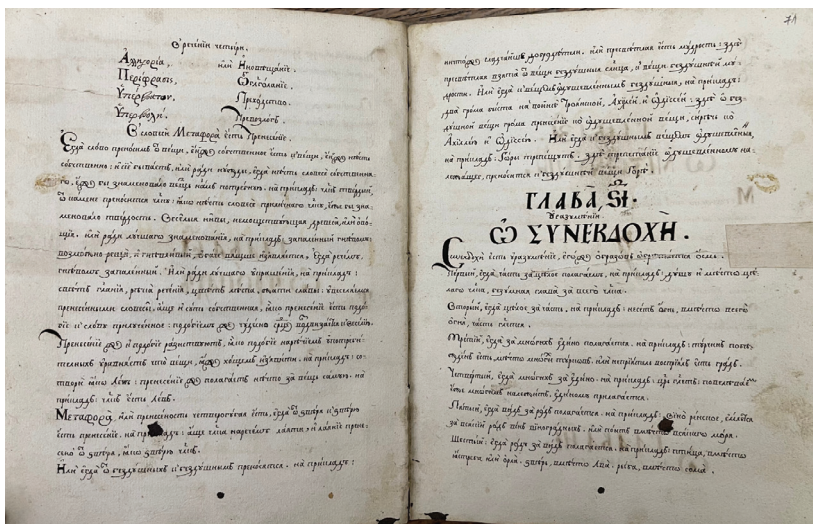

Ил. 14. Реестр книг, оставшихся после смерти учителя иеромонаха Иова.

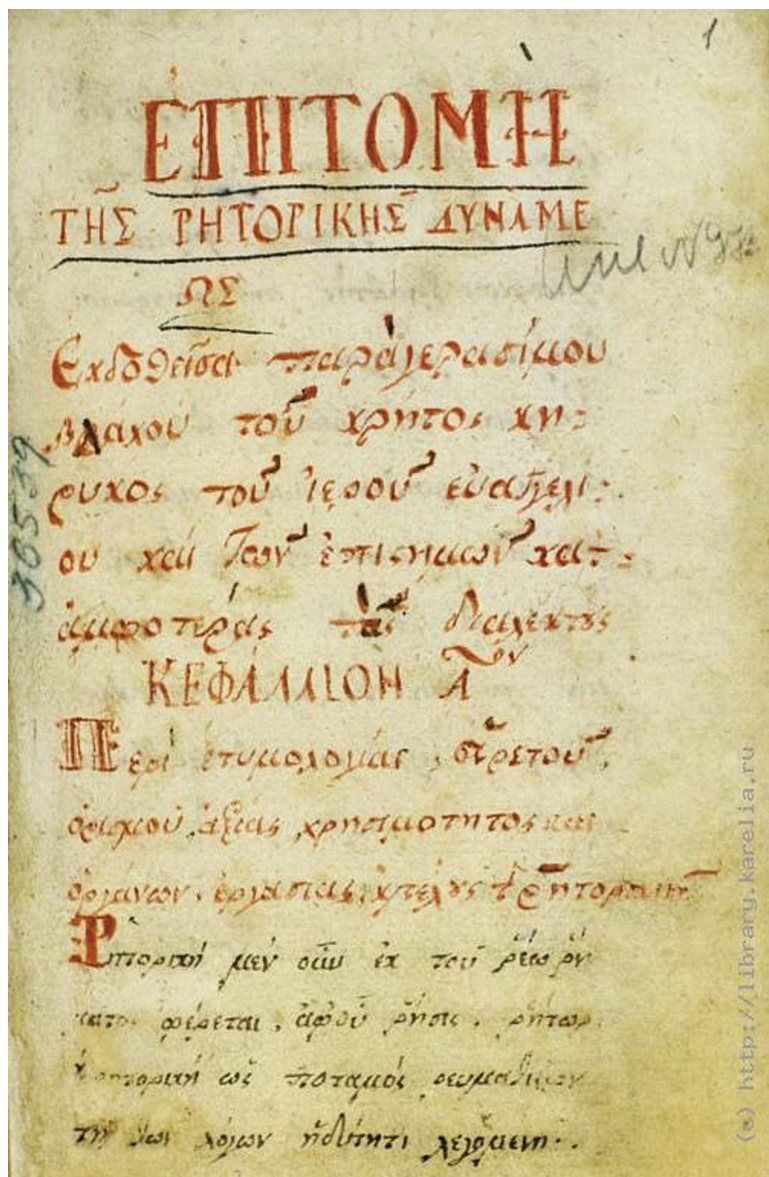
ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 69. Л. 9.

(К статье Н. В. Салоникова, К. В. Суториуса

«Учитель Новгородской архиерейской школы иеромонах Иов...»)

Ил. 15–15а. «Риторика Михаила Усачева». БМС. № PP II 147.
(К статье Д. Н. Рамазановой «Два сочинения по риторике...»)

Ил. 16. Риторика Герасима Влаха. НБРК. № 36539.
(К статье Д. Н. Рамазановой «Два сочинения по риторике...»)

Ил. 17. Ярлык Новгородского епархиального древлехранилища.
(К статье И. А. Мельникова)

Ил. 18. С. В. Фарфоровский и Н. С. Масленников со студентами.
(К статье Н. С. Федорук)

**ЕВРОПЕЙСКИЕ
ТРАДИЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ
И ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ**

Петрарка о воспитании через образование: потенциалы риторики (по письмам, инвективам и диалогам)

Н. И. Девятайкина

*Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова,
Саратов, Россия*

Аннотация. В статье предпринята попытка разобраться в ренессансных характеристиках риторики как дисциплины воспитания, разработанных гуманистом XIV в. Петраркой. Главные материалы — письма, диалоги, инвективы 50-х гг. XIV столетия. Выяснилось, что гуманист прорисовывает «контекстную вертикаль» гуманитарного воспитания. В спорах со схоластом-медиком Петрарка отстаивает первостепенную важность воспитания и «врачевания душ» риторикой. Мощная дидактика заложена в диалоге «De eloquentia». Автор доказывает, что мастерство речи требует равной ему безупречности этического облика ратора, добродетели, мудрости, скромности, честности. Главный мотив для ратора — обретение доброй славы и бессмертия имени. Основной вывод: с Петраркой в общественное поле приходят новые оценки риторики, ее социальной и этико-дидактической миссии, новые предложения в программу обучения. Гуманисты-педагоги XV в. добавляют в программу риторики ряд авторов. Первым среди новых писателей назовут Петрарку.

Ключевые слова: ранний итальянский гуманизм, ренессансная педагогика, риторика как наука, риторика как школьная дисциплина, Петрарка, диалог «О красноречии»

Petrarch on Upbringing through Education: the Potentials of Rhetoric (by Letters, Invectives and Dialogues)

Nina I. Devyataykina

Saratov State Conservatoire named after L. V. Sobinov, Saratov, Russia

Abstracts. The article attempts to understand the Renaissance characteristics of rhetoric as a discipline of education, developed by the humanist of the XIV century Petrarch. The main materials are letters, dialogues, invectives of the 1350s. It turned out that the humanist draws a “contextual vertical” of humanitarian education. In disputes with the scholastic physician, Petrarch defends the paramount importance

of education and “healing of souls” with rhetoric. A powerful didactics is embedded in the dialogue *De eloquentia*. The author proves that the mastery of speech requires equal perfection of the rhetorician’s ethical appearance, virtue, wisdom, modesty, honesty. The main motive for the rhetorician is the acquisition of good fame and the immortality of the name. The main conclusion: with Petrarch, new assessments of rhetoric, its social and ethical-didactic mission, new proposals for the training program come to the public field. Humanist teachers of the XV century will add a number of authors to the rhetoric program. The first among the new writers will be Petrarch.

Keywords: Early Italian humanism, Renaissance pedagogy, rhetoric as a science, rhetoric as a school discipline, Petrarch, dialogue *On eloquence*

Гуманистическая тема важности воспитания через образование ныне актуализировалась в России, как никогда прежде. Министерство образования обнародовало обновленную концепцию воспитания, институты РАО разрабатывают под нее программы и планы, в педагогических университетах открываются новые направления, магистратуры, связанные с воспитанием через школьные учебные предметы, обновляются тематические курсы повышения квалификации учителей, растет число статей и диссертаций по воспитанию и новой культуре патриотизма.

В такой ситуации обращение к гуманистическому опыту раннего ренессансного периода, времени поисков новых светских способов и инструментов воспитания, может принести важное новое знание, не только теоретически, но и практически способное дать плодотворные результаты. В этом состоит актуальность обращения к проблематике исследования.

Что касается степени изученности темы в целом, то в нашей литературе общий подход обозначил глубже всего С. С. Аверинцев в работе «Риторика и истоки европейской литературной традиции», где показал, что в греческой традиции культура рассматривалась как воспитание, а риторика — общее основание для него. Ученый выявляет, насколько эта традиция была возрождена ранним Ренессансом, приходит к выводу, что уже Петрарка не только принимал данный тезис, но и развивал его при обсуждении вопроса о воспитании личности. Он видел в риторике одно из самых мощных средств воздействия на нравственный и социальный мир человека [Аверинцев 1996]. Много важных суждений изложил В. В. Библихин

в аналитической статье к переводу писем гуманиста и их комментированию [Бибихин 1982]. Более всего по интересующему нас вопросу сделано Н. В. Ревякиной. В ряде трудов, в том числе недавней монографии (совместно с автором данной статьи), она акцентирует обращение к риторике гуманистов-педагогов, выявляет новизну их гуманитарных программ (тривиума), обрисовывает практики преподавания, светскую этико-педагогическую новизну тривиума, хотя о Петрарке пишет немного [Ревякина 2015; Ревякина 2019; Ревякина, Девятайкина 2020].

В европейской литературе стилистическо-риторические особенности поэтических и прозаических текстов самого Петрарки изучаются очень широко. Среди лучших работ — исследования У. Дотти [Dotti 2014] и И. Кандидо [Candido 2019], но в «школьном» — дидактическом — преломлении эта тема пока не нашла, насколько можно судить, системного отражения в литературе.

Главными источниками исследования стали письма и сочинения Петрарки 50-х гг. XIV в., в том числе «Инвективы против врача» (1352–1355) [Петрарка 1998] и диалог «О красноречии», включенный в состав трактата «О средствах против превратностей судьбы» (1354–1366) [Петрарка 2016]. Этот диалог стоит отметить особо, потому что Петрарка замыслил трактат как сочинение для всех, от старых до малых, более того, как «лекарство» нравственного оздоровления, моральной поддержки в трудную минуту, которое должно быть всегда под рукой [Петрарка 2016, с. 23–24]. Гуманист предельно насытил диалог примерами из античной и библейской истории, суждениями римских авторов, среди которых — знаменитые риторы, а также собственными оценками.

В результате в 253 диалогах сформировался мощный дидактический компонент, который мог (и доньше может) служить учителям и ученикам. Перед нами словно бы своего рода хрестоматия по риторике, истории, поэзии, гуманитарному знанию в целом, каждая фраза которой — готовое, предельно продуманное и отточенное авторское заключение, вопрос, ответ, возражение. Иными словами, тексты могут служить полноценным пособием по дисциплине «риторика». Привлечение к исследованию упомянутых выше писем и инвектив объясняется важностью содержащихся там рассуждений о риторике. Это стало особенно ясно при работе над переводами

латинских сочинений Петрарки, проведенной совместно с Л. М. Лукьяновой, где тема риторики как дисциплины, сопровождающей человека всю жизнь и находящей себе место в рассуждениях по самым разным поводам, очень артикулирована.

В статье предпринята попытка кратко обозначить место риторики в практиках преподавания времен Петрарки, его собственное отношение, выявить способы «защиты» риторики как научной дисциплины в спорах с медиками, не признававшими ее дидактическо-этического значения, разобраться в главных характеристиках красноречия, изложенных гуманистом в названном выше диалоге.

Напомним, что со времен позднеримского философа Боэция (480–524/525), автора ряда школьных учебников, а также широко известного сочинения «Утешение философией», знаменитого оратора и государственного деятеля при остготских королях, риторика на многие века осталась в составе школьной программы обучения — «семи свободных искусств», первой их части (грамматика, риторика, диалектика). На тот момент программа стала символическим знаком перехода от Античности к христианскому средневековому образованию [Тоноян 2013, с. 283–285]. Добавим, что «искусства» тривиума рассматривались не только как образовательные, но и как и воспитательные.

Само понятие «*ars*» (искусство) звучит эстетически — и не теряет донныне воспитательного оттенка. «Дисциплины», каждая по-своему, были нацелены на это. Грамматика — тем, что помогала понять сложные и многозначные смыслы Священного Писания (аллегии, притчи, намеки, иносказания, стихи Псалтири), освоить четыре уровня толкования Библии, т. е. вбирала в себя задачи христианского образования-воспитания; риторика его активизировала в практиках, служила светским целям (научала умениям в речах, письмах, документах, делах) и благочестию (помогала красивому и убедительному донесению слова Господня); диалектика учила, как выстраивать тексты и толковать примеры — аргументы, в том числе важные для проповедей и наставлений. Поскольку образование раннего Средневековья велось, как известно, по преимуществу монастырскими школами или образованными монахами при королевских дворах, воспитательно-христианские ориентиры все более органично вписывались в обу-

чение, а светские на протяжении этого периода постепенно отодвигались на задний план.

Оживление и рост городов в эпоху развитого Средневековья раздвинули, как тоже хорошо известно, запросы по части практических и светских нужд. Однако культурный центр Европы — Париж — в XIII столетии, ближнем к временам Петрарки веке, по словам В. В. Библихина, склонился к аристотелизму, логике и диалектике в ущерб классической поэзии и риторике [Библихин 1982, с. 29]; культура как воспитание (пайдейя) ушла в тень. Это замечание очень важно для понимания новаторского характера усилий Петрарки по расширению и обновлению содержания риторики и включению поэзии в состав образовательных программ, в том числе для обучения детей правителей городов и государств.

В итальянской школе времен Петрарки риторика — это общее искусство красноречия, в том числе выразительное чтение, составление учениками стихов и прозаических текстов. Хронист Маттео Виллани, суждения которого уже приходилось цитировать в статьях по истории итальянского образования XIV в., с похвалой отзываясь об одном из учительских семейств Флоренции по фамилии Да Страда. Ее старший представитель хорошо учил детей грамматике. Его талантливый сын Заноби да Страда (1312–1361), будущий друг и адресат Петрарки, в 20-летнем возрасте после ранней смерти отца «подхватил дело грамматики, добавив к ней ясную и рассудительную риторику» [Виллани 1997, с. 458–459]. Молодой учитель отреагировал на запрос времени, понял потенциал риторики и важность раннего к ней обращения. Хронист, судя по тону, отмечает такое обновление курса с одобрением. Это показывает, что во Флоренции аристотелевская «линия» в отсутствие университета (он был создан усилиями правительства и Боккаччо только в 1349 г.) не нашла широкого распространения, что пошло на пользу школьным дисциплинам, в том числе риторике.

Среди флорентинцев на путь Заноби встал и Никколо Аччайуоли (1310–1365), еще один адресат Петрарки, очень образованный человек из семьи известных банкиров, шаг за шагом укреплявший свой статус и ставший великим сенешалем (главным лицом при дворе правителей) в Неаполитанском королевстве. Несколько раньше, в 40 лет, он получил приглашение на высокое

место воспитателя племянников тогдашнего Неаполитанского короля Роберта.

Аччайуоли попросил рекомендаций Петрарки по программе обучения юного отпрыска семейства, будущего короля. Гуманист ответил развернутым письмом (оно датируется 1352 г., включено Петраркой в состав «Книги писем о делах повседневных») [Petrarca 1926–1942].

Петрарка выделил в письме риторику как «самую значимую в процессе воспитания дисциплину», добавив к ней поэзию, историю, нравственную философию [Petrarca 1926–1942. Vol. 3, p. 7–8]. Стоит напомнить, что в виде отдельных школьных дисциплин в традиционном «тривиуме» их не было. Петрарка прорисовывает адресату цельную программу-линию, как сегодня бы назвали, «контекстную вертикаль» гуманитарного знания, наполняемого художественно-философским опытом греков и римлян в виде изучения светской литературы, исторических биографических сочинений, а также трудов о нравственности. Под пером гуманиста возникает словно бы параллельный ряд: светская поэзия — псалмы Давида, светская история древности — библейский вариант истории иудейских Царств, светская нравственная философия — теология. В этом ряду отчетливо просматривается рождающийся «код» ренессансного гуманизма. Особо заметим, что в глазах Петрарки «исполнитель» программы — суть наставник, воспитатель.

Гуманист проговаривает это в разных случаях не раз, в том числе в письме к учителю-воспитателю собственного сына: «Великая вещь, признаю, образованность, но более значительная — добродетель души; ученик надеется получить от тебя и то, и другое» [Ревакина, Девятайкина 2020, с. 99]. Иными словами, наставник должен являть собой пример высокой нравственности и добродетели, равной учености. Этой же дорогой пойдут через немногие десятилетия педагоги-гуманисты старшего поколения, для которых главным понятием станет именно «воспитание», а ученики будут «взрачиваться» как воспитанники.

Анализ материала показал, что риторика как дисциплина была темой многих писем Петрарки 50-х гг. XIV столетия, в том числе к учителям, что свидетельствует об акцентировании ее светски-этического потенциала, оттесненного педагогикой Средних веков.

За пределами названных лет Петрарка вспоминает в послании к школьному другу Гвидо Сетте (1367 г.), как они между 7 и 11 годами (т. е. в 10-е гг. XIV в.) осваивали «начала риторики» под руководством замечательного итальянского наставника Конвеневоле да Прато [Петрарка 1984, с. 84–85]. И добавляет с высоты зрелого возраста, культурных знаний, дидактических размышлений, что «это совсем немного» [Петрарка 1984, с. 85]. Становится ясно, что его гуманистические представления в области школьных программ к концу жизни еще отчетливее наполнились пониманием важности насыщения риторики новыми материалами и задачами и ее особой воспитательной значимости.

Еще одним поводом обратиться к 50-м гг. XIV в., которые находятся в центре внимания данного исследования, стала полемика с высокопоставленным медиком, врачом папы Климента VI (1342–1352). Врач публично, письменно нападал на риторику как науку и Петрарку как ее защитника. Поводом стало письмо Петрарки к папе о том, чтобы тот не очень доверял этому врачу и консилиумам. Врач, имевший полное медицинское университетское образование, которое предполагало и основательное владение логикой, схоластическими способами ведения полемики и т. д., решил доказать, что медицина выше риторики, поэзии и вполне может взять на себя их роли, врачевание важнее и универсальнее всего остального. Он написал полемическое сочинение (инвективу) против поэта. Петрарка ответил, точнее, четырежды отвечал на новые и новые опусы медика. Они вылились по обычаю времени в четыре «книги» (около 100 страниц современного объема), в которых гуманист горячо и со многими аргументами защищает риторику как особую дисциплину «врачевания души». На его взгляд, это выше и важнее врачевания тела, хотя оно тоже существенно.

Сам факт *защиты* риторики свидетельствует о многом. Прежде всего о том, что гуманистические убеждения Петрарки и его круга уже становились общепризнанными и начинали утверждаться на уровне принятия риторики как важнейшей из наук в деле нравственного воспитания. Иначе медику не о чем было бы спорить. В глазах медиков и других представителей университетской науки, и не только их, именно Петрарка все переворачивает в науках, поднимает роль риторики, доказывая ее первенствующее положение не как рядового

школьного предмета, а как учительницы нравственности и воспитательницы высоких моральных норм, как науки, формирующей высокие светские идеалы и разъясняющей пути их достижения.

Петрарка буквально измолотил медика, отвечая на каждое новое письменное возражение резко, язвительно, насмешливо. Он имел хороших учителей, римских авторов инвектив. Их уроки, их «словарь» дополнил классический лексический багаж гуманиста и связал его язык в соответствии с жанром. Приведем один-два примера из очень большого их ряда. Медик назван «жалким и легкомысленным человечишкой», склонным к глупости и безрассудству, поскольку решился нападать в «речах» на Цицерона, а в «писаниях» (т. е. в своих письменных рассуждениях-ответах) «крушить самого Демосфена» [Петрарка 1998, с. 259]. В одной фразе явлено и уважение к светилам риторики, и позиция врача на их фоне. Никаких эпитетов к Цицерону не добавлено, к Демосфену — лишь усиительное определение «самого». Имена говорят за себя. Медик награжден двумя уничижительными эпитетами и уменьшительно-уничижительным же разговорным определением «человечишко».

Приведем еще одну небольшую цитату из последней книги против врача, позволяющую оценить риторическое богатство, одновременно пояснить свойственную законам жанра лексическую резкость и «соленость» инвектив. Цитата вложена в уста воображаемого читателя, оценивающего содержание инвектив: «Ты хвалил себя по необходимости, бранил врача по заслугам. Первое можно простить, второе одобрить, поскольку ты искал слова, соответствующие делу» [Петрарка 1998, с. 302]. Получается, что разговор с медиком шел на его языке, но жалящем теперь инициатора спора. Если обобщить в отношении риторики, то поиску слов, соответствующих делу, по Петрарке, и должна научать среди многого эта дисциплина, тем самым воспитывая и умение обдуманно сказать, и ответственность за сказанное.

Думается, Петрарка заботился не только о достойном ответе своему оппоненту. Он знал степень популярности своих текстов, понимал, что они могут попасть в руки не только его взрослым почитателям, но и школярам. В названный выше трактат «О средствах против превратностей судьбы» он даже поместил пару диалогов, где ученик (персонаж) говорит с собеседником Разумом о своем учителе,

отце, матери. Гуманист понимал, что ученикам интересно все злободневное, написанное живым языком, с яркими новыми доказательствами. В таком случае и благоговейное отношение к великим риторам древности, и собственное владение гуманистом самыми разными по характеру аргументами и способами доказательства, добытое в чтении древних, умение при случае усилить оценку свободными оборотами речи могло служить дидактике. Учитель риторики, если он читал диалоги, понимал: вот как сегодня надо владеть красноречием. Добавим: не менее горячие и инвективно жесткие возражения вырываются из уст Петрарки, когда он начинает критиковать суждения врача, связанные с поэзией. Иными словами, гуманист защищает и другую рекомендуемую «дисциплину» — поэзию, в том числе новую, ему современную и в его глазах важную также для освоения принципов риторики. Это особый вопрос, укажем только, что медику пришлось очень туго. Кстати, в довершение Петрарка прибегнул к еще одному излюбленному приему — объяснил, почему не назвал имя медика: дабы оно кануло в небытие вместе с его «жалкими» (определение гуманиста) нападками. Петрарка понимал, что делал, имя врача до сих пор, насколько можно судить по литературе, не выявлено.

Обратимся к диалогу «О красноречии» (*De eloquentia*), во многом аккумулирующему представления гуманиста о риторике [Петрарка 2016]. Красноречие представлено там как составная часть и один из практических результатов обучения риторике. В нем заложена, сразу заметим, мощная дидактика, важная для любого читателя, особенно — для учителя риторики или ученика. Диалог размещен в самом начале трактата «О средствах против превратностей судьбы», что также свидетельствует о важности темы. В нем ведут разговор аллегорические персонажи, заимствованные автором у стоиков, — Радость и Разум (оба представляют сильный пол, несмотря на грамматические формы). По объему диалог не самый большой, но и не из числа маленьких. Бросается в глаза, что Радость в нем весьма разговорчив. В других случаях он чаще всего ограничивается тремя-пятью короткими фразами. Здесь же персонаж 15 раз произносит реплики о выдающихся свойствах красноречия и о своем владении им. Ради выявления логики и акцентов диалога мы свели ключевые определения-реплики участников диалога в небольшую таблицу.

Таблица

Оценки красноречия персонажами диалога «О красноречии»

Порядок фраз	Реплики Радости	Комментарий/ответ Разума
1	<i>Красноречие превосходная вещь</i>	Да, но обоюдоострая, важно знать, как пользоваться.
2	<i>Красноречие стремительно и быстро</i>	У нечестивого глупца — это как меч в руках бесноватого
3	<i>Красноречие ярко</i>	Ярко солнце, ярко и пожар
4	<i>Красноречие блистательно</i>	Если сочетается с благочестием и мудростью
5	<i>Красноречие — огромное богатство</i>	Если сочетается с умеренностью
6	<i>Красноречия одного достаточно</i>	Если сочетается с добродетелью и мудростью
7	<i>Красноречие полно и совершенно</i>	Если хватает того, что его предваряет
8	<i>Красноречие самое высшее</i>	Если хватает добропорядочности и мудрости
9	<i>Красноречие сладостно и прекрасно</i>	Если содержит в себе благородство и искренность
10	<i>Я уверен в своем красноречии</i>	Если уверенность не перерастает в безрассудство и дерзость
11	<i>Красноречие у меня огромное</i>	Опасно и пагубно без мудрости
12	<i>Красноречие мое исключительно</i>	Оно и привело к гибели исключительных людей
13	<i>Красноречие заслуживает похвалы</i>	Если им не пользоваться самоуверенно и непорядочно
14	<i>Красноречие звучно</i>	И гром звучен
15	<i>Красноречие ярко</i>	И ядовитый аконит ярко

Таблица показывает, что Радость говорит о красноречии как огромном богатстве и самодостаточном качестве. Мы не слышим из его уст ни слов о благочестии, ни сомнений, что оно может оказаться недостаточным из-за социальных причин и проч. Более того, без тени смущения персонаж заявляет, что его собственное красноречие огромно, исключительно, заслуживает похвалы, придает уверенность [Петрарка 2016, с. 41]. Иными словами, красноречие рождает предельно высокую самооценку, перекрывает все общественные

«знаки» статусности (в том числе знатное происхождение), иные, данные от природы или взращенные в себе, качества личности. Если систематизировать высказывания, то перед нами апология красноречия как универсального и уникального ключа к успеху.

Несложно предположить, что Радость говорит от лица тех современников Петрарки (судей, магистров и профессоров, городских властей, служителей коммуны, дипломатов, советников, деловых людей), которые получили соответствующее образование, применили свои знания, успели понять, какой прочный капитал приносит красноречие. Это голос людей рождающегося Нового времени, голос торжествующий, если не ликующий. Такие персоны и детей хотели видеть обученными соответствующим образом. А их дети составляли значимую часть школьников второй ступени обучения, так называемых «грамматических школ», в которых на платной основе продолжала обучение в той же Флоренции примерно десятая часть мальчиков и в которых риторика вместе с латинской грамматикой начинала постигаться в четырех больших школах до уровня свободного владения, требуемого в университетах.

Казалось бы, реплики Радости — «готовая» дидактика, он сам — «актуальный» герой, высказывающий «живое» практическое мнение, на котором и можно воспитывать школяров. Но Петрарка в любом диалоге прорисовывает не только «вершки», но и «корешки». Разум не усматривает за речами Радости нравственных основ и плодов риторики. Он (хотя и это необычно для диалогов) не опрокидывает утверждений, но побуждает в своих ответах-комментариях увидеть «обратную сторону». В начале разговора мы слышим: значимо красноречие — да, могучий инструмент славы — да, но... с «обоюдоострым лезвием» [Петрарка 2016, с. 39]. Если оно оказывается «в руках» непорядочного и одержимого (бесноватого?) человека, то способно принести великий вред, опасность. Потому все характеристики, озвученные Радостью, отнюдь не самодостаточные, они должны соединяться со святостью, мудростью, скромностью. К ним же Разум в продолжение разговора, как показывает таблица, присоединяет добронравие, щедрость, добродетельность. Поле ратора гуманистически расширяется, важно не только мастерство говорения, но и то, каков его, ратора, этический облик.

Из таблицы видно, что для Петрарки на первом плане добродетель и мудрость, т. е. нравственность, помноженная на глубокое знание жизни и умение прожить ее безукоризненно; об этих качествах Разум напоминает в каждом втором ответе на реплики Радости. Разум ясно обозначает и основной гуманистический мотив — стремление к доброй славе.

Диалог рисует новые гуманистические задачи риторики, которая отталкивается от личности, должна ее формировать, вкладывать понимание бесконечности дела совершенствования самого себя, удерживания в пределах чести, нравственно строгих правил поведения. Из этих пределов не должен выбивать успех, влияние, возможности.

Автор диалога словно бы примеряет здесь суждения и к себе, что тоже случается нечасто: к характеристикам, если так можно обозначить, праведного красноречия добавляет его опасность для оратора. Если тот красноречив, честен и убедителен, то может изменить мнение людей о власти, ее действиях, а эта власть начнет мстить и чинить расправы. Разум тут же приводит несколько примеров о судьбах риториков первого ряда: Демосфена заставили бежать на остров и принять там яд, Цицерона убили противники республиканских порядков, Антония убили во времена диктатуры Суллы. Кажется, что гуманисту не составило бы труда привести еще немало примеров, в том числе из своего времени. Достаточно напомнить, что перед его глазами стояла, например, фигура Кола ди Риенцо, красноречивого римского нотариуса и организатора антибаронского политического переворота (1347 г.), что обернулось для него тюрьмой и смертью. В отношении себя гуманист тоже не раз замечал, что не исключает преследований и угроз, вплоть до расправы за смелые и ярко изложенные письма против римских (авиньонских) пап.

Но вывод Разума в конце диалога оптимистичен и полон гуманистической веры в силы личности: «В конце концов, красноречие можно повернуть куда угодно: в твоих силах иметь и крутую дорогу к славе, и наклонный путь к ненависти» [Петрарка 2016, с. 42]. Иными словами, Петрарка как гуманист в самом конце разговора напоминает еще один важный светский «горизонт» — всемерное публичное признание и бессмертие имени, «заработанное» риторикой. Со славы начинается разговор и завершается ею же.

В целом, повторим, Разум не перечеркивает определений Радости, кроме одного — самодостаточности красноречия, для него главное обратить внимание на важность и непереносимость высоких личностных качеств риторика, его культуры, его образования. Тезис, что «магистром красноречия может быть только добропорядочный муж» [Петрарка 2016, с. 40] становится вертикальной «осью» диалога и в очередной раз выводит его к риторике как дисциплине.

Диалог содержит дидактическую гуманистическую программу, ориентирующую на воспитание, самовоспитание в личности высоких нравственных и гражданственных принципов, а не только риторических, пусть сколь угодно высокопрофессиональных, умений «говорения».

Автор не завершает разговор одним диалогом — «De eloquentia» встроен в важный тематический ряд: после него идут тексты «О добродетели», «О добром имени», «О мудрости», «О религии». В совокупности все это и становится важными «опорами» гуманистического учения о совершенной личности и составными вопросами риторической подготовки.

Подведем итоги. Анализ материала показал, что с Петраркой в общественное поле приходят новые оценки риторики. Петрарка вернул ей древнее значение как науки красноречия и школьной дисциплины нравственного воспитания. Слово произносимое обрело особую важность; гуманист закрепляет за ним социальную и этико-дидактическую миссию. С точки зрения дидактического воздействия он в диалогах, острой полемике показал важность наполнения риторики реальными поэтическими образцами сильного содержания и эмоционального воздействия, светскими красноречивыми примерами, обсуждением «кардинальных» доблестей Античности (благоразумие, справедливость, умеренность, мужество), к которым прямо или в подтексте адресуются и в диалоге «О красноречии», и в инвективах, и в письмах.

Вслед за ним гуманисты-педагоги от Пьетро Паоло Верджерио до Витторино да Фельтре и Джованни Конверсино да Равенна в педагогических трудах следующего столетия будут высоко оценивать «тривий», особенно эмоциональный потенциал риторики, которая возвеличивает добродетели, обличает пороки, утверждает «власть ораторов» и наставников. В программу риторики они

добавят ряд древних и современных авторов, среди которых назван и Петрарка.

Литература и источники

Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с.

Бибихин В. В. Слово Петрарки // Петрарка Ф. Эстетические фрагменты / Пер. с лат., коммент., вступ. ст. В. В. Бибихина. М.: Искусство, 1982. С. 7–37.

Виллани М. Хроника // Виллани Джованни. Новая хроника или история Флоренции / Пер. М. А. Юсима. М.: Наука, 1997. С. 451–462.

Петрарка Ф. Инвективы против врача // Петрарка Ф. Сочинения философские и полемические / Пер. с лат. и примеч. Л. М. Лукьяновой, Н. И. Девятайкиной; вступ. ст. Н. И. Девятайкиной. М.: РОССПЭН, 1998. С. 219–303.

Петрарка Ф. Письмо к Гвидо Сетте, архиепископу Генуи, об изменении времен / Пер. с лат. Л. М. Лукьяновой // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сб. текстов. Ч. 1. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. С. 82–98.

Петрарка Ф. О средствах против превратностей судьбы / Пер. с лат. и примеч. Л. М. Лукьяновой; вступ. ст. Н. И. Девятайкиной. Саратов: Издательский дом «Волга», 2016. 615 с.

Ревякина Н. В. Гуманистическое воспитание в Италии XIV–XV вв. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 259 с.

Ревякина Н. В. Гуманизм и городские школы Италии XV в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2019. Вып. 55. С. 94–109.

Ревякина Н. В., Девятайкина Н. И. От Средневековья к «Радостному дому»: школы, ученики, учителя итальянского Возрождения (XIV–XV вв.). М.: Политическая энциклопедия, 2020. 295 с.

Тоноян Л. Г. Логика и теология Боэция. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 383 с.

Candido I. Introduction to Petrarch and Boccaccio // Petrarch and Boccaccio. The unity of knowledge in the pred-modern world. Berlin: De Gruyter, 2019. P. 3–31.

Dotti U. Vita di Petrarca: il poeta, lo storico, l'umanista. Torino: Nino Aragno, 2014. 771 p.

Petrarca F. Familiarum rerum // Edizione nazionale delle opera di Fr. Petrarca. Firenze, 1926–1942. Vol. 3. Lib. XII, ep. 2. P. 5–16.

Борьба за учеников: конфликт Венского университета и иезуитского коллегия в 1551–1623 гг.

Д. О. Жаров

Центрально-Европейский университет, Вена, Австрия

Аннотация. Статья посвящена институциональному и правовому конфликту двух образовательных учреждений: Венского университета и иезуитского коллегия в Вене. Это противостояние иллюстрирует сложность взаимодействия между «старыми», классическими учебными заведениями и «новыми» школами, возникшими в раннее Новое время. В статье описан ход конфликта и рассмотрены ключевые аспекты полемики между университетом и коллегием. Университет обвинял иезуитов в нарушении монополии на преподавание «высших» искусств и присуждение ученых степеней. Иезуиты же не считали древние привилегии университета достаточным препятствием для развития собственной школы. Второй проблемой было «переманивание» студентов из университета в коллегия. Образование у иезуитов оказалось более привлекательным, число студентов коллегия росло за счет университета, что вызывало у его руководства большую тревогу. Иезуиты в свою очередь критиковали университет за конфессиональную неоднородность и приверженность его профессоров протестантизму. Конфликт завершился в 1623 г. поглощением университета орденом иезуитов. Ключевую роль в разрешении спора сыграл император Фердинанд II Габсбург, принявший сторону иезуитов.

Ключевые слова: орден иезуитов, история образования, иезуитское образование, история университетов, монархия Габсбургов

The Battle over Students: Conflict between the University of Vienna and the Jesuit College in 1551–1623

Dmitry O. Zharov

Central European University, Vienna, Austria

Abstracts. The article is dedicated to the institutional and legal conflict between two educational institutions: University of Vienna and the Jesuit college in Vienna. This confrontation illustrates the complexity of the interaction between the “old”, classical educational institutions and the “new” schools that arose in the early New Age. The article describes the course of the conflict and discusses the key aspects

of the controversy between the University and the Collegium. The university accused the Jesuits of violating the monopoly on the teaching of the “higher” arts and the awarding of academic degrees. Jesuits did not consider the University’s ancient privileges as a serious obstacle for developing their own school. The second problem was the “poaching” of students from the University to the Collegium. Education among the Jesuits turned out to be more attractive, the number of college students grew at the expense of the university, which caused great concern among its leadership. The Jesuits, in turn, criticized the university for confessional heterogeneity and the commitment of its professors to Protestantism. The conflict ended in 1623 with the takeover of the university by the Jesuit order. The key role in resolving the dispute was played by Emperor Ferdinand II of Habsburg, who took the side of the Jesuits.

Keywords: Society of Jesus, history of education, Jesuit education, history of universities, the Habsburg Monarchy

XVI–XVII столетия — это переходный период в истории европейского образования. С одной стороны, в это время сохраняются традиционные, выработанные в Средние века подходы к образованию. В то же время постепенно модифицировалось как содержание обучения, так и отношения общества к пользе образования. На содержание учебных дисциплин серьезное влияние оказали педагогические воззрения гуманистов. Критикуя схоластическую традицию, гуманисты стремились воплотить в жизнь новое видение преподавания «свободных искусств», основанное на подробном изучении древних языков и античного красноречия. По сравнению с предыдущим периодом в раннее Новое время значительно растет спрос на образование, причем не только у горожан, но и у дворянства. Примерно с середины XVI столетия в Европе стремительно увеличивается количество учеников школ и университетов [Ridder-Symoens 1996]. Одной из причин этого процесса было постепенное формирование централизованных государств, нуждающихся в большом количестве образованных кадров для пополнения растущего управленческого аппарата. Кроме того, важную роль здесь сыграла Реформация. Школы и университеты приобрели конфессиональную «окраску» и превратились в центры распространения одной из религиозных норм. Церковные и светские власти понимали важность образования для укрепления конфессиональных позиций и потому активно поддерживали создание новых образовательных учреждений.

В ответ на вызовы времени возникали новые типы учебных заведений, которые не всегда встраивались в сложившуюся систему школ и университетов и порой входили с ней в противоречие. Гуманисты недовольные традиционной системой университетского образования создавали альтернативные высшие школы, где большее внимание уделялось изучению классических языков. «Коллегиум трех языков» в Лёвене или Коллеж де Франс в Париже — самые известные школы такого типа — противопоставляли себя древним университетам, и отношения между «старыми» и «новыми» высшими школами были весьма напряженными. Кроме того, возникновение так называемых гуманистических гимназий привело к размыванию границ между школой и университетом. Ученики таких гимназий могли освоить не только «низшие дисциплины» (*studia inferiora*: грамматику, поэтику, риторiku), но и «высшие» философские науки (логику, физику и метафизику), а иногда и теологию. Некоторые гимназии в какой-то момент получали право присуждать ученые степени, то есть, по сути, университетские привилегии. Так, к примеру, в 1566 г. император Максимилиан II одарил академической привилегией знаменитую гимназию Иоганна Штурма в Страсбурге, которая по статусу приравнялась к университетам [Tinsley 1989]. Распространение гимназического образования на «высшие» науки и стремление нивелировать юридическую разницу между гимназией и высшими школами вызывало тревогу у классических университетов. Особенно остро проблема вставала в том случае, если гимназию открывали в городе, где уже существовал университет.

Именно такая ситуация сложилась в Вене во второй половине XVI — начале XVII столетия, когда в городе существовало два конкурирующих учебных центра: Венский университет и школа при иезуитском коллегия. Прибывшие в Вену по приглашению эрцгерцога Фердинанда I (1503–1564) иезуиты открыли в 1551 г. коллегия, а в 1553 г. — школу при нем. Школа быстро стала популярной среди студентов, которые все чаще выбирали образование у иезуитов вместо лекций на философском и теологическом факультетах Венского университета. Такая тенденция вызывала у профессоров университета тревогу, и они всячески пытались воспрепятствовать развитию конкурента. Иезуиты же, в свою очередь, отвергали претензии и стремились укрепить свои позиции в образовательном

пространстве города. В этой статье будет подробно рассмотрен конфликт двух институций, который может служить ярким примером непростого взаимодействия между «старыми» и «новыми» образовательными учреждениями в раннее Новое время; проанализирована аргументация обеих сторон и последовательно разобраны основные аспекты противостояния. Хронологические рамки исследования — 1551–1623 гг.: от основания коллегiums до слияния с ним университета. Дав краткий обзор положения университета и коллегiums к началу конфликта, рассмотрим три основных пункта, вокруг которых велась полемика: 1) правовое положение иезуитской школы; 2) динамика студенческих миграций между двумя учебными заведениями; 3) конфессиональный аспект.

Пережив расцвет на рубеже XV–XVI вв., к 30-м гг. XVI в. Венский университет вошел в состояние затяжного кризиса, который продолжался до конца столетия. В первые десятилетия после Реформации число студентов упало в 6 раз по сравнению с началом века и далее сохранялось на очень низком уровне. Студенты массово переориентировались на новые протестантские университеты [Denk 2003]. Вслед за падением числа студентов сократились доходы университета, что в первую очередь вело к ухудшению положения преподавателей и сокращению числа профессорских кафедр. В 30–50-е гг. XVI в. эрцгерцог Фердинанд I предпринял попытку реформ, нацеленных на улучшения положения университета. Ситуацию удалось стабилизировать, но к середине столетия университет по-прежнему не мог восстановить былую популярность [Denk 2003]. Необходимо было искать другие способы развития образования, а вместе с ним — что было особенно важно для католического монарха — укрепления позиций католицизма. В середине XVI в. население Центральной Европы было преимущественно протестантским. Фердинанд хотел преломить ситуацию и понимал, что школы могут стать опорой для рекатолизации [Evans 1979]. Эрцгерцог нашел поддержку у молодого ордена иезуитов, который с конца 40-х гг. XVI в. был активно вовлечен в создание системы католического образования. Начав с Южной и Западной Европы, иезуиты стремились распространить сеть школ в регионах, находившихся под наибольшим влиянием протестантизма, в первую очередь в Центральной и Восточной Европе [Grendler 2019]. В этой связи иезуиты

с готовностью приняли предложение Фердинанда и в 1551 г. основали в Вене первый коллегium в землях к северу от Альп [Wrba 1993].

Прибыв в столицу Габсбургских земель, иезуиты были готовы немедленно открыть школу, однако сразу же столкнулись с пассивным сопротивлением со стороны университета. Согласно принятым еще в XIV в. университетским статутам ни одна новая школа не могла быть учреждена в городе без санкции ректора (*sine scitu et licentia dicti rectoris nulla schola erigatur*) [Kink 1854, p. 64]. Университет не спешил наделить этим правом иезуитов. В отчете¹ главе ордена Игнатию Лойоле венские иезуиты сетовали на то, что профессора университета не видели необходимости в создании еще одной школы. Их тревожил некий новый метод обучения, предлагаемый иезуитами, который может пошатнуть (*labefactaret*) влияние прославленного университета [*Litterae quadr.* Т. II, p. 249]. Нельзя точно сказать, что за метод имели в виду профессора, но вероятно речь шла о гуманистической педагогической традиции, которую переняли иезуиты. Несмотря на несговорчивость университета, иезуиты уже в 1551–1552 гг. частным образом вели занятия, а в 1553 г. благодаря вмешательству эрцгерцога Фердинанда им наконец удалось получить формальное разрешение на открытие школы.

На протяжении последующих десятилетий университет постоянно ссыался на лицензию как на одно из доказательств правовых нарушений со стороны иезуитского коллегiums. Так, например, в жалобе императору от 1593 г. члены университетской консистории (центрального управляющего совета университета, созданного в ходе реформ Фердинанда I) подчеркивали, что иезуитам было позволено преподавать только дисциплины тривиума (*artes triviales*), тогда как «высшие» (*sublimiores*) искусства оставались в исключительном ведении университета [UAW CA 1.0.38, p. 4]. Иезуиты же нарушили это условие и уже в первые годы после открытия читали в коллегiums лекции по философии и теологии. Для лучшего понимания сути претензии необходимо различать два типа участия

¹ В 50–60-е гг. XVI в. каждый коллегium три-четыре раза в год отправлял в Рим так называемые *Litterae quadrimestres*, отчеты о положении дел, включавшие информацию о прогрессе в школьном деле (далее — *Litterae quadr.*).

иезуитов в преподавании этих дисциплин. С одной стороны, иезуиты, пользуясь поддержкой правящего дома, могли получить кафедру в университете и выступать перед его студентами [Litterae quadr. T. VI, p. 91]. В таком случае другие профессора, несмотря на противоречивое отношение к членам ордена, не могли предъявить никаких формальных претензий, так как занятия проводились под эгидой университета (хотя и на этой почве иногда возникало недовольство, о чем будет сказано ниже). Другой вариант — это обучение высшим дисциплинам не в университете, а в самом коллегииуме. Именно такие случаи вызывали особое возмущение. С точки зрения университета, иезуиты буквально вступали в противоборство (*conspicuis*) с профессорами факультетов философии и теологии. Вторгаясь в область преподавания высших дисциплин, иезуиты нарушали древние привилегии университета, которые были гарантированы императором. Наибольшую тревогу университета вызывал даже не столько факт нарушения иерархии в преподавании, сколько желание иезуитов присуждать ученые степени своим выпускникам. С просьбой о даровании такого права ректор коллегииума в первый раз обратился к императору в 1556 г. [Vita Ignatii Loyolae 1898, p. 340]. С точки зрения иезуитов, уровень образования в коллегииуме был достаточно высоким, чтобы его ученики могли после окончания необходимых курсов получить звание магистра или доктора. Более того, право присуждения степеней повысило бы престиж коллегииума и соответственно привлекательность для студентов разных сословий [Litterae quadr. T. VII, pp. 159, 497–498]. Согласие императора означало бы, что в Вене появился бы фактически второй университет. В середине XVI в. ни одна иезуитская школа не обладала еще таким статусом. В дальнейшем будут открыты первые иезуитские университеты, возникшие из коллегииумов (1573 г. — в Вильнюсе; 1578 г. — Оломоуце; 1586 г. — Граце), однако в городах, где они появились, в отличие от Вены не было предшествующей университетской традиции. Император, понимая сложность ситуации, нашел компромиссное для сторон решение: иезуиты продолжили преподавать философию и теологию, но желаемого права промоции они так и не получили [Mühlberger 2003]. Такое положение не устраивало ни университет, ни иезуитов. Последние продолжали в своих отчетах жаловаться на невозможность самим присуждать степени [Litterae

quadr. T. VII, p. 159] и в конце 50-х гг. XVI в. обратились за помощью к римскому папе.

В 1561 г. папа Пий IV разрешил иезуитам присуждать степени, но из-за сопротивления со стороны университетов это решение не удалось претворить в жизнь [Mühlberger 2003]. Спустя десять лет, в 1571 г., папа Пий V закрепил статус-кво в отношениях иезуитских коллегиямов и университетов по всей Европе. Согласно папской привилегии, иезуиты могли преподавать любые дисциплины в любом месте, даже там, где уже существует университет (*etiam in locis, ubi universitates extiterint*) [Institutum 1757, p. 40]. Однако если студент, прослушавший курсы у иезуитов, хотел получить степень магистра искусств или доктора теологии, он мог сделать это только в университете. Папа настаивал на том, чтобы юридически курсы в коллегияме приравнивались по статусу к университетским и чтобы в ходе экзамена на степень университет никак не принимал права таких, «иезуитских», учеников и относился бы к ним как к собственным студентам (*pariformiter & absque ulla penitus differentia, quam si in universitatibus praefatis studuissent*) [Institutum 1757, p. 40]. Несмотря на все попытки урегулирования со стороны светских и церковных властей, споры о правах коллегияма продолжались вплоть до первой трети XVII в.

Пожелания римского папы по поводу терпимого отношения к студентам иезуитов едва ли выполнялись на практике. Университет очень трепетно относился к численности своей корпорации, и переход студентов к иезуитам вызывал глубокое разочарование. Подход к таким студентам со стороны университетских преподавателей сложно назвать уважительным. Характерный эпизод видим в отчете иезуитов за сентябрь 1560 г. Некий студент, учившийся у иезуитов, обратился за помощью к одному из уважаемых профессоров университета по имени Георг Мушлер (Muschlerus), который несколько раз (в 1553, 1558 и 1563 гг.) был ректором университета и деканом философского факультета. Суть просьбы студента не до конца ясна. Судя по сжатому тексту отчета, от профессора ему нужна была рекомендация для некоего знатного лица (*ut auxilio illius apud dominum quondam promoveretur*) [Litterae quadr. T. VI, p. 879]. Мы не знаем точно, но логично было бы предположить, что этот студент был ранее знаком с профессором и, вероятно, сам

учился в университете до перехода к иезуитам. В ответ на просьбу профессор ответил буквально следующее: «Проси помощи у тех, у кого учишься. Отправляйся к своим иезуитам! (*vade ad tuos jesuitos*)» [Litterae quadr. T. VI, p. 879]. Принимая во внимание тенденциозность иезуитского источника, мы склонны, хоть и не буквально, скорее доверять подобному изложению, так как общая политика университета была во многом схожа с духом этого эмоционального высказывания.

В 1559 г. университет официально запретил своим студентам посещать лекции в коллегии [Denk 2003]. Таким образом университет рассчитывал остановить отток учащихся к иезуитам. Никакого эффекта этот запрет не имел. В жалобе 1593 г. отмечалось, что иезуиты продолжили в больших масштабах переманивать учеников из университета (*Auditores dermassen an sich gezogen*) [UAW CA 1.0.38, p. 4]. В результате, если верить данным университетской консистории, к концу XVI в. коллегий в пять раз опережал университет по числу учеников [UAW CA 1.0.38, p. 7]. Профессора философии университета в 1593 г. с досадой писали императору, что, пока иезуиты «не запустили свою руку так далеко» (*ehe dan die herrn Ihesuiten ihren brachium soweit außgestrecht*) и не нарушили монополию университета на преподавание «высших» дисциплин, аудитории университета были всегда полны и каждый год по несколько человек получали степени [UAW CA 1.0.38, p. 8]. Теперь же из-за пагубного вмешательства иезуитов университет опустел. Иезуитские источники также с гордостью подчеркивали, что, несмотря на запрет, число новых студентов, ранее учившихся в университете, только росло [Litterae quadr. T. V, pp. 325, 388]. Основной причиной популярности, по мнению иезуитов, было более высокое качество обучения философии и теологии. Следует отметить, что важную роль также играла бесплатность образования в коллегии. Были студенты, которые посещали занятия и в университете, и в коллегии (*partim in universitate partim hic audiunt*) [Instructiones 1974, p. 118]. Такое двойное подчинение давало студентам возможность получить при обучении все возможные выгоды: с одной стороны, познакомиться с новаторской педагогической системой иезуитов, с другой — избавиться от проблем в случае получения степени. Попытки универси-

тета бороться с подобной практикой, как уже отмечалось, успехом не увенчались.

Если критики иезуитов в основном концентрировались на правовых нарушениях и «нечестной» конкуренции коллегiums с университетом, то члены ордена делали упор на другом аспекте, прямо не связанном с организацией учебы. У иезуитов вызывали сомнения конфессиональные взгляды некоторых преподавателей университета. В первой половине XVI в. позиции католицизма в Венском университете значительно ослабли. Многие преподаватели (в первую очередь философского, юридического и медицинского факультетов) либо прямо поддерживали учение Лютера, либо были индифферентны к религиозным спорам, оставаясь верными внеконфессиональной гуманистической традиции. В ходе реформ университета 30–50-х гг. XVI в. Фердинанд I стремился переломить ситуацию и добиться того, чтобы преподаватели были исключительно католиками. Результаты этих попыток были неоднозначны. С одной стороны, выросло число профессоров, чьи конфессиональные предпочтения явно были на стороне католической церкви. Особенно это касалось высших университетских должностей: ректоров и деканов. Так, например, Георг Эдер (1523–1587), который, начиная с 1557 г., 11 раз занимал пост ректора, был ярким антилютеранским полемистом и одним из самых активных деятелей католической реформы в Вене [Fulton 2007]. В 90-х гг. XVI в. ректором был другой видный сторонник рекатолизации — епископ Вены Мельхиор Клезль. Кроме того, чтобы не допустить протестантов (в том числе скрытых) к преподаванию, Фердинанд I запретил принимать в университет выпускников любого некаатолического университета [Denk 2003]. Несмотря на усилия католической стороны, окончательно очистить университет от протестантского влияния не удалось. Отчасти это было связано с религиозной толерантностью Максимилиана II (1527–1576), преемника Фердинанда. В правление Максимилиана положение протестантов значительно улучшилось, и даже после смерти императора, когда политика рекатолизации вновь набрала обороты, в университете сохранились преподаватели, критически настроенные к католической церкви. Именно они становились объектами критики иезуитов. К примеру, упомянутый выше Георг Мушлер, отказавшийся помогать ученику иезуитов, вместе

с профессором теологии Леонардом Хёфлером (с 1546 по 1551 г. — декан факультета теологии) якобы распространяли «еретические» (т. е. протестантские) учения. Хёфлер открыто выступал за причащение под двумя видами (одна из ключевых ритуальных особенностей протестантов). Вину Мушлера иезуиты не конкретизировали, но отметили, что за свои неортодоксальные взгляды он был выведен из руководства университета (в 1560 г. его не переизбрали на должность декана философского факультета), однако он даже после этого продолжил учить частным порядком и «заражать» сыновей горожан и дворян порочным учением (*plures et ciuium et nobilium filios... sua prauitate innocentes inficit*) [*Litterae quadr. T. VI, p. 879*]. Подобную конфессиональную риторику можно рассматривать в том числе как аргумент в полемике о разнице образования в коллегииуме и университете. Иезуиты в отчетах неоднократно подчеркивали, что студенты в коллегииуме учатся не только наукам, но и католическому благочестию (*pietas*). Университет же в изображении иезуитов предстает как рассадник ереси, и естественно, что ученики, стремясь к духовному совершенствованию, отдавали предпочтение школе иезуитов. Безусловно, это значительное преувеличение. Во-первых, как уже было сказано выше, далеко не все профессора университета сочувствовали протестантам. Во-вторых, население Вены и ближайших земель на протяжении второй половины XVI в. было преимущественно лютеранским и маловероятно, что в школе католиков-иезуитов его привлекала именно конфессиональная специфика. Тем не менее примечательно, что противостояние двух учебных центров могло приводить к актуализации конфессиональной тематики.

К концу XVI в. конфликт между коллегииумом и университетом находился в стагнирующей фазе. В течение 50 лет руководство университета обвиняло иезуитов в нарушении древних привилегий и всеми силами пыталось остановить рост коллегииума. Иезуиты же, наоборот, все это время стремились расширить свое влияние, получить право присуждения степеней по философии и теологии и таким образом сравняться по статусу с университетом. Ни одна из сторон не могла достичь желаемых целей. Решение вопроса в конечном счете зависело от позиции высших светских властей, которые также не хотели однозначно поддерживать лишь одну из сторон. В начале XVII в. баланс сил постепенно начал сдвигаться в пользу иезуитов.

Первым тревожным для университета сигналом было увеличение числа иезуитов на профессорских кафедрах философского и теологического факультетов. В ходе реформ Фердинанда I университет лишился части административной самостоятельности, в том числе и в кадровых вопросах. Назначения на новые кафедры зависели от решения эрцгерцога и его приближенных, которые благоволили иезуитам. В 1597 г. университетская консистория направила императору жалобу, в которой выступила против засилья иезуитов на указанных факультетах [UAW CA 1.0.39]. Иезуиты получали практически все новые профессорские места и из-за этого люди, не относящиеся к ордену, с трудом могли получить возможность преподавать [UAW CA 1.0.39, р. 4]. Другая проблема заключалась в том, что профессора-иезуиты не подчинялись общеуниверситетским статутам, а были подотчетны исключительно руководству ордена [UAW CA 1.0.39, р. 3]. Жалоба университета никаких последствий не имела. В 1609 г. эрцгерцог Маттиас созвал комиссию по реформе университета, которая предложила новый вариант выхода из конфликта с коллегиям. Согласно предложениям комиссии, все преподавание на философском факультете должно было быть передано в руки иезуитов. Профессора всех четырех факультетов выступили категорически против этого и заявили, что такое решение приведет к полному разрушению университета [Mühlberger 2003, S. 26]. Вопрос опять на время отложили, но уже в 1622 г. новый император Фердинанд II возобновил обсуждения, твердо встав на сторону иезуитов. Ревностный католик, Фердинанд II сам учился в иезуитском университете в Ингольштадте и считал, что расширение иезуитского образования будет только на пользу [Bireley 2014]. В 1623 г. император издал так называемую «Прагматическую санкцию», по которой коллегия иезуитов инкорпорировался в состав университета. На практике это означало, что ректор коллегия становился ректором всего университета и иезуиты получали контроль над философским и теологическим факультетами, обучение на которых они перестроили в соответствии с утвержденным в 1599 г. единым учебным планом иезуитов (Ratio studiorum). Медицинский и юридический факультеты формально оставались вне влияния иезуитов, но их значение в структуре университета заметно снизилось [Mühlberger 2003, S. 28–29]. Принятие «Прагматической санкции»

фактически ознаменовало победу иезуитов в конфликте, продолжавшимся с 1551 г.

Конфликт иезуитского коллегияума и Венского университета иллюстрирует один из аспектов той эволюции, которая происходила в европейском образовании в раннее Новое время. Новые типы школ, возникшие как реакция на изменения в интеллектуальной и общественной жизни, должны были найти себе место в уже существующей традиционной и достаточно консервативной системе образования. Взаимодействие «старой» и «новой» школ не всегда было мирным. Так, университеты, которые были символом традиции в образовании, видели в «новых» школах угрозу своим привилегиям. Венский университет не мог позволить, чтобы в городе функционировал альтернативный учебный центр, обладающий правом преподавать «высшие» дисциплины и присуждать ученые степени. Иезуиты, в свою очередь, иначе расставляли приоритеты. Главной ценностью для них было открытие школы, которая бы с помощью новаторских педагогических приемов и бесплатного обучения привлекла бы как можно больше молодых людей и через обучение способствовала бы укреплению католицизма. Если в школе будут преподавать «университетские» дисциплины, то это было бы только на благо, так как повысило бы ее престиж и привлекательность. То же можно сказать и о праве присуждения степеней. Нарушение привилегий «старых» университетов иезуитов не волновало. При этом иезуиты понимали, каким высоким символическим значением обладал статус университета, и стремились к нему как к еще одному средству расширения собственного влияния в сфере образования. Именно поэтому так важно было для иезуитов получить в итоге полный контроль над Венским университетом. Похожим образом иезуиты проникали и подчиняли себе и другие университеты в немецкоязычных землях [Hengst 1981].

Литература и источники

A History of the University in Europe. Vol. 2 / Ed. by Hilde de Ridder-Symoens. New York [et al.]: Cambridge University Press, 1996. 720 p.

Bireley R. Ferdinand II, Counter-Reformation emperor, 1578–1637. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 324 p.

Denk U. Schulwesen und Universität // Wien. Geschichte einer Stadt. Bd. 2: Die frühneuzeitliche Residenz (16.–18. Jh.) / Hrsg. von Karl Vocelka und Anita Traninger. Wien, Köln [et al.], 2003. S. 365–423.

Evans R. J. W. The making of the Habsburg monarchy: 1550–1700. New York: Oxford University Press, 1979. 531 p.

Fulton E. Catholic belief and survival in late sixteenth-century Vienna. The case of Georg Eder (1523–1587). Abington: Routledge, 2007. 196 p.

Geschichte der kaiserlichen Universität zu Wien. Zweiter Band. Statutenbuch / Hrsg. von Rudolf Kink. Wien: Verlag von Karl Georg und Sohn, 1854. 640 S.

Grendler P. Jesuit schools and Universities in Europe. Leiden; Boston: Brill, 2019. 118 p.

Hengst K. Jesuiten an Universitäten und Jesuitenuniversitäten: zur Geschichte der Universitäten in der Oberdeutschen und Rheinischen Provinz der Gesellschaft Jesu im Zeitalter der konfessionellen Auseinandersetzung. Paderborn-München [u. a.]: Ferdinand Schöningh, 1981. 425 s.

Institutum Societatis Jesu. Praga: Typis Universitatis Carolo Ferdinandae in collegio Societatis Jesu ad S. Clementem, 1757. T. I. 790 p.

Instructiones datae Viennae 1563 // MPSJ III / Ed. by Ladislaus Lukács. Roma: Institutum Historicum Societatis Jesu, 1974. P. 91–94.

Litterae quadrimestres ex universis praeter Indiam et Brasiliam locis in quibus aliqui de Societate Jesu versabatur Romae missae. T. I–VII. Roma; Madrid, 1893, 1895, 1896, 1897, 1921, 1936, 1932.

Mühlberger K. Universität und Jesuitenkolleg in Wien. Von der Berufung des Ordens bis zum Bau des akademischen Kollegs // Die Jesuiten in Wien. Zur Kunst- und Kulturgeschichte der österreichischen Ordensprovinz der «Gesellschaft Jesu» im 17. und 18. Jahrhundert / Hrsg. von Herbert Karner. Wien, 2003. S. 21–37.

Tinsley B. Johann's Sturms method for humanistic pedagogy // Sixteenth century Journal. 1989. Vol. 20. N 1. P. 23–40.

UAW CA 1.0.38. Konkurrenz zwischen Kolleg und Universität (12.10.1593).

UAW CA 1.0.39. Aufnahme der Jesuiten an die Universität (05.08.1597).

Vita Ignatii Loyolae et rerum Societatis Historia auctore Joanne Alfonso de Polanco. Madrid: Augustinus Avrial, 1898. T. 6 (1556). 983 p.

Wrba J. Ignatius, die Jesuiten und Wien // Aspekte der Bildungs- und Universitätsgeschichte 16. bis 19. Jahrhundert / Hrsg. von Kurt Mühlberger and Thomas Maisel. Wien, 1993. S. 61–93.

Higher Education of Serbian Pedagogues abroad: Russia as a Source of University Education

Maja Nikolova

UNIHub, Belgrade, Serbia

Abstracts. The article discusses the importance of the educational needs of the Serbian society and the issue of planned and programmatic education of new generations who were the bearers of change. For the history of education, the 18th century represents a significant turning point, a time when university-educated Serbs appeared for the first time. Religious, linguistic and cultural closeness with the Slavic peoples directed the first students to Russian academies where they acquired theological and secular education. Studies in Russia, and later in other countries of Western Europe, influenced their personal lives, but also the changes in which the cultural and social life of Serbs developed. They brought into Serbian society a specific religious, educational and political view of the world in which the characteristics of the new age, which was already present in Europe, were visible. Specific cultural and religious ones came with them imperceptibly habits, characteristic styles of dress, behaviors and speech. Education at Russian higher education institutions were an expression of the national spirit aimed at preserving Orthodoxy and enlightening the broad masses. Our goal was to look at the social changes and changes in the education system that followed the complex actions of highly educated people, experts who, after completing their studies, returned to their desires.

Keywords: Serbian pedagogues, higher education, spiritual academy, Kiev, Russia

Высшее образование сербских педагогов за рубежом: Россия как источник университетского образования

Майя Николова

UNIHub, Белград, Сербия

Аннотация. В статье рассматривается важность образовательных потребностей сербского общества и вопрос планомерного и программного воспитания новых поколений, которые были носителями перемен. Для истории образования XVIII в. представляет собой важный поворотный момент, время, когда впервые появились сербы с университетским образованием. Религиозная, языковая и культурная близость способствовала тому, что первые ученики направились в русские академии, где они получили богословское и светское

образование. Учеба в России, а затем и в других странах Западной Европы повлияла на их личную жизнь, а также на изменения, в которых развивалась культурная и общественная жизнь сербов. Они привнесли в сербское общество особый религиозный, образовательный и политический взгляд на мир, в котором были видны черты новой эпохи, уже присутствовавшей в Европе. С ними незаметно пришли специфические культурные и религиозные привычки, характерные стили в одежде, поведении и речи. Обучение в высших учебных заведениях России было выражением национального духа, направленного на сохранение православия и просвещение широких масс. Нашей целью было посмотреть на социальные изменения и изменения в системе образования, к которым привела деятельность образованных людей, вернувшихся после окончания образования на родину.

Ключевые слова: Сербские педагоги, высшее образование, духовная академия, Киев, Россия

The arrival of the Russians among the Serbs in the XVII century

The availability of education to the general population at the beginning of the XVIII century, the opening schools for female children and the emergence of literature, which was increasingly printed and read, influenced that the cities of Russia and Europe become cultural and educational centers. In such an environment, universities not only had an educational role but also the task of transmitting a certain culture and strengthening patriotism and national consciousness.

For the history of Serbian pedagogy, the XVII century, due to the appearance of the first university-educated Serbs, represents a great turning point. Aware that religious closeness and linguistic similarity in many ways facilitate the acquisition of knowledge, the future Serbian intellectual elite went to Russia to study.

After the merger of the Archbishopric of Karlovac and Belgrade, Metropolitan Mojsije Petrovic, with the approval of the Austrian court, was able to open a Russian-Slavic school. To that end, Maxim and Petr Suvorov, teachers from Russia, arrived in Sremski Karlovci in 1726 and brought with them Theophan Prokopovich's *Primer* and Melanite Smotricki *Slavic Grammar* [Aksentijevic 1967, p. 5]. After their arrival, Slavic schools were opened in Belgrade and Sremski Karlovci, which were mostly adult students who already knew the Serbo-Slavic language.

The students, who were divided into three groups, had to learn the Russian-Slavic language. The teaching in the first two groups did not

differ significantly from the teaching in the Serbo-Slavic schools: the students learned reading, writing and religious studies, all from the *Primer* of Theophan Prokopovich, which in the second part contained the Catechism [Aksentijevic 1967, p. 12]. The third group, the group of grammarians, founded in 1728, was the beginning of secondary education among Serbs. Since there were no textbooks for learning Latin, teacher Maxim Suvorov, 1729, had to prepare a review of the Latin alphabet. The school was housed in a special building, and Metropolitan Mojsije Petrovic made rooms in his yard available to students who were not from Karlovac. However, after the death of the Metropolitan in 1730, the school was closed in 1731. Although short-lived, this school educated many priests and teachers, who began to open new primary schools in many places.

Metropolitan Vikentije Jovanović continued his cooperation with teachers who came from Russia and founded a real Latin school [Aksentijevic 1967, p. 14]. Teaching in this school was divided into grammar, rhetoric and dialectics. The first four years were devoted to grammar and syntax, the fifth to poetics, and the sixth to rhetoric. After graduating from these schools, students would have a two-year course in dialectics, or course in philosophy. Religious instruction was the first subject, although it was practiced more than taught. Latin was the most important subject, and Greek and history were taught.

In the second half of the XVIII century, Novi Sad was a center of educational and cultural creativity, thanks to Vasilije Krizanovski, who was a student and teacher at the Kiev Theological Academy. He came to Novi Sad in 1747 and immediately began teaching catechism at the Slavic-Latin school. In addition, he wrote a textbook for religious education and translated church books from Latin [Curcic 2013, p. 49].

The main characteristics of this period were, besides the primary, the opening of secondary schools; the religious and cultural ties with Russia resulted in the suppression of the Serbo-Slavic language in favor of Russo-Slavic as the language of the Serbian church, school and literature.

The economic strengthening of Serbian civil society has resulted in an increase in their influence in social and political life. This was reflected in new attitudes about culture and education. On the other hand, the influences, which came from Russia, contributed to the spread of the Enlightenment. The reform of the Church Slavonic alphabet and

the introduction of civil Cyrillic in Russia, at the beginning of the XVIII century during the reign of Peter the Great, were widely accepted by Serbs. The author of the reform among the Serbs was Zaharije Orfelin, and the new letter led to the appearance of the first secular writers who propagated the Enlightenment. Thus, the first Serbian literary-entertaining and scientific magazine *Slaveno-Serbian Magazine* was initiated in 1768 in Venice, the place where Serbian church and secular books were printed.

In the last decades of the XVIII century, in 1791, the first Serbian gymnasium was founded in Sremski Karlovci, which represents a great step forward in the education of Serbs [Aksentijevic 1967, p. 18]. It was the most important educational institution and gathered the most famous Serbs of that time. Nurturing national identity and giving broad knowledge to students, Gymnasium formed intellectuals who contributed to the development of Serbian society.

From the above, we can conclude that literacy and schooling among Serbs developed in the XVIII century thanks to the influence of Russian teachers and professors. Their activities moved in two directions — in the process of founding primary and secondary schools and in textbooks that were necessary for the development of education and literacy. Acceptance of Russian-Slavic as the language of the Serbian church, school and literature provided an opportunity for a larger number of students to acquire basic and higher literacy and introduce Serbs to the XIX century through spiritual and secular books. Thus, the patriarchal environment slowly gained European outlines.

Serbs were educated in Russia in the XVIII century

During the XVIII century, the largest number of Serbs went to study in Russia, and especially to the Kiev Theological Academy. Dositej's words testify to that: «Where could a deacon study other than in Kiev or Moscow?» [Vukasinovic 2013, p. 9] Thanks to those students, who were not only educated in theological but also in secular schools, Western enlightenment came indirectly among Serbs¹. Returning to their

¹ It should be noted that at that time, several Serbs were already present in Russia, who enjoyed many privileges as warriors, border guards and diplomats. The first large group of Serbs immigrated to the Russian Empire during the reign of Peter the Great, in the 1830s the Serbian Hussar Regiment was founded, as well

homeland, these students brought with them knowledge, skills and specific cultural and religious habits. The broad cultural and educational perspective was enriched by a different view of the world, specific fashion and behavior in society. Graduated theologians had great authority among their fellow citizens, and their works and teachings spread among the Serbs, who began to change. Some new habits were introduced, and the spread of the national spirit in religion and culture heralded a new time. Preservation of Orthodoxy and enlightenment of the broad masses of the people began to be realized through schooling.

The first highly educated Serbs, with a changed view of the world, saw that education was the best way to influence the changes and development of Serbian society. To that end, they worked on the planned and program education of new generations, so the Serbs educated in Russia, began to open new schools in which they taught themselves. That is how the Belgrade Great School was opened in 1808 and the Dositej Obradovic Theological Seminary in 1810. Thanks to the university-educated Serbs, the Enlightenment began to spread, which signaled a new era in the development of Serbian society.

Many historians agree that without knowing the influence of the Kiev Academy, it is not possible to see the social and cultural circumstances among Serbs at the beginning and middle of the XVIII century².

Why did most Serbs attend the Kiev Spiritual Academy?

The peculiarity of Russian spiritual academies, even those in Kiev, in the first half of the XVII century, was that they were open to the education of Orthodox priests who lived outside Russian borders. In addition to the closeness in mentality, Kiev was also the spatially closest to Serbs who living in southern Hungary. Attraction was also the content of studying because, at the beginning of the XVIII century, the professors of the academy, in methodological and content terms, began to use Western

as a Hussar regiment composed of Serbs themselves. Later, on the territory of today's Ukraine, it was founded militarily administrative units called New Serbia and Slavonia. Count Sava Vladislavic Raguzinski stood out as a diplomat of Peter the Great in politics, and Teodor Jankovic — Mirijevski, a philosopher and pedagogue, reformed schooling in the Russian Empire. Another Serb was connected to Russian education — that was Atanasije Stojkovic, professor and rector of the University of Kharkov.

² The Kiev Spiritual Academy was founded in 1615.

models. The aim of the modern approach to education was to create a new type of man who would meet the needs of the church in an enlightened society. This type of education was also needed by Serbs who were on the threshold of forming a new worldview that was supposed to lead to the awakening of universal national consciousness. In addition, it was an academy from which professors came among Serbs and founded Latin schools. And something else, some Serbs were not only students but also lecturers at the academy.

So, the great interest of Serbs for the Kiev Academy was not accidental. In the desire for a higher theological education based on pro-Western ideas, the Kiev Academy, until the second half of the XVIII century, had the championship. In the second half of the mentioned century, its influence began to weaken, and spiritual academies in Moscow and St. Petersburg entered the scene. With the tendency to weaken the influence of the church on society, the number of students decreased until the second half of the XIX century, when the reorganized spiritual academies again attracted the attention of all, even Serbian students.

Serbs were educated in Russia in the XIX century

During the XIX century, Serbs also went to foreign countries to study. The choice of place and the discipline of studying in the case of state scholarship holders were a matter of state decision. In the middle of the XIX century, among other countries, Serbs were educated at the University of Moscow, St. Petersburg and Odessa, and most of them were at the Theological Academies in Kiev, Moscow and Kharkov. These were the highest theological colleges in the Orthodox world. The first group of six Serbian students went to Kiev in 1846, the second, five of them, in 1850 and the third group, was sent in 1857 [Trgovcevic 2003, p. 43]. Upon their return to the country, the students were guaranteed a high church position, and they were also professors in gymnasiums and other high schools.

During the second half of the XIX century until the beginning of the First World War, almost all Serbian ministries sent students to Russia, Moscow, Odessa, Kiev and St. Petersburg. Among them were the most scholars from the Ministry of Education. In addition, from spiritual academies, medicine and philology were mostly studied. It is interesting to note that in the period from 1904 to 1914, the Ministry of the Interior sent four women to study medicine [Trgovcevic 2003, p. 233].

To financially help Serbian students, and even Serbia itself, the Moscow Slavic Committee, since 1857, has provided scholarships to the future scientific elite [Trgovcevic 2003, p. 43].

Serbian students and pupils who were educated in St. Petersburg, in October 1866, founded the Association of Serbian Municipalities which belonged an organization called The United Serbian Youth. The goal of the Society was to help each other and socialize all those who were far from their homeland. In the seventies of the XIX century, the Serbian Churchyard was founded in Moscow, and in 1897, the Serbian Consulate General was opened in Moscow.

Based on the brief facts, we can conclude that Serbian students went to school in Russia in large numbers during the 18th century, at a time when Serbs needed the support of people who were similar in mentality, religion and language. Most of them were at spiritual academies that educated priests and teachers, good people who, upon their return to their homeland, spread knowledge and maintained their national identity. During the XIX century, Russia was also a center of education for Serbian youth who, in addition to theology, studied medicine, philology, technology and other sciences.

This is an opportunity to get acquainted with the life and work of two excellent pedagogues educated in Russia. They marked their time by special efforts in private life, work during secondary and higher education, great commitment to practical work, original ideas and notable writing activities. These are Katarina Milovuk and Jevrem Ilic.

Katarina Milovuk

Katarina Milovuk was a woman who acted ahead of her time and a gender. She was the most educated Serbian woman of that time, who was dedicated to enlightening women by personal example. As an energetic person, armed with knowledge in many ways she was first.

It is written that she was born as Ekatarina Djordjevic in Novi Sad on August 28, 1844. She finished primary school in her hometown, and then, since there was no higher school for female children in Serbia, she went to Russia for further education with the support of her parents. In Nikolajevo, in 1861, she finished high school, and then passed the pedagogical state exam at the University of Odessa [Stankov 2011, p. 3]. Upon her return to Serbia, at the age of 19, she was appointed, in 1863,

the director of the newly founded Women's College in Belgrade, which then had the rank of a grammar school. She remained in that school, where she taught pedagogy and methodology, for 30 years. In 1893 she retired.

At the beginning of the XX century, in 1904, Katarina was invited to organize the work of the Higher Serbian Women's School in Thessaloniki, a city where many Serbs lived, which she successfully realized. In 1907 she returned to Belgrade [Nikolova 2013, p. 33].

She died in Belgrade on September 27, 1913.

Studying in Russia did not bring her only a huge knowledge of pedagogy. With her skill and perseverance, she showed that even in patriarchal Serbia, a female intellectual elite can be formed. As a member of feminism, she strengthened the women's movement and gained the opportunity for women's equality through their education.

Jevrem Ilic

Jevrem Ilic was born in a priestly family on January 28, 1852, in the village of Oreovica, Pozarevac district³. After primary school, which he attended in his hometown, he finished, as the first generation of students, the lower four-grade high school in Pozarevac. After that, he went to Belgrade, where, in 1870, he graduated from the Orthodox Theological College. After finishing high school, he was appointed a first-grade teacher at the elementary school in Kragujevac, and later a part-time teacher of church singing at the Teacher's School in Belgrade⁴. As an exemplary teacher and an excellent student of the seminary, he was sent, as a state cadet, in 1873, to the Theological Academy in Kiev [PM. F. 69. 5.]. He interrupted his studies to take part in the Serbian-Turkish war and graduated in History of the Russian Church in 1877. After that he was professor at the Teachers' School in Belgrade, and in 1881 he became a professor at the Department of Christian Science and Russian at the Theological Seminary in Belgrade.

³ All dates are entered according to the old calendar that was valid in Serbia until 1919.

⁴At that time, there was still no teacher's school in Serbia, so graduate theologians were the only educated teachers. The teacher's school was founded in Kragujevac in 1871.

During his life he was a professor and director in Gymnasium in Negotin (1888), professor in the Second Belgrade Gymnasium (1890), professor and director of the Teachers' School in Belgrade (1894) and in Aleksinac (1896), and rector of Theological Seminary in Belgrade (1898).

He retired in January 1899 and few months later, on May 9, he died in Belgrade.

Jevrem Ilic was an extremely respected writer of textbooks, especially for the teaching of religious studies in primary schools, and some of them have experienced as many as 41 editions. In addition, he is the author of the *Ruse Grammar for Serbian Schools*, which, in the period from 1883 to 1908, experienced four editions [PM. F. 69. 33].

Jevrem Ilic, professor and author of textbooks in Christian science and the Russian language, marked the development of Serbian pedagogy in the last decades of the XIX century with his practical and theoretical work. His education at the Theological Academy in Kiev enabled him to have a professorial career at universities in Serbia, at the Belgrade Theological Seminary, where he was also rector, author of textbooks in the Russian language and great respect among the Serbian intellectual elite.

Conclusion

Linguistic, religious and cultural kinship with the Slavic peoples directed, during the XVIII century, the first generation Serbian students at theological academies in Russia. This was a significant turning point in the history of Serbian education, as highly educated Serbs are appearing for the first time. For the most part, they are adopting a theological education that has left a deep mark on their personal lives and on the development of the social and cultural life of Serbs.

During the second half of the XIX century education in Serbia has been under various influences, and they came from our pedagogues educated abroad, mostly in Germany and Russia. Former students at teacher's schools and graduates of foreign universities brought modern ideas and tried to adapt those ideas to the needs and possibilities of Serbian society at the time. The growth of social engagement in the field of educational policy has led to the fact that at the beginning of the XX century in Serbia there were ideas of almost all pedagogical directions. Acquired pedagogues were undoubtedly representatives of the intellectual

elite of Serbia, and in different periods they had a common goal — development of pedagogical theory and practice, that is, the advancement of upbringing and education or the realization of the idea of a public school and the constitution and development of pedagogy as an independent science.

Literature and sources

Aksentijevic Borivoje. Schooling and Education in Serbia in the XVII Century. Belgrade: Pedagogical Museum, 1967. 67 p.

Curcic L. Traces of a little-known professor of the Slavonic-Latin school in Novi Sad Vasilije Krizanovski // Preservation of national identity thanks to the permeation of culture. Institute for Sacred Culture. 2013. P. 47–57.

Nikolova Maja. The could not see herself. Belgrade: Pedagogical Museum, 2013. 91 p.

PM. F. 69 (Fund Jevrem Ilic). 5. Diploma of the Kiev Spiritual Academy, Juny 9, 1877. Signed by Rector of the Academy Bishop Filaret, Deputy Rector Ivan Maljsevski, and Secretary Ivan Isajev.

PM. F. 69 (Fund Jevrem Ilic). 33. The Ministry of Education and Church Affairs asked Jevrsm Ilic to cede to the state the right to reprint his textbooks for primary school, Belgrade, November 18, 1893.

Stankov Ljiljana. Katarina Milovuk (1844–1913): Women's Movement in Serbia. Belgrade: Pedagogical Museum, 2011. 133 p.

Trgovcevic Ljubinka. Planned Elite. Belgrade: Historical Institute, 2003. 316 p.

Vukasinovic V. Preface // Preservation of national identity thanks to the permeation of cultures. Institute for Sacred Culture. 2013. P. 7–13.

Архимандрит Порфирий Успенский и православная церковь Сирии: по материалам переписки

Л. А. Герд

*Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Поездка архимандрита Порфирия Успенского в Сирию и Палестину в 1843–1844 гг. знаменовала собой начало нового этапа истории русской политики на Ближнем Востоке. Он впервые собрал сведения о состоянии православной Церкви в Сирии и Палестине, в конце 1843 г. посетил патриарха Мефодия в Дамаске, монастыри в Сирии. Вместе с Мефодием Порфирий разрабатывал проект помощи церкви и арабскому просвещению в стране. Поездка послужила началом изучения истории Антиохийского патриархата. После отъезда Порфирия из Дамаска учитель арабского языка Иосиф копирует для Порфирия книги: Пандекты Никона Черногорца, Историю Антиохийских патриархов, Путешествие патриарха Макария в Россию, уставы монастырей. Переписка Порфирия, наряду с его дневниковыми записями, дает возможность проследить детали его деятельности и выяснить круг лиц, которые способствовали установлению связей Антиохийской церкви с Россией в 40-е гг. XIX в., а также внести уточнения в характер русской «культурной дипломатии» на Ближнем Востоке в XIX столетии.

Ключевые слова: Антиохийский патриархат, русская церковная политика, православный Восток, арабское просвещение, арабские рукописи, внешняя политика России

Archimandrite Porfiry Uspensky and the Orthodox Church in Syria: according to Correspondence

Lora A. Gerd

*St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia*

Abstracts. Trip of Archimandrite Porfiry Uspensky to Syria and Palestine in 1843–1844 marked the beginning of a new stage in the history of Russian politics in the Middle East. Porfiry was the first one who gathered information about the state

of the Orthodox church in Syria and Palestine. He visited Patriarch Methody in Damascus, and the monasteries of Syria. In collaboration with Methody he developed a church aid project and support Arabic education in the country. The trip was the beginning of the study of the history of the Patriarchate of Antioch. After Porfiry's departure from Damascus, the teacher of Arabic Father Joseph made for Porfiry copies of the *Pandects of Nikon of Black Mount*, *The History of the Patriarchs of Antioch*, *the Journey of Patriarch Macarios to Russia*, charters of monasteries. Correspondence of Porfiry, along with his diary entries, makes it possible to trace the details of his activities and to find out the circle of people who contributed to the establishment of ties between the Church of Antioch and Russia in the 1840s, as well as to clarify the nature of Russian "cultural diplomacy" in the Middle East in the XIX century.

Keywords: Patriarchate of Antioch, Russian church policy, Orthodox East, Arab enlightenment, Arabic manuscripts, foreign policy

Введение

Соперничество великих держав за преобладание на Ближнем Востоке, известное под названием «Восточного вопроса», приобрело особенную остроту к середине 30-х гг. XIX столетия. Слабеющая Османская империя привлекала внимание колониальных держав — Франции и Великобритании. Помимо политических и экономических методов влияния западные державы широко пользовались идеологическими рычагами. На территории Турции удобным способом было воздействие через церковь. Прозелитизм среди мусульман считался уголовным преступлением, но не был запрещен среди православного и армянского населения, которое образовывало в Османской империи миллеты — полуавтономные общины. Привлечение восточных христиан в орбиту папского престола началось еще в эпоху крестовых походов и особенно усилилось в XVI–XVII вв., когда в рамках контрреформации папой Григорием XIII был предпринят настоящий крестовый поход на Восток по распространению унии с Римом. К середине XVIII столетия в унию обратилось много тысяч прежде православных жителей Восточной Европы и Ближнего Востока. Униаты пользовались не только денежной помощью и бесплатным образованием, но и политическим покровительством [Hajjar 1962, pp. 192–194; Levenq 1925; Laurent, 1934; Korolevskij 1911; Heyberger 2014].

Русское присутствие в Сиро-Палестинском регионе.

Первые шаги

К 40-м гг. XIX столетия в Иерусалиме имели кафедру католический патриарх и англиканский епископ. Протестанты под покровительством Великобритании широко развернули просветительскую и благотворительную деятельность, которая привлекала православных и армян. Униатский архиерей, «патриарх трех престолов» Максим Мазлум пользовался большой популярностью и упрочил позиции унии в Сирии и Палестине [Найджар 1957]. В этой ситуации, чтобы не упустить свое место при разделе Ближнего Востока на сферы влияния, России необходимо было немедленно начать действовать. Политические и экономические интересы продиктовали место основания в 1839 г. первого русского консульства в Сиро-Палестинском регионе — в богатом прибрежном Бейруте. Консулом был назначен Константин Михайлович Базили, грек по происхождению, семья которого бежала из Константинополя во время восстания 1821 г. Именно ему, природному левантийцу, было легче войти в контакт с пестрым местным населением и с греческим высшим духовенством¹.

Об основании русского духовно-политического представительства в Иерусалиме впервые заговорил церковный политик и путешественник А. Н. Муравьев, который в 1838 г. представил аргументированную записку в МИД о передаче России монастыря Св. Креста под Иерусалимом [Муравьев 2017, с. 8]². Вместе с тем восточные патриархи, Антиохийский и Александрийский, обратились к российскому Св. Синоду с просьбой о помощи против все более усиливающейся унии. В этих условиях глава внешнеполитического ведомства канцлер К. В. Нессельроде разработал проект командирования на Восток ученого архимандрита с целью ознакомления с положением церкви. «С сею целью надлежало бы избрать кроткого, благоразумного, надежного иеромонаха или архимандрита, но никак не выше этого сана, и отправить его в Иерусалим в качестве поклонника. По прибытии туда он мог бы, исполняя все обязанности богомольца, стараться снискать доверие тамошнего

¹ Константин Базили был автором очерков о Востоке, см.: [Базили 1862].

² Это предложение встретило возражения консула К. М. Базили.

духовенства, постепенно вникать в положение Православной Церкви, сообразить на месте, какие всего удобнее бы было принять меры к поддержанию Православия, и доносить о том российскому правительству» [Всепопданнейший доклад... 2017, с. 13–14]. Выбор «русского агента из духовных» пал на Порфирия Успенского, в то время настоятеля русской посольской церкви в Вене. Хорошо образованный, владеющий греческим и немецким языками, имеющий опыт служения за границей, а также обладающий незаурядными способностями и эрудицией, Порфирий прекрасно подходил для данной миссии. Задачи на него возлагались непростые и даже трудно выполнимые: он должен был выяснить ситуацию с расхождением русских пожертвований Св. Гробу и воздействовать в плане более целесообразного использования денег; собрать сведения о христианах Востока, как православных, так и инославных, а также наладить контакты с высшим духовенством. При этом статус его был неофициальным; он числился частным лицом, поклонником ко Св. Местам [Письмо вице-канцлера... 2017, с. 16–19]³.

23 октября 1843 г. архимандрит Порфирий прибыл в Сирию. Перед тем он провел более месяца в Константинополе, изучая документы в архиве русского посольства, беседуя с посланником В. П. Титовым и греческими первоиерархами, проживавшими в столице. Источниками для изучения первого посещения Порфирия Сирии являются прежде всего его опубликованные дневниковые

³ К. В. Нессельроде неоднократно подчеркивал, что Порфирию следовало ограничиваться только задачей наблюдателя и не пытаться давать какие-либо советы. «Κατάσκοποι, — писал о. Порфирий в дневнике. — Я и диакон мой писали: ἀπεσταλμένοι. Патриарх запретил говорить это, а велел писать: προσκυνῆταί. Просьба моя о том, чтобы он не писал к г. Протасову ничего особенного о мне, кроме того, что я был по благочестивому усердию и поклонялся в здешних обителях» [Порфирий Успенский 1895, с. 265]. Инкогнито о. Порфирия диктовалось различными причинами: опасностью привлечь внимание османских властей к миссии русского представителя, а также нежеланием обратить на себя внимание униатов и западных миссионеров, ревностно следивших за православными и действиями русских. Даже патриарха Григория VI в Константинополе Порфирий посещал под именем молдавского архимандрита [Порфирий Успенский 1895, с. 214].

и пространные донесения⁴. Значительно дополняются эти сведения неизданными письмами, адресованными Порфирию и хранящимися в его архиве [СПбФА РАН. Ф. 118]. Сирийская часть корреспонденции состоит из десятков писем на арабском и греческом языках к Порфирию от патриарха Мефодия, архиереев Антиохийского престола, окружения патриарха.

Переговоры с патриархом Мефодием в октябре — ноябре 1843 г.

Пробыв три дня в Бейруте, Порфирий направился в Дамаск, и 29 октября уже встретился с патриархом Мефодием [Порфирий Успенский 1895, с. 220–221]⁵. В кратких конспективных записях дневника фиксирует Порфирий содержание своих бесед с патриархом, темой которых были финансовые нужды патриархии, борьба с унией и способы русской помощи сирийской православной церкви. Мефодий жаловался на консула Базили, который пытался регулировать отношения патриархии с маронитами и друзьями, и не всегда согласовывал свои действия с патриархом. Порфирий постепенно входил во все тонкости этих взаимоотношений, в которых важное место занимали родственные связи и подкупы.

Главной проблемой, с которой сталкивалась православная церковь в Сирии, было распространение унии. Среди инструкций, которыми должен был руководствоваться Порфирий, имелся пункт о необходимости «показывать при удобных случаях всевозможную вежливость и радушие к лицам других исповеданий, не входить,

⁴ Оба эти источника были по достоинству оценены еще в конце XIX в. и изданы «Порфирьевской комиссией» Академии наук, занимающейся разбором и публикацией архивных материалов ученого [Порфирий Успенский 1895; Материалы для биографии... 1910].

⁵ Патриарх Мефодий Антиохийский был родом с о. Наксоса, там принял постриг и посвящение и жил при Наксосском (Паросском) епископе 23 с половиной года. После его смерти был епископом Анкирским и хранителем казны Вселенского патриарха. С 1825 г. — патриарх Антиохийский. «Турки его уважают. <...> Имеет память твердую. Сметлив, способен к делам, нежен характером, заражен корыстолюбием, умеет привязывать к себе людей», — такую противоречивую характеристику дал Порфирий патриарху по итогам бесед с ним [Порфирий Успенский 1895, с. 263].

однако же, с ними в короткое обращение и не простирает сближение до такой степени, чтобы оно могло поселить сомнения насчет религиозного образа мыслей русского духовенства» [Инструкции (советы)... 2017, с. 19]. В 30–40-е гг. XIX столетия в ходе борьбы возник так называемый вопрос о камилавках, который стал предметом напряженных дискуссий на протяжении многих лет. Униатские священники носили камилавки (священнические шапочки) такой же формы, как и православные. По мере распространения унии местное население не всегда могло различить их, и при почти полном тождестве обрядов униатских и православных церквей, не видело проблемы в посещении католических храмов. Патриарх Мефодий в течение многих лет пытался добиться от Порты указа, чтобы униаты изменили формы своего головного убора. Со стороны православной церкви было составлено по этому вопросу особое представление (3 июля 1838 г.)⁶. Первоиерарх Сирии, Египта и Палестины Максим Мазлум, пользуясь покровительством Франции, не соглашался. В дело вмешалась дипломатия: 31 мая 1839 г. российский посланник в Константинополе А. П. Бутенев добился издания султанского фирмана касательно изменения формы камилавок униатов (французский перевод см.: [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 24207. Л. 50–53]). Однако благодаря противодействию французского консула этот указ остался без выполнения⁷. К вопросу о камилавках Порфирий возвратился 7 декабря 1843 г. в беседе с Бейрутским митрополитом Вениамином, на обратном пути из своей поездки по Сирии. На сей раз Максим в Константинополе, по словам Вениамина, ходатайствовал у Порты, чтобы получить разрешение носить греческую камилавку, но с золотыми буквами. Дело опять зашло в тупик из-за несогласия православного Константинопольского патриарха. «Патриарх и преосвященный митрополит просили меня писать к послу. Надобно. Ибо в самом деле в целой Сирии будут говорить, что один монах победил стольких послов, и царей, и пат-

⁶ Греческий перевод с арабского оригинала был послан патриархом Мефодием Порфрию [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 166–168].

⁷ См. русский перевод письма патриархов Мефодия и Иерофея российскому Св. Синоду. 24 сентября 1839 г. [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 24207. Л. 95–97 об.].

риархов... Выигрыш Максима будет проигрыш для православия, судя по легкомыслию сириан и по слабости их веры», — заключил Порфирий [Порфирий Успенский 1895, с. 329]. Дальнейшие переговоры униатского патриарха Максима с Рифат-Пашой, министром иностранных дел и исповеданий Порты, по вопросу о камилавках не привели к положительному результату: униаты упорствовали в сохранении формы, а предложение министра вышить на шапочке буквы «католик», разумеется, тоже не было принято [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 24207. Л. 241–241 об.]. 12 февраля 1844 г. Мефодий снова высказывал надежду, что благодаря вмешательству российского посланника вопрос о камилавках наконец примет благоприятный для православных оборот [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 24207. Л. 243]. На самом деле, несмотря на представления В. П. Титова, дело так и не сдвинулось с мертвой точки⁸.

Уже 10 ноября 1843 г. патриарх Мефодий обсуждает с Порфирием идею поставить православного начальника на Ливане, где основную часть христианского населения составляли униаты-марониты [Порфирий Успенский 1895, с. 256]. Поскольку из 7 тысяч православных семей в области не было ни одного достаточно богатого и влиятельного человека, то идея патриарха состояла в том, чтобы поставить им начальника из друзей: кандидатом был один из троих братьев-друзей, эмир Али, который обещал в этом случае принять православие.

Немалое внимание в разговорах Порфирия с Мефодием уделялось важнейшему для церквей Востока в XIX в. экономическому вопросу, имениям Антиохийского престола в Молдавии и Валахии. «Преклоненные» имения восточных монастырей и церквей в Соединенных княжествах, подаренные в XVII–XVIII вв. господарями-фанариотами, и занимавшие $\frac{2}{3}$ территории княжеств, составляли главный источник доходов для восточных владельцев. В первой половине XIX в. со стороны молдо-валахских бояр началось движение за ограничение власти владельцев и обращение части доходов

⁸ О противодействии православным и русской дипломатии со стороны французских дипломатов см. донесения Порфирия: Порфирий — архиепископу Иннокентию. 2 марта 1848 г. [Материалы для биографии... 1910. Т. 2, с. 229].

на нужды местного населения. До Крымской войны, впрочем, эти попытки встречали противодействие русских властей и не приводили к искомому результату⁹. Согласно Палестинскому штату 1735 г., Антиохийская патриархия получала 100 рублей серебром в год¹⁰. С своей стороны Порфирий предложил помощь российского правительства и Св. Синода; по мнению патриарха Мефодия, ежегодная сумма в 3000 пиастров была бы достаточной для содержания патриархии и ее школ [Порфирий Успенский 1895, с. 221].

В последующие дни Порфирий знакомился с Дамаском, его достопримечательностями, патриаршим училищем. Большое внимание он уделил работе в патриаршем архиве и расследованию финансовых дел патриархии. Из Дамаска он отправился в Сайданайский монастырь [Порфирий Успенский 1895, с. 227–231]. Он был радушно встречен монахинями и провел там три дня. Порфирий подробно описал церковь, ее внутреннее убранство; отметил древнюю икону, по преданию, писанную евангелистом Лукой. Позднее, в 1913 г., эта икона будет принесена сайданайской игуменьей в дар императору Николаю II [Пятницкий 2014]. Описал Порфирий доходы и имущества монастыря, познакомился с митрополитом Селевкийским Иаковом, церковь которого была захвачена униатами, а сам он поразил его своим невежеством. Специальное внимание уделил Порфирий монастырской школе для девочек, существующей на средства патриархии. На обратном пути Порфирий снова посетил Сайданайский монастырь (6–8 ноября 1843 г.) и подробнее описал его архитектуру, ризницу и убранство церкви [Порфирий Успенский 1895, с. 238–246, 251 и далее]. На прощание он обещал игуменье ходатайствовать в России за ее монастырь и оставил пожертвование — 200 пиастров для раздачи монахиням и 300 пиастров на монастырь. В третий раз Порфирий ненадолго побывал в этом монастыре проездом в сторону Антиохии в конце ноября того же года.

⁹ Преклоненные имения были конфискованы правительством объединенных княжеств в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. без выплаты какой-либо компенсации [Герд 2014].

¹⁰ Порфирий видел в Дамаске грамоту от 7 апреля 1763 г., подтверждающую эту дачу. Грамота была издана российским Св. Синодом взамен сгоревшей в Константинополе [Порфирий Успенский 1895, с. 263].

Другой сирийский монастырь, Св. Феклы, привел Порфирия в ужас своей нечистотой и запущенностью. «Гнев мой — ревность моя. Я обличил игумена», — записал он в своем дневнике. Игумен Захария, по словам Порфирия, «хозяин для своих выгод, разбойник, крайне сердит, неучтив, груб и недогадлив». Следующий монастырь, Свв. Сергия и Вакха, принадлежащий униатам, произвел на путешественника несколько более благоприятное впечатление. Порфирий заинтересовался историей этого монастыря и, вероятно, задумал возвратить его православной церкви: он поручил найти в патриаршем архиве уставную грамоту монастыря, выданную патриархом Кириллом. Поручение было выполнено¹¹.

В итоге первой поездки в Сирию Порфирий обещал патриарху Мефодию ходатайствовать о финансовой и дипломатической помощи Сирийской церкви по следующим вопросам: 1) строительство церкви Св. Николая в Дамаске; 2) устройство училища; 3) решение дела о камилавке; 4) пособие Сайданайскому монастырю; 5) утверждение начальника из православных на Ливанской горе. К этому патриарх прибавил просьбу о пособии в строительстве православной церкви для жителей Антиохии [Порфирий Успенский 1895, с. 257]. Из Дамаска Порфирий отправился на Антиохийское поле и посетил монастырь Св. Георгия. Здесь он сделал подробную запись о нуждах обители (постройке новой стены, трапезной, церкви, ходатайство о помощи в имущественных тяжбах).

Любопытные заметки оставил Порфирий об ансариях, особом племени скорее языческих, чем мусульманских обычаев. Вряд ли он мог мечтать об их скором присоединении к православию, но все же из других записей любознательного путешественника мы узнаем, что ансарии испытывают более симпатий к христианам, чем к туркам, посещают церковь монастыря Св. Георгия и уважают монахов [Порфирий Успенский 1895, с. 286–287].

В конце ноября 1843 г. Порфирий прибыл в Триполи, где также провел некоторое время и оставил подробные описания церквей, монастырей и училищ Аркадийской епархии, а также содержание своих бесед с архиереями и другими клириками. Встречался он

¹¹ Патриарх Мефодий — Порфирию. Б/д. Получено 9 февраля 1846 г. в Константинополе [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 251].

и с православными старейшинами Триполи, которые выразили желание посылать своих детей учиться в Россию под видом торговцев [Порфирий Успенский 1895, с. 304]. Монахи Свято-Ильинского и Белемендского монастырей жаловались Порфирию на патриарха, который, по их словам, вымогал у монастырей деньги и вещи, стеснял их самостоятельность. Более того, белемендские монахи угрожали переходом в унию, если патриарх продолжит притеснять их.

В августе следующего, 1844 г. Порфирий снова проезжает через Ливан и Сирию на обратном пути в Константинополь. Среди прочих замечаний он бросил замечание о присутствии протестантских миссионеров в Хасбее и о численности православных в Сирии, которых, по словам Акрского митрополита, было не более 75 тысяч человек. 19–20 августа в монастыре Св. Илии Порфирий снова обсудил вопрос о православном эмире Ливана вместе с консулом К. М. Базили и игуменом Макарием, уважаемым как христианами, так и мусульманами.

В ходе этой поездки Порфирию пришла в голову мысль о том, что русскую духовную миссию лучше устроить на Ливане, откуда она могла бы действовать и на Палестину. Он видел две причины тому: во-первых, по правам Ливанского княжества русские монахи могли бы купить себе землю и устроить там монастырь; во-вторых, Ливан был центром католической и протестантской пропаганды [Порфирий Успенский 1895, с. 353].

Переписка патриарха Мефодия и Порфирия: научные занятия и церковная политика

Изучение современного положения церкви на Ближнем Востоке для Порфирия было неотделимо от исследования ее истории. Как на Афоне, так и в Сирии, Палестине и Египте Порфирий посвятил много времени работе в архивах монастырей и патриарших библиотеках. Он обнаружил и с помощью местных ученых людей приобрел копии и переводы с арабского многих важнейших источников по истории Церкви: хроник, описаний путешествий, грамот и церковных уставов. Первое место в сирийской части корреспонденции Порфирия занимают письма патриарха Мефодия 1843–1850-х гг. Постоянными темами этих писем являются материальное положение патриархии и способы ее поддержания; устройство школ и про-

свещения; политическое покровительство патриархату со стороны России. Четвертая тема, которая обсуждается по инициативе Порфирия, — изучение истории патриархата, поиски источников, их копирование и перевод для последующего изучения и издания. Защита интересов православия в Сирии, настаивал Порфирий, должна была основываться на исторических доказательствах и распространении этих знаний.

Патриарх Мефодий стал писать Порфирию сразу после его отъезда из Дамаска. В первом письме он сетует на то, что Порфирий не посетил его в Дамаске еще раз после посещения горного Ливана (2 декабря 1843 г.) [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 234]. Ободренный вниманием Порфирия к нуждам православия Мефодий спешит сообщить ему, что он написал Бейрутскому митрополиту о новых действиях униатского патриарха Максима в Константинополе. Из письма Мефодия от 17 декабря 1844 г. мы узнаем, что Порфирий попросил патриарха организовать копирование и перевод источников по истории Сирии [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 237–237 об.]. Всего Порфирий выслал патриарху 115 пиастров на копирование и перевод рукописей. Деньги были получены, но Мефодий не торопился их сразу пустить в дело: он назначил за работу 65 турецких флоринов, т. е. пиастров, из которых 20 за переписывание, остальные за перевод.

В конце декабря 1845 г. Мефодий отправляет Порфирию письмо, в котором докладывает о выполнении поручений по копированию и переводу Истории Антиохийских патриархов: копию доставит Порфирию в Константинополь архимандрит Григорий. Вероятно, Порфирий получил ее вместе с письмом (помета о получении 9 февраля 1846 г.) [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 251–251 об.]. К этому патриарх добавляет список епархий своего престола, населенных православными христианами, а также сигиллий патриарха Кирилла, данный монастырю свв. Сергия и Вакха (Малула).

В последующие годы патриарх Мефодий составляет для Порфирия подробное изложение о нуждах Сирийской церкви: просьба ходатайствовать о назначении русского консула в Дамаск, наподобие того, как там уже есть консулы французский, английский, австрийский, прусский и греческий; просьба о защите и покровительстве православным монастырям Сирии и Ливана со стороны России;

о необходимости православным жителям горных областей Ливана иметь гражданского начальника из своей среды, наподобие маронитов и униатов; о необходимости иметь под императорским покровительством школу в Дамаске, подобную бейрутской; просьба о помощи в деле о камилавках; просьба о строительстве православной церкви в Антиохии; помощь перед османскими властями в оформлении церкви Св. Николая в Дамаске; жалобы на сокращение доходов от имений в Молдавии и Валахии. В заключение патриарх сетовал на бедность своего престола, нуждающегося в организации школ и поддержке монастырей. Школы необходимо организовать, писал патриарх, в Эмессе (Хомсе), Антиохии, Епифании (Хаме). Большинство учеников из-за бедности вынуждены в возрасте 6–7 лет оставлять обучение и приниматься за ремесло, чтобы помогать родителям. Далее следовали жалобы на притеснения православных Ливана со стороны маронитов [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 145–150 об.].

5 декабря 1848 г. патриарх Мефодий по просьбе Порфирия составляет еще одну записку о положении церкви в Сирии и на Ливане и по пунктам отвечает на двадцать вопросов своего корреспондента [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 151–153]. Вопросы имели целью выяснить состояние католической, протестантской пропаганд и унии в Сирии, предоставить статистические данные и сведения о главах той и другой пропаганды; перспективы присоединения униатов-мелькитов к православной церкви; материальное положение православных церквей и школ, меры к их поддержке; возможность отправлять арабских юношей на обучение в Россию. Мефодий отмечает факт развития протестантской пропаганды, направленной не только на православных, но и на маронитов и друзов. Отправление юношей на учебу в Россию представляется ему делом трудным, но полезным, так как по возвращении они могут вдохновить и других. Самым болезненным оставался вопрос противодействия католической пропаганде. По просьбе Порфирия патриарх Мефодий возвращается к истории унии в Сирии в XIX в., приводит сведения о числе и состоянии католических учреждений (помимо монастырей в Бейруте, Дамаске, Триполи и на Ливане они построили церковь в Антиохии). Из рассказа патриарха складывается впечатление, что католики действуют не столько распространением

школ, сколько укреплением монастырей. Регулярных школ для сирийцев у них пока нет, писал он, а самые способные из монахов отправляются в Рим продолжать обучение. Мирян отправляют редко; по возвращении они работают учителями. Одной из важнейших мер по укреплению православия в Сирии Порфирий считал присоединение (возвращение) к православию униатов-мелькитов. Патриарх выразил готовность принять их в случае, если они того пожелают. Он отмечал, что принявшие православие иногда возвращаются обратно в унию, если находят там более благоприятные материальные условия и покровительство; однако, по его мнению, это случается редко. Интересно наблюдение Мефодия, что в среде мирян стабильность была весьма велика; духовенство же, привыкшее ходить по домам мирян, более склонно к переходу в унию, когда видит в этом для себя выгоды. Патриарх видит решение вопроса в улучшении быта духовенства, которое в настоящее время полностью зависит от прихожан. Здесь же он говорит об успехах в борьбе с католичеством в Триполи и о том, что османские власти так же неодобрительно смотрят на католиков, как и православные [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 151–152 об.]. В том же письме Мефодий приводит сведения о православных монастырях (70) и приходских церквях (215), статистические данные о численности католиков и православных семей. За неимением контактов с удаленной Феодосиупольской (Эрзерумской) епархией, сведений о ней он предоставить не мог. Всего католиков в Антиохийском патриархате было около шести тысяч семей против 19 или 20 тысяч семей православных. Далее следовали цифры о школах, численности учеников, учителей и их заработной плате. В Дамасской центральной школе, к примеру, обучалось около 300 учеников девятью учителями (дети изучали греческий и арабский языки и письмо, итальянский, турецкий). Часть учеников была на полном содержании патриархии и обеспечивалась книгами, писчими принадлежностями, одеждой и питанием.

Патриарх Мефодий продолжил писать Порфирию до конца своей жизни (он скончался 6 июля 1850 г.), сообщая о новостях своей церкви, кончине архиереев, поездках в Бейрут¹². По представ-

¹² См. письма от 26 марта, 26 мая и 30 декабря 1848 г. [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 281, 287, 296].

лению Порфирия известный русский богослов и церковный деятель греческого происхождения А. С. Стурдза пожертвовал Сайданайскому монастырю 715 рублей серебром, которые были переданы через посланника в Константинополе патриарху Мефодию¹³. В письме от 19 января 1850 г. Мефодий говорит о посещении Востока А. Н. Муравьевым [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 313]. Из письма 23 марта 1850 г. мы узнаем, что в Петербург направляется митрополит Илиупольский Неофит, который в течение ряда лет собирал пожертвования в пользу Антиохийского престола и был первым настоятелем Антиохийского подворья в Москве [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 316]. Последнее письмо Мефодия к Порфирию датируется 28 марта 1850 г. и получено в Иерусалиме гораздо позднее, 23 августа, уже после кончины патриарха [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 318].

Письма из Дамаска. Копирование рукописей и переводы

По приезде в Дамаск Порфирий первым делом заинтересовался архивом патриархата. Он познакомился с патриаршим протонотарием Иоанном Пападопулосом и учителем арабского языка священником Иосифом. Отец Иосиф рассказал ему, что перевел с греческого языка на арабский катехизис митрополита Филарета. Это знакомство имело далеко идущие благоприятные последствия: отец Иосиф в течение многих лет копировал для Порфирия арабские и греческие книги, делал переводы. Отец Иосиф, записал Порфирий в своем дневнике 2 ноября 1843 г., 22 года священствует, «кроме школьных и приходских занятий поверяет рукописи, сличает их с переводами и подлинниками греческими. Это — истинный труженик!» [Порфирий Успенский 1895, с. 255].

После беглого знакомства с архивом Порфирий оставил Иоанну Пападопулосу ряд поручений по копированию рукописей и их переводу на греческий язык. В последующих регулярных письмах Иоанн дает отчет о ходе работы и ее оплате¹⁴. 16 января 1844 г. датируется

¹³ Патриарх Мефодий — Порфирию. 12 мая 1849 г. [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 307].

¹⁴ См. письма от 23 ноября 1843 г. и 5 сентября 1844 г. [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 235, 236].

письмо архимандрита Агафангела из Дамаска, в котором он сообщает Порфирию о том, что Иоанн Пападопулос выполнил для него копии с древней арабской рукописи, содержащей некоторые стихи, а также устав монастыря Свв. Сергия и Вакха в Малула. По поручению Порфирия был сделан частичный перевод с арабской книги Истории Антиохийских патриархов [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 240–240 об.]. Эта книга была окончательно переведена для Порфирия Иоанном и выслана ему 1 октября 1844 г.¹⁵ За свой труд по переводу он получил от патриарха 50 пиастров; еще 15 было выплачено за копирование арабского оригинала. Копия Истории Антиохийских патриархов с греческим переводом была доставлена Порфирию в Константинополь в начале февраля 1846 г. архимандритом Григорием¹⁶.

7 сентября 1846 г. Иоанн Пападопулос сообщает об обнаружении им в архиве истории путешествия Антиохийского патриарха Макария в Россию в 1655 г., написанную его сыном диаконом Павлом Алеппским¹⁷. Иоанн дает краткую характеристику рукописи: она написана на арабском языке и содержит 366 листов. Начата работа по копированию и переводу путешествия Макария: 30 декабря 1848 г. он докладывает о том, что работа идет, но не окончена [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 298]. 10 февраля 1849 г. Иоанн посылает Порфирию 53 тетради копии рукописи (переписанную Ханной Сарруфом) и отчитывается о выплате за этот труд 450 грошей и 20 пар. Рукопись взялся передать сын отца Иосифа, отправляющийся в Иерусалим по торговым делам [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 301]. 18 апреля 1849 г. копирование путешествия Макария Антиохийского в Россию было окончено [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 304]. Порфирий спрашивал о существовании

¹⁵ Иоанн Пападопулос — Порфирию. 1 октября 1844 г. [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 249].

¹⁶ Патриарх Мефодий — Порфирию. 18 декабря 1845 г. Получено 7 февраля 1846 г. [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 251–251 об.].

¹⁷ Иоанн Пападопулос — Порфирию. Дамаск, 7 сентября 1846 г. Получено 17 января 1847 г. Этот текст был уже известен в английском переводе, см.: [Balfour 1836]. Перевод был сделан в 1824–1829 гг. с арабской рукописи, приобретенной в начале XIX в. в Алеппо герцогом Фредериком Гилфордом. Издание русского перевода см.: [Путешествие... 1896–1900].

описания второго путешествия Макария в Россию, но такой книги Иоанну Пападопулосу обнаружить не удалось¹⁸.

По поручению Порфирия был скопирован арабский текст важнейшего византийского памятника канонического права — Пандектов Никона Черногорца, антиохийского монаха XI столетия. В письме от 30 декабря 1848 г. Иоанн Пападопулос сообщает, что отец Иосиф трудится над копированием рукописи вопросов и ответов, а также арабской рукописи Пандектов Никона Черногорца. На оплату работы Иоанн получил от Порфирия 1000 гросиев. О продолжении работы над Пандектами говорится в письме от 12 января 1850 г. [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 310]. Копирование Пандектов было окончено отцом Иосифом в конце 1851 г. и составило 60 тетрадей¹⁹. Копия (55 больших двойных тетрадей, оплаченных по 16 гросиев за тетрадь — всего 880 гросиев) была передана Иоанном Пападопулосом Порфирию с драгоманом Фадлалой Сарруфом 10 июля 1852 г.²⁰

Гораздо больше интересовали Иоанна Пападопулоса и отца Иосифа обнаруженные в патриаршей библиотеке арабского перевода письма Мелетия Сирига против протестантского учения, адресованного Кириллу Лукарису. Отец Иосиф, продолжает Иоанн, готовит этот текст к печати [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 320–320 об.]²¹. Цель издания полемическая — чтобы дать отпор многочисленным нападкам на православие со стороны протестантских миссионеров. Иоанн рад этому сочинению, так как в противном

¹⁸ См. письмо от 5 октября 1850 г. [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 319 об.].

¹⁹ Иоанн Пападопулос — Порфирию. 15 декабря 1851 г. [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 321].

²⁰ Иоанн-Пападопулос — Порфирию. 10 июля 1852 г. Получено 31 июля. [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 324]. См. также отчет Иоанна об израсходовании средств на копирование, 10 июля 1852 г. [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 325]. Пандекты Никона Черногорца — памятник, сохранившийся в большом количестве греческих и славянских списков. Об арабском тексте см.: [Nasrallah 1969, pp. 150–162; Nasrallah 1979; De Clercq 1942].

²¹ Это сочинение было написано в 1638–1640 гг., см.: [Δουβουνιώτης 1914; Podskalsky 1988].

случае пришлось бы запрашивать какую-нибудь книгу в Святогробском подворье в Константинополе и возвращать ее обратно после справки.

Порфирий запрашивал сведения о литургических книгах маронитов: богослужебные книги у них на сирийском языке, а Евангелие и Апостол они читают по-арабски. Касательно остальных книг на сирийском языке Иоанн обещал узнать и написать.

Порфирия интересовали списки архиереев Антиохийского престола начиная с XVI в., и он надеялся через патриарха Мефодия разыскать рукописи в архиве. Однако патриарх с сожалением отвечал, что выполнение этого поручения вызывает трудности, так как со времени патриарха Сильвестра в первой половине XVIII в. старые книги оказались утрачены: «Патриархия, где следовало бы храниться и находиться таким кодексам, с записями о выборах и рукоположениях, согласно канонам и обычаям, подверглась такому грабежу, что при приснопоминаемом Сильвестре в середине XVIII в. ее расхитили и все присвоили римокатолики, при содействии тогдашней гражданской власти, и лишили патриархию не только кодексов и древних книг, но и многих древних драгоценных утварей и архиерейских облачений, священных сосудов, которые хранились издавна в патриархии, и которые принес с собой патриарх Макарий из России. Это мы заключаем из случайных старых записей и отрывков древних документов, в которых обнаруживаются некоторые перечни, в числе прочего, священные серебряные сосуды, Евангелия в окладах, священные кресты, архиерейские митры, посохи, священные дископотии и проч.» [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 316 об.–317].

После кончины патриарха Мефодия для Иоанна Пападопулоса настали трудные времена. В письмах последующих лет он жалуется Порфирию на безденежье и сложные отношения с консулом К. М. Базили²².

Благодаря знакомствам в Сирии Порфирий в Иерусалиме получил многолетнего и преданного драгомана, Фадлалу Саруфа, впоследствии преподавателя в Петербургском университете. 16 декабря

²² См. письма от 5 октября 1850 г. и 15 декабря 1851 г. [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 319–320 об., 321, 322–322 об.].

1848 г. его отец Ханна Саруф адресует Порфирию рекомендательное письмо о своем сыне [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 295].

Присоединение к православию епископа Макария Амидского

Во время своего пребывания на Ближнем Востоке Порфирий уделил много сил и времени различным проектам по вовлечению христиан нехалкидонских церквей в православие. Главным успехом здесь было присоединение к православию в 1850 г. при посредничестве Порфирия униатского епископа Макария Амидского (Диарбекирского). Сведения о нем и его желании перейти в православие Порфирий, по-видимому, получил еще накануне своей миссии в Сирию 1843–1844 гг. Прежде чем вернуться в Россию в 1845 г., он планировал провести несколько месяцев в Малой Азии и там лично встретиться с епископом Макарием. Эпидемия и политические неурядицы помешали выполнению этого плана, но Порфирий не оставляет вопроса и 22 июня 1847 г. получает письмо-справку о Макарии, составленную по его просьбе патриархом Мефодием [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 175–176]. Из нее мы узнаем, что Макарий родился в униатской семье в Алеппо, получил образование под руководством патриарха Максима Мазлума. Уже будучи Амидским епископом, он ознакомился с некоторыми догматическими сочинениями на арабском языке и пожелал перейти в православие. Около 1842 г. его соотечественник и друг митрополит Алеппский Кирилл сообщил о его желании патриарху Константинопольскому Герману. По рекомендации последнего Макарий обратился с просьбой о принятии в православии к Антиохийскому патриарху Мефодию. Тот, однако, не торопился принять его, так как имел прежде пример двух других униатов, перешедших в православие, а впоследствии возвратившихся в унию. Некоторое время Макарию пришлось снова и снова доказывать искренность своего желания. Наконец, вняв уговорам Кирилла Алеппского, патриарх Мефодий встал на сторону Макария и рекомендовал его Вселенской патриархии. Тут встал вопрос о том, чтобы избежать его вторичного рукоположения и принять его вместе с паствой возможно более упрощенным способом. Патриарх Григорий VI, по-видимому, склонялся к решению вопроса в пользу икономии

(снисхождения), однако его преемник Анфим VI (первое патриаршество 4 декабря 1845 г. — 18 октября 1848 г.) настаивал на вторичном рукоположении. После некоторого колебания Макарий согласился. Антиохийский же патриарх, опасаясь противодействия католиков, потребовал согласования вопроса с патриархом Иерусалимским. Все эти переговоры заняли довольно много времени. Наконец осенью 1846 г. Антиохийский патриарх дал свое согласие, чтобы присоединение Макария Амидского состоялось в Константинополе. Макарий прибыл в столицу, где и был принят в православие вместе с тридцатью семьями своей епархии, главы которых заверили свои подписи печатями. Патриарх Мефодий не скрывает того, что присоединение состоялось при посредстве «православных покровителей», т. е. российского посланника В. П. Титова, а также прорусски настроенного бывшего патриарха Констанция. При присоединении был решен в пользу снисхождения также щекотливый вопрос о крещении Макария и его паствы: оно было признано действительным, несмотря на относительно строгое в то время соблюдение Константинопольской патриархией правила о перекрещивании католиков, введенное в 1756 г. Рукоположен же был Макарий повторно: «Отрекшись всей душой и сердцем, через переводчика, от всего того, что противоречит догматам Восточной Церкви и от всех бывших нововведений, дав клятву верности и пройдя все священные ступени, согласно церковному уставу, он, наконец, был рукоположен Патриархом в архиереи» [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 176]. Ему был присвоен титул «Макарий Митрополит Амидский, ипертим и экзарх всей Месопотамии, Четвертой Армении, и имеющий место Эдессу». На содержание его было определено 1000 гросиев в год.

Вдохновителем движения присоединения униатов к православию в это время стал Алеппский митрополит Кирилл, под покровительством которого в городе, где больше половины христиан составляли мелькиты, собиралось общество Никодимов. Именно ему удалось убедить патриарха Мефодия отбросить свои сомнения и принять Макария Амидского. Кирилл изучал антилатинскую литературу и даже предпринимал переводы антилатинских сочинений на арабский язык. Так, он хотел поручить Иоанну Пападопулосу перевод на арабский язык двухтомного сочинения Адама Зерникава

(Черниговского) об исхождении Св. Духа²³, но тот отказался: задача представлялась ему трудновыполнимой и почти невозможной.

В архиве Порфирия сохранилось несколько писем митрополита Алеппского Кирилла. 7 октября 1845 г. он пишет Порфирию об обществе Никодимов в Алеппо, в котором состояли архиереи, священники и миряне, испытывающие симпатию к православию. Собрания общества проходили в доме Хаджи Иоанна Фахри [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 253–253 об.]. 31 августа 1847 г. он докладывает о деятельности общества: именно через это общество прошел митрополит Макарий Амидский, и, согласно заверению митрополита Кирилла, ему принадлежит заслуга обращения Макария к православию. Готов искать присоединения, по словам Кирилла, и Триполийский униатский епископ²⁴. Митрополит Кирилл еще раз напоминает о себе и братстве Никодимов, когда Порфирий вступил в должность начальника Русской духовной миссии²⁵.

Помощником Кирилла стал Георгий Шамиэ, константинопольский купец, занимавший должность логофета Антиохийского патриарха Мефодия. В письме от 14 июля 1847 г. Георгий рассказывает Порфирию о своих переговорах с митрополитом Макарием, в результате которых тот склонился к переходу; кроме того, ему удалось расположить к православию униатского митрополита Триполийского Афанасия и митрополитов Ассирийских. Жалуется он на преследования со стороны врагов, в первую очередь католиков, и просит Порфирия о поддержке²⁶. Поскольку ответа на это письмо

²³ De processione Spiritus Sancti a solo Patre (1682), в котором Адам Черниговский (Зерникав) доказывал необоснованность введения католической церковью Filioque в Символ Веры. Греческий перевод трактата был выполнен Евгением Булгарисом (вместе с другими антилатинскими сочинениями) и издан в 1797 г., см.: [Ἀδὰμ Ζοῦρνικαβίου Βορούσσου 1797].

²⁴ Митрополит Кирилл Алеппский — Порфирию. 31 августа 1847 г. Получено 4 ноября 1847 г. в Одессе [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 267–267 об.].

²⁵ Митрополит Кирилл Алеппский — Порфирию. 1 апреля 1848 г. [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 283].

²⁶ Георгий Шамиэ — Порфирию. Константинополь, 14 июля 1847 г. Получено в Петербурге 27 июля 1847 г. [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 265–265 об.].

не последовало, 4 октября Георгий снова обратился к нему, на сей раз через А. С. Стурдзу. Георгий подчеркивает, что ему удалось привлечь на свою сторону Триполийского митрополита Афанасия, который тоже думает, по примеру митрополита Амидского, о присоединении к православию²⁷.

Инициатива обращения сирийских греко-католиков в православие имела довольно незначительный результат: уже в начале 60-х гг. XIX в. большинство новообращенных из Дамаска возвратились в унию. Судьба общины в Диарбекире также была незавидной: митрополит Макарий уехал в Россию собирать пожертвования, в свою епархию так и не вернулся, и уже в 70-е гг. поступают сведения о плачевном состоянии этой небольшой православной кафедры, которую время от времени возглавлял какой-нибудь митрополит из греков [Gerd 2021, р. 134–157]. Церковь свв. Космы и Дамиана, из которой Макарий вывез мощи и в которой, по его словам, оставались некоторые святыни, была разрушена в начале XX в.

Выводы

Итоги первой миссии архимандрита Порфирия на Восток в 1843–1844 гг. были весьма значительными. Во-первых, он впервые доставил в МИД сведения о состоянии православного Востока. Во-вторых, он разработал новую программу помощи христианам Востока, которая легла в основу всей последующей церковной политики России до начала XX столетия. В основу этой программы была положена поддержка православных арабов, которые составляли паству Антиохийского и Иерусалимского патриархатов. Поддерживать Православие в регионе Порфирий считал необходимым путем организации школ для сельского населения и отправки юношей учиться в русских духовных семинариях и академиях. Посылать средства на восстановление и строительство и украшение храмов

²⁷ Георгий Шамиз — Порфирию. Константинополь, 4 октября 1847 г. Получено 4 ноября 1847 г. в Одессе [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 269]. Здесь же Георгий прилагает копию письма Кирилла Алеппского от 24 августа 1847 г., в котором он жалуется на бедность и необходимость содержать школы. Очевидно, он рассчитывал получить поддержку от Порфирия [СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105. Л. 271–271 об.].

и монастырей он также считал целесообразным, но их расходование должно находиться под контролем русских представителей. Изучение истории христианской церкви Востока было одним из главных предметов интереса Порфирия: без этих знаний он не мыслил себе успех русского дела на Востоке. В целом программа Порфирия находится в русле «культурной дипломатии», которую в XIX в. проводили через миссионерские, филантропические и историко-культурные учреждения все европейские державы. Отличие состояло в том, что Россия опиралась на испокон веку существующую церковную организацию православных патриархатов Востока, в то время как Франция и Великобритания действовали путем создания своих (католических и протестантских) учреждений и привлечения в них местного арабского населения. Наиболее сложную проблему представляла уния: она воспринималась в Сирии как явление более или менее традиционное (к середине XIX в. ей было уже 200 лет), а история тесных контактов с Римом восходила еще к поздневизантийскому периоду. Задачи русской политики на Востоке были во многом выполнены уже после Крымской войны, и особенно с созданием Императорского Православного Палестинского Общества в 1882 г.

Литература и источники

Базили К. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. Одесса: тип. Л. Нитче, 1862. Ч. 1. XXIV, 408 с.

Всепопданнейший доклад вице-канцлера графа К. В. Нессельроде об отправлении духовного лица в Иерусалим. 13 июня 1842 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М., 2017. Т. 2. С. 13–14.

Герд Л. А. Секуляризация имений восточных монастырей и церквей в Валахии и Молдавии в начале 1860-х годов и Россия // Вестник православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. 2014. Серия II. История. Вып. 6 (61). С. 7–34.

Инструкция (советы) министерства иностранных дел архимандриту Порфирию. 2 ноября 1843 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М., 2017. Т. 2. С. 19.

Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского / Изд. Акад. наук; под ред. П. В. Безобразова. СПб., 1910. Т. 2: Переписка. 1038 с.

Муравьев А. Н. Записка о монастыре Св. Креста под Иерусалимом. 1838 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М., 2017. Т. 2. С. 8.

Письмо вице-канцлера графа К. В. Нессельроде к посланнику в Константинополе В. П. Титову. 2 ноября 1843 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М., 2017. Т. 2. С. 16–19.

Порфирий Успенский. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записи епископа Порфирия Успенского / Под ред. П. А. Сырку. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1895. Т. 2: Годы 1844 и 1845. [4], 551 с.

Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию, в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским (по рукописи Московского Главного архива министерства иностранных дел) / Пер. с арабского и предисл. Г. Муркоса. М.: О-во истории древностей рос. при Московском ун-те, 1896–1900. Вып. 1–5.

Пятницкий Ю. А. Антиохийский патриарх Григорий IV и Россия: 1909-1914 годы // Исследования по Аравии и Исламу: сборник статей в честь 70-летия М. Б. Пиотровского / Сост. и отв. ред. А. В. Седов. М., 2014. С. 282–337.

РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 24207.

СПбФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 105.

Ἀδὰμ Ζοιρνικαβίου Βορούσσου Περὶ τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἐκ μόνου τοῦ Πατρὸς πραγματεία θεολογικαὶ ἐννέα καὶ δέκα ἐκ τῆς Λατινίδος φωνῆς μεταφρασθεῖσαι. Ἐν Πετρούπολει, Αὐτοκρατορικῆς Ἀκαδημίας Ἐπιστημῶν, 1797.

Δυοβουνιώτης Κ. Μελέτιος Συρίγος. Ἐν Ἀθήναις, 1914.

Balfour C. Travels of Macarios, Patriarch of Antioch. London: Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1836. Vol. 1–2.

De Clercq Charles. Les textes juridiques dans les Pandectes de Nikon de la Montagne Noire. Venise: Tipografia dei Padri mechartaristi, 1942. 93 p.

Gerd L. Russia and the Melkites of Syria: Attempts at Reconverting into Orthodoxy in the 1850-s and 1860-s // Scrinium. 2021. Vol. 17. P. 134–157.

Hajjar J. Un lutteur infatigable, le Patriarche Maxime Mazloum. Harissa, Imprimerie Saint-Paul, 1957. 310 p.

Hajjar J. Les Chrétiens uniates du Proche-Orient. Paris: Éditions du Seuil, 1962. 380 p.

Heyberger B. Les chrétiens du Proche-Orient au temps de la Réforme catholique (Syrie, Liban, Palestine, XVIIe–XVIIIe siècle). Rome: École Française de Rome, 2014.

Korolevskij C. Histoire des Patriarchats Melkites. Rome, 1911. Vol. III.

Laurent V. L'âge d'or des missions latines en Orient (XVII–XVIII siècles) // L'Unité de l'Église. Paris, 1934.

Levenq G. La première mission de la Compagnie de Jesus en Syrie (1625–1774). Beirut, 1925. 99 p.

Nasrallah J. Un auteur antiochien du XIe siècle: Nikon de la Montagne Noire (vers 1025 — début du XIIe siècle) // Proche-Orient Chrétien. 1969. Vol. 19. P. 150–162.

Nasrallah J. Histoire du mouvement littéraire dans l'Église melchite du Ve au XXe siècle. Louvain: Éditions Peeters, 1979. 316 p.

Podskalsky G. Griechische Theologie in der Zeit der Türkenherrschaft (1453–1821). Die Orthodoxie im Spannungsfeld der nachreformatorischen Konfessionen des Westens. München: C. H. Beck, 1988. XIV, 439 S.

Список сокращений

БАН	Библиотека Российской академии наук
БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси
БМС	Библиотека Матицы Сербской (г. Нови-Сад)
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (больше- виков)
вуз	высшее учебное заведение
ГАНИНО	Государственный архив новейшей истории Нов- городской области
ГАНО	Государственный архив Новгородской области
ГИКМЗ МК	Государственный историко-культурный музей- заповедник «Московский Кремль»
ГПБ	Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (г. Ленинград)
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЛГПИ	Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена
ЛеноблОНО	Ленинградский областной отдел народного об- разования
литфак	литературный факультет
ЛОПИ	Ленинградский областной педагогический инсти- тут имени А. С. Бубнова
МИД	Министерство иностранных дел
НБРК	Новгородский государственный педагогический институт
НГПИ	Национальная библиотека Республики Карелия
НГУИ	Новгородский государственный учительский ин- ститут
НЕВ	Новгородские епархиальные ведомости
НИА СПбИИ РАН	Научно-исторический архив Санкт-Петербур- гского института истории РАН
НИОР БАН	Научно-исследовательский отдел рукописей Биб- лиотеки Российской академии наук
НИС	Новгородский исторический сборник
НКП РСФСР	Народный комиссариат просвещения РСФСР
НовГУ	Новгородский государственный университет име- ни Ярослава Мудрого

Список сокращений

ОВА НовГУ	Объединенный ведомственный архив Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого
ОПИ НГОМЗ	Отдел письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника
ОР ГИМ	Отдел рукописей Государственного исторического музея
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОРКР НГОУНБ	Отдел редкий книг и рукописей Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки
ОФР	Очерки феодальной России
педвуз	педагогическое высшее учебное заведение
пединститут	педагогический институт
педтехникум	педагогический техникум
ПКНО	Памятники культуры. Новые открытия
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
ПЭ	Православная Энциклопедия
рабфак	рабочий факультет
РАО	Российская академия образования
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ	Российская государственная библиотека
РГГУ	Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	Российский государственный исторический архив
РНБ	Российская национальная библиотека
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФА РАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СККДР	Словарь книжников и книжности Древней Руси
ТГОМ	Тверской государственный объединенный музей
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы
MPSJ	Monumenta Paedagogica Societatis Jesu nova editio ex integro refracta
PM	Pedagogical Museum, Belgrade, Serbia
UAW	Universitätsarchiv Wien

Сведения об авторах

Вознесенская Ирина Александровна, кандидат исторических наук, Библиотека Российской академии наук, старший научный сотрудник, e-mail: voznesen@list.ru

Герд Лора Александровна, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, ведущий научный сотрудник, e-mail: loragerd@gmail.com

Девятайкина Нина Ивановна, доктор исторических наук, Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова, профессор, e-mail: devyatay@yandex.ru

Десятков Константин Станиславович, кандидат исторических наук, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, e-mail: des-con@yandex.ru

Жаров Дмитрий Олегович, Центрально-Европейский университет (Вена), магистрант, e-mail: dozharov@yandex.ru

Корзо Маргарита Анатольевна, кандидат исторических наук, Институт философии Российской академии наук, старший научный сотрудник, e-mail: korzor@mail.ru

Кошелева Ольга Евгеньевна, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, ведущий научный сотрудник, e-mail: okosheleva@mail.ru

Мельников Илья Андреевич, кандидат культурологии, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, научный сотрудник; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, старший научный сотрудник, e-mail: potep_88@mail.ru

Николова Майя Панайот, Master of Science Museum Adviser, UNIHUB, директор, Белград, Сербия, e-mail: ngomusketar@hotmail.com

Панченко Олег Витальевич, кандидат филологических наук, Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), старший научный сотрудник, e-mail: pankow@mail.ru

Сведения об авторах

Рамазанова Джамиля Нуровна, кандидат исторических наук, Российская государственная библиотека, заведующая Научно-исследовательским отделом редких книг (Музей книги); Институт славяноведения РАН, старший научный сотрудник, e-mail: jamiliara@gmail.com

Салоников Николай Вячеславович, кандидат исторических наук, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений; Государственный архив Новгородской области, старший научный сотрудник, e-mail: salonikov@list.ru

Суториус Константин Владимирович, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), доцент департамента филологии, e-mail: sutorius@mail.ru

Федорук Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, доцент кафедры истории России и археологии; Государственный архив Новгородской области, старший научный сотрудник, e-mail: natalya_fedoruk@mail.ru

Ярулина Саида Искандеровна, студентка 4-го курса ОП «Филология», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), e-mail: saidayarulina5@gmail.com

Содержание

Предисловие	5
<i>Д. Н. Рамазанова</i>	
Значение трудов Б. Л. Фонкича для изучения наследия братьев Лихудов	7
Традиции образования и книжной культуры в России	
<i>М. А. Корзо</i>	
Какие учебники (не)использовали в Киевской братской школе 1620-х гг.: некоторые наблюдения	19
<i>О. Е. Кошелева</i>	
Формирование православного содержания образования в последней четверти XVII в.: специальная учебная литература	28
<i>К. В. Суториус, С. И. Ярулина</i>	
Новгородская греческая грамматика Лихудов и ее возможные источники	40
<i>О. В. Панченко</i>	
О литературной деятельности чудовского дьякона Иова, ученика братьев Лихудов, во время его ссылки на Соловки в 1701–1703 гг.	80
<i>Н. В. Салоников, К. В. Суториус</i>	
Учитель Новгородской архиерейской школы иеромонах Иов и его библиотека	102
<i>К. С. Десятков</i>	
Переписка новгородского митрополита Иова с Федором Поликаровым-Орловым	118
<i>Д. Н. Рамазанова</i>	
Два сочинения по риторике из рукописей учеников «лихудовского круга»: новые данные	132

И. А. Вознесенская

Высшая школа в петровское время:

ведомость Московской славяно-греко-латинской академии

1727 г. как источник по истории образования 140

Н. В. Салонилов, К. В. Суториус

Судьбы учеников Новгородской архиерейской школы

при Феофане (Прокоповиче) 148

И. А. Мельников

Собрания старообрядческих книг Новгородской духовной

семинарии и «Братства Св. Софии» в контексте

«внутренней миссии» 163

Н. С. Федорук

Начальный этап становления высшего исторического образования

в Великом Новгороде. 1932–1936 гг. 174

Европейские традиции образования и проблемы международных культурных связей

Н. И. Девятайкина

Петрарка о воспитании через образование: потенциалы риторики

(по письмам, инвективам и диалогам) 193

Д. О. Жаров

Борьба за учеников: конфликт Венского университета

и иезуитского коллегіума в 1551–1623 гг. 207

Maja Nikolova

Higher Education of Serbian Pedagogues abroad: Russia

as a Source of University Education 220

Л. А. Герд

Архимандрит Порфирий Успенский и православная

церковь Сирии: по материалам переписки 230

Список сокращений 254

Сведения об авторах 256

Научное издание

ЛИХУДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2022

Материалы научной конференции «Пятые Лихудовские чтения»
Великий Новгород, 14–15 апреля 2022 г.

Оригинал-макет: Н.И. Пашковская
Корректор: Н.М. Казамирчик

Подписано в печать 13.03.2023 г. Бумага офсетная. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.
Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15. Уч.-изд. л. 16,3. Тираж 500. Заказ № 13032023.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

Отпечатано: ИП Копыльцов П.И.,
394052, Воронежская область, г. Воронеж,
ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56.
Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru